

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА
АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ЯНВАРЬ
ФЕВРАЛЬ **№ 1 (103)**

МОСКВА 2016

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

2016. № 1. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Редакционно-издательский совет:

д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок; академик РАН С.Ю. Глазьев;
член-корр. РАН Р.С. Гринберг; к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. В.П. Колесов; д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. В.М. Кульков; академик РАН В.Л. Макаров; д.э.н., проф. С.П. Макаров;
д.и.н., проф. Г.Р. Наумова; д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., проф. А.А. Пороховский; к.и.н. И.П. Смирнов;
д.э.н., проф. Л.А. Тутов; д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора

Научно-экспертный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан);
д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. В.Д. Базилевич (Украина);
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский);
член-корр. НАУ А.А. Гриценко; д-р, проф. В. Драшкович (Черногория);
д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар); д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
д.э.н. К.А. Зимарин; д.э.н., проф. О.В. Иншаков (Волгоград); д.э.н., проф. В.Я. Иохин;
д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск);
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль);
д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород); д.э.н., проф. П.С. Лемещенко (Белоруссия);
д-р, проф. А.З. Новак (Польша); д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров);
к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург); д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома);
д.э.н., проф. В.М. Юрьев (Тамбов); д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Редакционная коллегия:

Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова (научный редактор), А.А. Антропов, С.С. Мерзляков,
К.В. Молчанов, С.С. Нипа, Т.С. Сухина, Т.Г. Трубицына (редактор)

Организационно-техническое сопровождение:

О.Б. Лемешонок, И.А. Ольховая, А.В. Осипова
Художник — Е.Ю. Осипова

Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов и изданий

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>, саім: <http://www.philh.ru>

<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/flhjournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в типографии «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания «БАРЕЛЬ»»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2016

Содержание

Год восемнадцатый! (Ю.М. Осипов)	7
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Прорыв в Иное (к итогам четвертьвекового бытия Центра общественных наук)	11
Раздел I. Философия хозяйства	
<i>В.К. Королёв</i>	
«Философия хозяйства» как социогуманитарная основа модернизации экономической мысли	17
<i>С.Г. Кара-Мурза</i>	
О модели кризиса и задачах обществоведения	22
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Метафизика и онтология софийной мудрости в России	30
<i>С.С. Слепаков</i>	
К вопросу о смысловых доминантах российских реформ (воспроизводственный подход)	40
<i>В.А. Ушанков</i>	
О здравом смысле, национальной арифметике и своеобразии отечественной экономической науки.....	48
<i>Т.И. Пороховская</i>	
Философия хозяйства и этика бизнеса.....	55
<i>Г.И. Мойсейчик</i>	
О необходимости смены парадигмы методологии современной науки	75
<i>М.Р. Фомина</i>	
История философии хозяйства: хозяйственная этика протестантизма и конфуцианства	91
<i>Р.Е. Соколов</i>	
Философия хозяйства протестантизма в «Теологической этике» Роте	103
Раздел II. Экономическая теория	
<i>А.А. Пороховский</i>	
Экономическая теория как совокупность базовых теорий экономики	115
<i>В.М. Кульков</i>	
Теоретическое отражение национальной экономики: роль философии хозяйства.....	136
<i>Г.А. Ахинов, К.А. Зимарин</i>	
Вопросы формирования в Европейском Союзе региональной финансовой системы	142

<i>А.З. Новак, К. Рычъ</i>	
Что после евро?	151
<i>А.В. Кузнецов</i>	
Глобальные дисбалансы: институциональный подход	157
<i>В. Драшкович</i>	
Против неграмотной науки	166
<i>Э.П. Дунаев</i>	
Некоторые соображения по поводу планирования в современной России	168
<i>Т.И. Коптелова</i>	172
Логика органического как основа методологии изучения устойчивого экономического развития	172
<i>Е.В. Трифонов</i>	
Социально-экономическая концепция развития России	178
<i>Д.А. Антипов</i>	
Основные этапы становления нелиберальной модели развития	187
Раздел III. Актуальная философия	
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Что значит «смерть автора» с точки зрения антропологии?	197
<i>С.В. Синяков</i>	
Общественное знание как идеология	201
<i>К.В. Молчанов</i>	
О теме «Реальность и идеальность» в современной диалектике и о наиболее значимых ее положениях и выводах из нее	211
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Трансформация веры в современном мире	223
<i>Н.П. Козленко</i>	
Наука, искусство, религия: подходы к познанию и предназначение	228
Раздел IV. Рецензии и отклики	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Сказанное и невысказанное в одном флаконе (подготовительные заметки председателя конференции)	241
<i>С.С. Мерзляков</i>	
Клиповое сознание — это не плохо?	
Клиповое сознание — это хорошо?	256
Научная жизнь	
<i>И.П. Смирнов</i>	
К 25-летию Центра общественных наук при МГУ	265
<i>Е.С. Зотова</i>	
О российской обществоведческой и философско-хозяйственной мысли сегодня	270
Наши авторы	300

Contents

Year 18th! (<i>Yu.M. Osipov</i>)	7
<i>Yu.M. Osipov</i> Break in Other (on Results of Quarter-Century Anniversary of the Center of Social Sciences)	11
Part I. Philosophy of Economy	
<i>V.K. Korolyov</i> «Philosophy of Economy» as Social-Humanitarian Basis for Economic Thought Modernization	17
<i>S.G. Kara-Murza</i> About the Model of Crisis and the Social Science Problems.....	22
<i>N.B. Shulevski</i> Metaphysics and Ontology of Russian Sophian Wisdom	30
<i>S.S. Slepakov</i> To the Problem of Notional Dominants of Russian Reforms	40
<i>V.A. Ushankov</i> About the Common Sense, National Arithmetic and National Economic Science's Originality	48
<i>T.I. Porohovskaya</i> The Philosophy of Economy and Business Ethics	55
<i>G.I. Moyseichick</i> Oh the Need Paradigm Change of Methodology of Modern Science	75
<i>M.R. Fomina</i> History of Philosophy of Economy: Economic Ethics of Protestantism and Confucianism	91
<i>R.E. Sokolov</i> Philosophy of Protestant Economy by «Theological Ethics» Rote	103
Part II. Theory of Economics	
<i>A.A. Porohovski</i> Theory of Economy as Complex of Basic Economic Theories	115
<i>V.M. Kulkov</i> Theoretical Reflection of National Economics: The Role of Philosophy of Economy	136
<i>G.A. Achinov, K.A. Zimarin</i> Problems of Creation of Regional Finance System in European Union	142
<i>A.Z. Novak, K. Rych</i> What after Euro?.....	151

<i>A.V. Kuznetsov</i>	
Global Imbalances: Institutional Access.....	157
<i>V. Drashkovich</i>	
Against Illiterate Science	166
<i>E.P. Dunaev</i>	
Some Thoughts about Planning in Modern Russia.....	168
<i>T.I. Koptelova</i>	172
Logic Organic As Fundamentals of Methology of Studying Sustainable Economic Development	172
<i>E.V. Trifonov</i>	
Social-Economic Concept of Russian Development	178
<i>D.A. Antipov</i>	
Main Stages of Formation of the Neoliberalism	187
Part III. Actual Philosophy	
<i>F.I. Girenok</i>	
What «the Death of the Author» from the Point of View of Anthropology Means?	197
<i>S.V. Sinyakov</i>	
Social Science as an Ideology.....	201
<i>K.V. Molchanov</i>	
About «Reality and Ideality» in Modern Dialectics and It's Most Important States and Conclusions.....	211
<i>N.N. Rostova</i>	
Transformation of Belief in the Modern World.....	223
<i>N.P. Kozienko</i>	
Science, Art, Religion: Access to the Knowledge the Destination.....	228
Раздел IV. Reviews and Responds	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Said and Unsaid Together (Preparatory Notes by President of the Conference).....	241
<i>S.S. Merzlyakov</i>	
Is Clipping Consciousness not Bad? Is Clipping Consciousness Good?	256
Scientific Life	
<i>I.P. Smirnov</i>	
For 25-year Anniversary	265
<i>E.S. Zotova</i>	
About Russian Social-Scientific and Philosophical-Economic Thinking Nowadays.....	270
Authors	300

Год осмнадцатый!

Позволим себе сказать именно так: осмнадцатый, а не восемнадцатый, ибо так историчнее, романтичнее, даже и веселее, ибо только что ушедший 2015-й год стался юбилейным для Центра общественных наук — 25 лет с момента образования Центра в 1991 г., а наступивший 2016-й оказался юбилейным годом для другого основателя-носителя журнала — экономического факультета, которому исполняется в 2016 г. 75 лет (образован в декабре 1941 г.).

Журнал, конечно, не Центр и не факультет, он всего лишь их интеллект-трибуна, хотя при этом и мощный интеллект-очаг — и движется журнал не только по своей размыслительно-публицистической дорожке, но и по институционально-деловой, а она, эта последняя, вполне ныне юбилейная, а в хитром юбилейном исчислении (25 плюс 75) прямо-таки столетняя.

Числа, как и слова — магичны, — и трудно пройти мимо сложения двух юбилейных дат: 25 и 75, да и не порадоваться удачному, а может — судьбоносному, выходу на свет суммарного числа 100 — зычного, сильного, ответственного!

100 — знак полной полноты, крайней насыщенности, верной самодостаточности. Для журнала — в самый раз! Не в годах тут дело, а в самом числе, сопровождающем эзотерически осмнадцатый год бытия журнала. Хорошее тут случилось сочетание: 25, 75 и 100!

Журнал, пройдя в 2015 г. очередной кастинг на качество в Высшей аттестационной комиссии, то бишь оставшись в аккредитационном списке ВАК, выходит в 2016 г. в полной своей силе, оставаясь на редкость содержательным, оригинальным, вовсю и актуальным периодическим научно-мыслительным изданием, а главное — вольным, ничего никому не навязывающим, лояльным к разнообразному мыслиезъявлению, кроме, конечно банального, непродуманного, неверенного.

Журнал — безусловный рупор философии хозяйства, метафизической философии, концептуального мировоззренчества. Однако он доступен и для другого знания — того же научно-исследовательского, даже и прикладного, но не слишком все-таки специализированного, для чего существуют другие, тоже, видно, неплохие журналы.

Сам по себе нынешний исторический момент, окружающий журнал, совсем не простой для обобщающей, воззренческой, трактовочной мысли, ибо вся интеллектуальная сфера переживает сегодня свой собственный одновременно ей услужливо преподнесенный (чуть было не сказал — подсунутый) кризис, грозящий высокому интеллектуализму и самой настоящей катастрофой.

Весь умственный мир совсем еще недавно восторгался нашествием цифры, числа и прикладной математики, экспоненциальным нарастанием вездесущих моделирования и программирования, буйным компьютерным бумом, дрожжевым разбуханием информатики, вселенским технологическим взрывом — и в этом неописуемом восторге был свой резон: небывалые познавательные и созидательные возможности, резкое умножение научного знания, приход нового мира.

*Но когда это всё вдруг наступило, то неожиданно-негаданно наступило и другое: господство счетно-информационного техномира над *homo sapiens*, неуклонное и невозвратное превращение человека из *homo sapiens* в *homo technicus*!*

Вот те на! Философия тут уже не более, чем скромное и угрюмое морализаторство; фундаментальная наука — всего лишь образовательное подспорье; теория... теория... э-э... уже и блистательно подернутая патиной отжившая свое ненужность. На коне теперь... технологика, как раз та самая — в значительной мере уже и технологика ради самой технологики.

Информационно-технологическая революция, убивающая не одну мировоззренческую философию, но и любую абстрактную науку — фундаментальную, теоретическую, концептуальную, загоняющая философию в жалкие специализированные резервации, а абстрактную науку превращающая в ничего не значащую «игру в бисер».

Ученый ныне не самостоятельный субъект, не самодостаточный интеллект, не самостоящий творец, а принадлежность и

слуга компьютерики, объект и слуга информатики, элемент и слуга техносферы.

А у нас — у журнала, видите ли, слово, философия, теория, мировоззрение! Выходит, что сплошная тут с нашей стороны «контрреволюция», хотя никто из нас вроде и не против математики, информатики, компьютерики, но при этом все-таки и за кое-что другое, как раз то самое, что наполняет и держит сознание человека, его душу, хранит и утверждает человеческое в человеке.

А вот новый техникум против человечности, он видит в человеке не человека вовсе, а систему, механизм, машину, компьютер, как и попросту всего лишь некое незащищенное информационное облачко.

Так кризис здесь всего лишь этапный или уже неэтапная катастрофа?

Философия хозяйства всё это видит и об этом упорно говорит, стремясь сохранить человека в человеке, для чего и ушла она в метафизис и «бредит» метафизикой, мало того — ушла к Софии и «бредит» софиасофией.

Конфликт!

Да, конфликт: между словом и цифрой; между мыслью и моделью; между сознанием и машиной, а в итоге — между все-еще-человеком и уже-не-человеком, или же... постчеловеком.

А что наш журнал? Он как раз в самом центре, если не в пекле, происходящего, ибо он, будучи сам философией хозяйства, всё видит, многое понимает, кое-что и предвидит. Всё доступно нашему журналу, кроме скуки! Журнал — сама жизнь! И что важно: есть и она — философия журнала, совсем и не пустая, не игрушечная, не слабая — и ничего не остается нам — доморощенным-де ретроградам — как жить журналом и в журнале, обогащая его и себя, разбрасывая по интеллект-контексту зерна необработанной торжествующим техномиром все-еще-человеческой — следственно, и софийной! — мысли.

Главный редактор

Ю.М. ОСИПОВ

Прорыв в Иное
(к итогам четвертьвекового бытия
Центра общественных наук)

2015 г. — год 25-летнего юбилея Центра общественных наук при МГУ. Завершился юбилейный год Международной научной конференцией *«Российская обществоведческая и философско-хозяйственная мысль сегодня: итоги, проблемы, перспективы»*, прошедшей в МГУ на базе экономического факультета 2—4 декабря 2015 г. В конференции приняли участие 180 человек при 80 выступивших.

Творческое ядро конференции составили участники научного сообщества, объединяемого Центром общественных наук, приглашенные отовсюду коллеги, члены Академии философии хозяйства.

Разговор на конференции получился содержательным, смысловым, крепким. Без «воды», по сути, верно. Чувствовалось взаимопонимание, был творческий контакт, имело место сомыслие. В воздухе витали идеи, откровения, концепты.

Так, собственно, и должно было быть на юбилейной — итожащей и провидящей — конференции; именно так не могло не случиться на этапном — знаменательном и значимом — научно-размыслительном форуме.

Все сказанное на конференции перетечет — обдуманное, усовершенствованное, расширенное — в большую послеконференционную монографию, которая станет безусловным достоянием мыслящей общественности, плодоносным для нее источником знания, искрящимся очагом новой мысли

Однако приступил я к данному очерку не ради информирования о юбилее Центра и прошедшей декабрьской конференции. Побудительным толчком к написанию сего текста послужили для меня две подготовленные по случаю юбилея Центра и к декабрьской конференции книги: *«Восхождение. Четверть века в походе за истиной»* —

моей и «*Хозяйство и мысль*» — коллективного монографического труда.

Взяться за рецензионное перо меня заставило не что иное, как *уникальное содержание* этих книг, которому нет и не может быть сегодня ни аналога, ни конкурента. Мало кто из обладателей этих двух книг вполне осознает, чем он на самом деле обладает, какой значительной духовно-интеллектуальной ценностью. Попадание в Иное вовсе не значит понимания как самого этого Иного, так и факта в него попадания, в нем заинтересованного присутствия. А книги эти как раз об Ином, мало того — уже немало осмысленном и приближенном к размышляющему сознанию, конкретным выражением чего является *философия хозяйства*, а абстрактным носителем — *софиасофия*!

Представленные в книгах тексты просто так не рождаются: это вам не результаты научных исследований и не дидактические профессорские обзоры, не квалификационные диссертации и не вольные публицистические фантазии — это — *откровения*, да не от видений, а от ведения, да не чего-нибудь, а самой реальности, взятой холически, целостно, объемно, во всем качественном многообразии и во всей смысловой глубине.

Бери, читатель, любой текст из книг и вникай в него, вникай — и обретешь... нет, не просто новое, а... *иное*, чего нигде и никогда в такой цветущей концентрации не обнаружишь!

Да — свершилось!

Что же?

Свершился, знаете ли... *прорыв*, да не просто в неизвестное, а в воистину... *невозможное*, туда, где четверть века назад ни один из участников юбилейного действия даже не мог себе предположить вдруг оказаться!

Обрати внимание, читатель, что здесь тебе ни наука как таковая, ни философия как таковая, ни религия как таковая, хотя все это так или иначе здесь присутствует; тут и не вынужденная смесь науки, философии и религии; здесь — *иное*, что как раз представлено в *философии хозяйства* — и оснащено *софиасофией*, но... уже за пределами науки, философии, религии, что уже в открытом поле *трансцендентной метафизики*.

Ну и что, — как восклицают обычно скептики, критики, противники, — что это дает?

Им это, конечно, ничего не дает. Тут никаких сомнений. Куда как легче и приятнее сидеть в догматическом болоте либо нестись вскачь за поверхностно-функциональной новизной, чем на все вокруг посмотреть *по-иному*, да что посмотреть — вдруг и увидеть, что мир-

то окружающий совсем другой, человек в нем другой, бытие другое... все... другое — хозяйство, экономика, история, культура, цивилизация, литература, искусство, что там еще... хм, хм... *другое*, то бишь *иное*, отчего нахлынивает на человека вдруг иное мировоззрение, иное всего понимание, иное ко всему отношение.

Вот-те раз, а как же веками накопленные знания, отточенное временем обо всем представление, усвоенные истины?

А никак!

Иное ведь все вокруг... *иное!*

Рассматривать это иное — оно же и *Иное!* — мы здесь не будем, это на сей момент не наша задача: нам сейчас гораздо ценнее констатировать сам факт вырыва в Иное, причем вырыва... э-э... коллективного, общественного, многоличностного, пусть и по-разному для каждого, может, для кого-то и не слишком осознанно, но все-таки... э-э... не фронтального, конечно, но уже и не единичного, — здесь уже не вспышка, не искра, а горение, огонь, не мелькнувший вдали случайный световой всполох, а нависающий над пространством и его немало освещающий яркий свет!

Время продирания сквозь толщу вуального знания-незнания для Центра и его сообщества прошло: четверть века — есть четверть века! прошло и время поиска отклика, понимания, признания — со стороны как раз интеллект-среды; прошло и время собственных мучительных сомнений в нужности и правильности избранного размыслительного пути.

Этот воистину исторический факт подтвержден двумя уникальными книгами, выпущенными в свет по случаю четвертьвекового юбилея Центра общественных наук и большой декабрьской размыслительной конференции, как раз юбилею и посвященной, — а в книгах этих не что иное, как *обретение*, причем уже не выпавшее на чью-то личную долю, чуть ли не случайно, а на чью-то коллективную долю — уже вовсе и не случайно, — оснастившее, обогатившее и осветившее!

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

В.К. КОРОЛЁВ

**«Философия хозяйства» как социогуманитарная основа
модернизации экономической мысли**

Аннотация. Автор ставит проблему обоснования возможностей философии хозяйства как социогуманитарной метапарадигмы для развития экономической теории, позволяющей преодолеть обнаруживающуюся несовместимость политэкономии и экономики в кризисном понимании проблем современного состояния экономической мысли России.

Ключевые слова: философия хозяйства, экономика, кризис, парадигма, человек.

Abstract. Author pose the problem of argumentation opportunities philosophy economy as a social-humanitarian metaparadigm for economical theory development, permissive to overcome revealing inconsistency political economy and economics in crisis understanding the problems of modern shape economical russian thought.

Keywords: philosophy of economy, economy, crisis, paradigm, human.

Текущий системный, «модельный» экономический кризис актуализирует и провоцирует экономическую мысль. Меняются алгоритмы понимания экономической реальности, осмысливающие их ментальные конструкторы, становится все более очевидной — и практически и теоретически — недостаточность имеющихся либерально-монетарных трактовок парадигм политэкономии и экономики, что нужна новая интерпретация экономической мысли.

Поскольку в обсуждении нашего нынешнего *суперкризиса* речь должна идти не о частностях, а о вещах фундаментальных, представляется целесообразным обратиться к самым общим основаниям современной экономической теории. По мнению ее критиков, она потеряла главное — способность на основе имеющегося массива знаний объяснять новые экономические явления, разгадывать кризисные головоломки экономики, ее аномальности, прогнозировать экономическое развитие, иначе говоря, теория утратила свое «нормальное», объяснительно-прогностическое состояние. Эта утрата и

воспринимается как кризис экономической мысли, который надо преодолеть и вернуться в названное состояние. Отсюда — обоснование задачи поиска новой теоретической интерпретации (парадигмы) экономической мысли, которая все объяснит и поможет восстановить здоровье отечественной экономики.

Проблема тут не в необходимости принципиально новой экономической парадигмы, а в неготовности власти к практической десакрализации господствующей либерально-монетарной, к парадигмальной терапии, ибо кризис, полагаем, вызван абсолютизацией роли названной (вспомним — «иного не дано»). Необходимы понимание особенностей, ограниченности, преодоление доминирования неоклассической парадигмы; повторяем — теоретический кризис состоит не в отсутствии экономической теории, объясняющей кризис, и парадигмы, предсказывающей выход из него, а в отсутствии понимания необходимости поиска нового места парадигмы либерально-монетаристской, переосмыслении политэкономии и экономика в контексте ценностей социогуманитарного вектора экономической деятельности.

Кроме того, есть основания полагать, что время доминантных парадигм (как и экономико-формационных систем) прошло: экономика Постмодерна требует теоретического плюрализма, который не отменяет глобализационной унификации и стандартизации, а, наоборот, обеспечивает их своим релятивизмом. Именно парадигмальный плюрализм способен связать разнородный экономический мир. Но связать его в единое пространство можно, если названный плюрализм имеет некую единую основу.

А для этого нужны соответствующие мировоззренческие и идеологические установки, отличные от доминирующих у политической и экономической элит. Какие направления работы в направлении их модернизации представляются наиболее перспективными? Полагаем, что пришло время серьезного рассмотрения в этом аспекте опередившей свое время мысли — *философии хозяйства С.Н. Булгакова*. Своими идеями он намеревался поднять политическую экономию на новый научный уровень за счет усиления ее метафизического и мировоззренчески-методологического обоснования нового философского, общетеоретического импульса — *понимания мира как хозяйства и человека как его субъекта* [1]. (Такой подход имеет серьезный исторический прецедент — К. Марксу нужна была новая философия для обоснования своей глобальной системы, в том числе и ее социально-экономической составляющей.)

В свете этих мыслей можно полагать, что философия хозяйства вполне в состоянии быть социогуманитарной основой модернизируемой кризисом экономической теории; в антикризисных условиях этот замысел представляется не просто актуальным, но и жизненно необходимым (о чем, собственно, и говорит Ю.М. Осипов [2]).

Что может сделать философия хозяйства Ю.М. Осипова в деле такой модернизации? Конечно, легко сказать, что она призвана давать экономической теории (если, конечно, той это интересно) лишь гуманитарно-мировоззренческую, метафизическую основу, но не экономические новации. Главное — эта философия исходит из того, что субъектом экономических отношений является человек, который не просто выступает их участником, но стоит *за (над)* ними своей целевой (метафизической) ценностной ориентацией. Необходим анализ изменения целей, средств, мотиваций человеком своей экономической деятельности. Важно не только выявить это, но и понять, как осуществляется выбор субъектом экономической деятельности в поле этих альтернатив. Но это — классическая проблематика субъектно-объектных отношений, рассматриваемая не экономической теорией, а философией и воспринятая философией хозяйства Булгакова. И не случайно в своей книге он мощно опирался на немецкую классическую философию.

В этом смысле философия хозяйства, безотносительно от ее религиозно-православной (С.Н. Булгаков) или «вольномысленной» (Ю.М. Осипов) трактовок, показывает необходимость гармонизации в деятельности субъекта экономического хозяйствования *духовного* и *плотского*, экономического *сознания* и экономического *бытия, денег и дела*. Она делает *экономику хозяйствованием*, вводит ее в единую жизнь человека в обществе, когда он является не *средством* получения прибыли, а *целью* достойного материального жизнеобеспечения как освобождения от власти *земного, плотского*. Упрощенно интерпретируя идеи Булгакова и Осипова, можно сказать, что философия хозяйства показывает выход из кризиса в мировоззренческом, социогуманитарном обосновании такой политики, когда финансы работают на экономику, а не экономика на финансы; когда экономика существует для человека, а не для прибыли.

На этой идейной основе можно сформировать социально-гуманитарную категориальную основу для современного теоретического понимания экономической реальности — выделить ее *метaparadигму*. Иначе говоря, основой обоснования многообразия экономических парадигм, понимания их значения для модернизации экономической теории может быть деятельностная экономико-

философско-культурологическая метапарадигма, ориентирующая экономическую мысль на работу с конкретными парадигмами, обосновывающая пути антикризисного развития как экономического мира в целом, так и российского, в частности, а также мира особенных социальных практик, формирующих главное звено в любой экономике занимающегося этой деятельностью человека [3].

Выработка и использование такой метапарадигмы в условиях глобализации и кризиса обеспечивают социокультурное единство общества при всем его разнообразии, формирует это единство через обоснование метафизических, философско-антропологических установок экономического образа жизни человека. Эти установки — прежде всего единства материального и идеального в деятельности человека — и образуют контуры искомой метапарадигмы, в контексте которой возможно любое *многообразие* понимания экономических практик, обеспечивающее плюрализм экономической мысли. В условиях глобализации, как уже отмечалось, он требует некоей более широкой и глубокой основы их взаимосвязи (что и выражает приставка «мета»). Кроме того, на фундаменте названного «метаровня» могут сочетаться не только противоположности политической экономики и экономики, но и постмодерна и глобализации — главных тенденций современной экономической теории и практики.

Такая метапарадигмальная модернизационная интенция экономической мысли может обеспечивать нормативность плюрализма экономических идей. Тогда смыслом научных революций в экономической науке становится не линейная смена парадигм, как это часто полагают, а соотнесенность ее теорий с социогуманитарным контекстом, формирование такой экономической теории, которая включает в себя совокупность ситуативных, интерпретивных парадигм, адекватных состоянию и перспективам развития конкретной экономики страны в конкретных условиях.

Итак, метапарадигма философии хозяйства (разумеется, в ее секуляризованном виде) задает социогуманитарную, философско-антропологическую необходимость баланса материального и идеального в любой модели экономики (особенно — современной российской), понимание метафизического смысла любой экономической деятельности, нацеливает на соответствие виртуальной и реальной экономики, подчеркивает их «вписанность» в органическую систему социокультурного бытия человека.

Важность такой интенции философии хозяйства, повторяем, состоит в том, что она переориентирует экономическую мысль с экономики на хозяйство. В этом можно усматривать посткризисную ин-

терпретацию экономической теории, которая сейчас занимается «чистой» экономикой в духе экономикса. Такой переход является не экономическим, а мировоззренческим, метафизическим. Конечно, постиндустриализм, постмодернизм создают предпосылки для этого, но нужна специальная теоретическая работа по переводу идеологии экономики в *мировоззрение хозяйствования*.

Естественно, возникает вопрос: как возможна философия хозяйства, если хозяйства у нас нет «уже» (вспомним советское народное хозяйство, от которого мы с энтузиазмом отказались в пользу хозяйства частного) и, разумеется, нет «еще»? Можно его строить, если нет даже его секуляризированной модели и политического запроса на нее? Полагаем, построение такой модели может (должно) быть главной задачей философии хозяйства. Разумеется, для этого нужно использовать теоретическое осмысление советского народнохозяйственного опыта, в частности, саму идею развития экономики не как относительно самостоятельной сферы деятельности, а как материально-технической базы построения нового, гуманного общества с соответствующими отношениями, «замыкания», пусть иногда и декларативного, экономики на человека, а не на прибыль, деньги. Западная неоклассическая, устаревшая модель экономики у нас не получается, это дает шанс думать о *модели хозяйственной*.

На первом этапе ее поисков новая парадигма экономической теории может выступать еще не как хозяйственная, а быть *хозяйственно ориентированной*, направленной на человека. Так понимаемая экономика призвана не просто удовлетворять его материальные потребности, но быть основой гуманизации общественной жизни. Тут можно говорить о фундаментальных проблемах — об обосновании возможности и необходимости философско-экономической антропологии, философии хозяйственной экономики как направлений модернизации экономической мысли.

Очевидно, на основе философии хозяйства уже сейчас можно в качестве ответов на поставленные кризисом вопросы давать философско-мировоззренческие рекомендации по гуманизации экономической теории, как бы ни относилась она к философии хозяйства: например, по тематике человеческого капитала, человеческого потенциала, человеческого фактора и т. п. В частности, в свете уже имеющихся наработок в этом направлении важно отметить проблематику *экономической культуры* [4]. Метaparадигмальное обоснование разных экономических парадигм возможно путем их «фундирования» такой культурой (данной) страны, соотнесения любых экономических теорий с особенностями культурной среды той или иной

экономики; экономическая культура может играть роль гуманитарного социокультурного контекста, в котором вырастает собственно экономическая теория, в свете которого могут восприниматься и реализовываться те или иные экономические идеи.

В дальнейшем, осуществление этих разработок даст возможность на основе названной метапарадигмы (в ее отечественной интерпретации) введения в систему экономических парадигм новой — *парадигмы хозяйственной экономики*. Это может быть существенным вкладом философии хозяйства в антикризисную модернизацию современной экономической мысли России.

Литература

1. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 2008.
2. Осипов Ю.М. Российский антикризис как насущная реальность (Семь значимых тезисов) // Философия хозяйства. 2014. № 6.
3. Королёв В.К. Философия хозяйства как «метапарадигма» современной экономической теории // Философия хозяйства. 2012. № 2.
4. Евграфова О.В. Экономическая культура. Ростов н/Д, 2010.

С.Г. КАРА-МУРЗА

О модели кризиса и задачах обществоведения (тезисы)

Аннотация. Краткий обзор развития представлений в одном из сетевых коллективах исследователей о причинах и структуре кризиса СССР и постсоветской России. Актуальный вывод: неадекватность методологии основного направления обществоведения.

Ключевые слова: кризис, крах СССР, обществоведение, вехи анализа.

Abstract. The article presents the overview of the development of ideas in a networked team of researchers on the causes of the crisis and the structure of the Soviet and post-Soviet Russia; actual conclusion is inadequate methodological mainstream social science.

Keywords: crisis, the collapse of the USSR, social studies, analysis of milestones.

1. Мы уже 30 лет пытаемся мысленно освоить кризис России, но общей основы не сложилось. Дискуссии даже в среде единомышленников почти бесплодны. Постараемся соорудить временку, заморозив эмоции (насколько можно). Вот схема, почти банальная.

Наш кризис конца XX в. — этап процесса модернизации России, начатого за полтора века. Первый этап завершился столкновением больших проектов. Провалился консервативный проект, который предполагал сохранить монархию и сословное общество. Затем в Гражданской войне столкнулись два революционных проекта: буржуазно-демократический (либеральный западнический) и советский, вызревший на почве соединения общинного крестьянского коммунизма с большевизмом. Победил советский проект: на новой основе были собраны народы в СССР, проведена индустриализация, научная и культурная революция, модернизация сельского хозяйства, армии и быта.

Став промышленной и городской страной с образованием на матрице Просвещения, СССР утратил ядро своего мировоззрения — общинный коммунизм. Политическая система СССР не удержала культурную гегемонию, возник кризис легитимности, усугубленный «холодной войной» с Западом. В ходе смены поколений произошла «революция сверху» со сменой общественного строя и национально-государственной системы.

2. Утопия «войти в семью мирового капитализма» рухнула практически сразу, хотя реформаторы пытались сохранить иллюзии. В опросах в вариантах ответа был предложен такой: *«В западных странах сегодня создано наилучшее из всех возможных общество. Нам следовало бы не выдумывать свои пути, а следовать за Западом»*. С этим суждением согласились в 1990 г. 45% опрошенных, в 1991 — 38% и в 1992 — 14% (в Москве «западников» оставалось чуть больше: 45, 44 и 18% соответственно).

Правящая верхушка США воспринимала Россию как источник опасности — несмотря на то, что СССР был ликвидирован, была разрушена государственная экономика, произведена деиндустриализация, задана новая идеология, подавлена наука, произошла демографическая катастрофа и т. д. Вражда выплеснулась уже в 1991 г., когда с СССР было покончено.

При той системе, которую выстраивали по шаблонам «чикагских мальчиков», Россия могла бы существовать, медленно угасая, — но только в фарватере Запада и при его благоволении. Нелепо пытаться строить капитализм западного типа, бросив вызов его метрополии. Можно строить социализм в одной стране, как в России, создав защи-

ты, но невозможно строить капитализм, будучи изгоем его мировой системы и раскрывшись ей. Это ловушка.

Для всех в России встала задача: трезво оценить ситуацию и вспомнить тот путь, который мы прошли от распутия, на котором еще были великой державой, к нынешней исторической ловушке.

3. Кризис, который вызревал в СССР и раскрылся в перестройке, назван *системным*. Но мы обсуждаем частные кризисы, как будто они действуют по отдельности: демографический, социальный, политический, культурный и т. д. Это делает нас близорукими. Надо увидеть всю картину, или ядро, взаимодействующих кризисов, а выделение индивидуальных кризисов — абстракция. Все они находятся в кооперативном взаимодействии, поэтому их эффект многократно больше, чем сумма эффектов кризисов поодиночке. Для преодоления таких бедствий требуется изъять из системы некоторые части, ослабить их взаимодействие, устранить *интелехию*. Нужна новая методология.

С каждым новым витком нашего кризиса приходилось обновлять представления. В 1990-е гг. мы еле успевали зафиксировать новые формы кризисов. Самые грубые догадки об их структурах касались их порознь. Надо было обдумать не злободневные события, а исторические, социальные и культурные условия, которые соединили все частные кризисы и толкнули систему нашего жизнеустройства в плохой коридор, ведущий к катастрофе.

Поняв это, стали под другим углом изучать русскую революцию, иначе, чем в официальном обществоведении. Оказалось: в начале XX в. в системе знания о российском обществе наблюдался отказ за отказом — государство и общество развивались при остром дефиците *знания о самих себе*. Задача была ясна — провести модернизацию, не будучи втянутыми в периферию Запада в качестве его дополняющей экономики. Модернизация — болезненный процесс. Преодолеть кризис модернизации в рамках сословного общества не смогли. Россия попала, по выражению Вебера, в «историческую ловушку» — систему порочных кругов. Что бы ни делало царское правительство, оно ухудшало положение. «Оно не в состоянии предпринять попытку разрешения какой угодно большой социальной проблемы, не нанося себе при этом смертельный удар», — писал Вебер.

Почему эти ошибки за ошибкой? Из-за недостатка знания. У власти отсутствовали верные индикаторы, чтобы следить за ходом общественных процессов. Так, уже лишенная оснований вера власти в крестьянский монархизм и религиозность предопределяла ошибки ее политики. Несостоятельными были и представления, на которых строила свои доктрины либерально-буржуазная партия (*кадеты*). Она име-

ла большую финансовую поддержку, в ее рядах были видные философы и экономисты, ученые и публицисты. И при этом их концепции были ошибочными. Вебер, оценивая потенциал традиционализма России, предвидел, что через прорванную кадетами плотину монархии хлынет мощный *антибуржуазный* революционный поток, так что идеалы кадетов недостижимы.

После Февраля 1917 г. либералы пришли к власти — и приняли концепцию *непредрешенчества*, это полный провал! А марксисты и эсеры довели до гражданской войны между социалистами. Вышли из пропасти на здоровом смысле крестьянской общины и большевиков.

4. Почему же интеллигенция и правители тогда не предвидели этих угроз? К середине 1990-х гг. мы на ощупь пришли к выводу, что наше сознание блокировал *эссенциализм* — вера в то, что в основе общественных явлений лежат устойчивые сущности, «наши устои». Была сильна склонность к *гипостазированию* — принимать свои интеллектуальные конструкции за реальность. Это унаследовали.

Так, представление о советском человеке было проникнуто верой в устойчивость его ценностной матрицы, его «национального характера». Эта вера сохранилась до сих пор. Но опыт показал, что человек гораздо более пластичен, и в ходе социальных изменений происходит быстрое «переформатирование» ценностей, рациональности и образа действий больших масс людей. Возникают даже новые сборные племена и народы.

Такие кризисы со сдвигами в системе ценностей — следствие *культурной травмы*. Вся духовная сфера переходит в состояние *неустойчивого равновесия*, возникает «подвижность отношений и правил». Для этого есть исторические предпосылки, но не они причина неожиданных поворотов мыслей целых общностей. Катастрофа системы порождает необычные выбросы энергии, которых никто не мог вообразить. «Все старое начинает раскачиваться, а все новое, еще неопределенное, заявляет о себе и становится возможным» [1].

Ошибочно считать, что носители этой странной энергии уже имелись в виде личинок и куколок, и их только надо было «разбудить». Потрясение системы — как космический взрыв, порождающий новую материю и энергию. Из общества такой взрыв «выбрасывает» необычных людей, которые объединяются в необычные сообщества.

М. Вебер видел в этом возникновение нового общества как *формирующуюся* системы — *in statu nascendi* (т. е. *в состоянии возникновения*). «Здесь возникает нечто “совершенно другое”, несоизмеримое по своей природе с тем, что существовало раньше; нечто, перед которым люди отступают, охваченные страхом».

Юнг, наблюдая за пациентами-немцами, написал уже в 1918 г.: «возрастает опасность того, что “белокурая бестия”, мечущаясь ныне в своей подземной темнице, сможет внезапно вырваться на поверхность с самыми разрушительными последствиями». В 1946 г. он признал: «Германия поставила перед миром огромную и страшную проблему». Люди, «порожденные» катастрофой, действительно необычны и своими идеями разрушают прежний порядок и часто гибнут.

Вебер называл этот феномен *харизмой*, и Московичи проводит такую аналогию: «Харизма подобна своего рода высокой энергии, *materia prima*, которая высвобождается в кризисные и напряженные моменты, ломая привычки, стряхивая инерцию и производя на свет чрезвычайное новшество». Более того, такие вспышки мотивируются не экономическими интересами, а ценностями: «Харизма — это “власть *антиэкономического типа*”, отказывающаяся от всякого компромисса с повседневной необходимостью и ее выгодами... харизма обнаруживает эмоциональную нагруженность, напор страстей, достаточный для того, чтобы выйти из непосредственной реальности и вести иное существование».

На мой взгляд, эти понятия и аналогии адекватнее тех объяснений процессов типа краха СССР и того, что мы наблюдаем сегодня на Украине или в Сирии. Как мы видим, часто такие инновации становятся бедствием.

В России с масштабом и разнообразием ее культуры и ресурсов, удается держать эту харизму в допороговой зоне, но с трудом. Знание этих процессов очень скудно. А медленные процессы деградации не остановлены. За последние двадцать лет почти все общественные институты перестали выполнять свои привычные функции. Возникла система неформальных институтов, порочных кругов и лавинообразных процессов, которые приходится контролировать «ручным управлением».

5. К концу 1990-х гг. мы пришли к выводу, что главное условие, вскормившее кризис — дезинтеграция народа (нации) и общества. Рассыпали советский народ и общество, но технологии их демонтажа были средствами войны, и они разрушили главные механизмы воспроизводства связей любого народа и общества. Сохранились россыпь кланов и малых групп, а также криминальные сообщества. Держится госаппарат, но новая элита представляет его коллективным врагом народа.

Через тридцать лет кризиса созрел вывод: одна из главных причин краха — несостоятельность нашего обществоведения. Перестройка вскрыла его провал, но это не было замечено сообществом! Все

внимание было к словам и действиям *власти*. А ведь политическому действию предшествует изменение сознания правителей. Долг ученых — давать *достоверное знание* об обществе, объяснять причины *главных противоречий* и их вероятные *последствия*. Вместо этого — фальшивая апологетика или подрыв системы.

Научная революция XVII в. дала новый метод — добывать знание, *автономное от ценностей*, беспристрастное и нацеленное на истину, а не на добро. Оно вышло не из *натурфилософии* с ее ценностями и холизмом, а из науки. Оно отошло от *эссенциализма*, т. е. поиска *сущности* каждого явления. На этой основе стал вызревать научный способ познания общества.

Обществоведение России вышло не из науки, а из *классической русской литературы*. Оно было проникнуто нравственным чувством и утверждало *«то, что должно быть»* — декларировало ценностные нормы. Оно пошло по пути *натурфилософии*. Это прекрасно, но в сложном обществе уже было необходимо и голое знание, как на войне нужна разведка, приносящая знание, а не трактаты о добре и зле.

Опираясь на опытное знание, реализм практиков и на сообщество «жестких» ученых, в СССР решали *очевидные* главные задачи. Но после войны знание научного типа стало условием выживания. Неявное знание уже не отвечало сложности. Ю.В. Андропов признал, что «мы не знаем общество, в котором живем». *Методология* была неадекватна предмету — советскому обществу.

СССР продержался на «неявном» знании поколений, которые практически строили государственность и хозяйство, вели войну и восстановление. С их уходом ошибочные представления об обществе, полученные в школе, вузе и СМИ, вели к все более глубоким срывам. Факт: советское обществоведение не предсказало и не объяснило кризиса советского общества. Более того, в среде элиты обществоведения вызрел целый ряд разрушительных доктрин. Примерами их служат создание образа государства как эксплуататора и «тоталитарного монстра», а также доктрина деиндустриализации России.

В новой политической системе сменились вывески, перевели старые западные учебники, а методология сохранилась — царит когнитивный диссонанс. Ни старые, ни новые поколения обществоведов не могут адекватно представить ситуацию ни внутри, ни вне России, а значит, не могут и предвидеть ход процессов и назревающие угрозы.

Как можно преподавать студентам, чего от них можно требовать? Студент-политолог боится прикоснуться к политике — ему советуют: не касайся российской реальности. У дипломников и аспирантов уже не стоит вопрос ни об истине, ни о добре, все смешано в кашу —

ризому. Социологи продолжают увеличивать монблан эмпирических данных, но эту сокровищницу данных обществоведы в большинстве своем игнорируют — эти данные не вписываются в их модели-фантомы.

6. Управляя по ситуациям, государство преодолевает кризисы, не давая им слиться в катастрофу, хотя целые общности и регионы переживают бедствия и несут большие потери. Но катастрофа уже маячит — на Украине, а значит, и у нас. Кризис на Украине перешел многие пороги, и уже нет смысла искать его причины в «украинском характере», махновщине или бандеровщине. Если на «Майдане» и можно найти какие-то элементы стиля этих движений, то сегодня это инструменты *инсценировки*, взятые из подручного культурно-исторического запаса.

Майдан и массовая русофобия — продукты *постсоветской* политики и культуры. Заинтересованные силы начали производить эти продукты из нормальных, но «контуженных перестройкой» советских людей, бывших пионеров и комсомольцев, выпускников университетов, партийных школ и военных академий — без всякого зомбирования. Это технологии, созданные научным обществоведением.

Еще в середине 1990-х гг. население Украины имело устойчивые просоветские установки, сильнее выраженные, чем в РФ. Сравнительно недавно русские и украинцы вместе составляли ядро армии, которая выиграла Великую Отечественную войну. В числе погибших солдат и офицеров в войсках СССР русские и украинцы составляли 83%. Тем не менее значительная часть украинцев всего за 15 лет была индоктринирована в ненависти к России. И тот факт, что этот сдвиг произошел вопреки *интересам* жителей Украины, без внятных оснований и без вражды со стороны русских — важный культурный артефакт. Он говорит о такой степени лабильности и уязвимости духовной сферы человека, которую наша интеллигенция не могла себе представить.

Возникает вопрос: а что станет с мировоззрением населения России, если за него возьмутся как следует те же «инженеры человеческих душ», что поработали на Украине? Надежны ли защиты массового сознания, которые выстроили, опираясь на нынешнее обществоведение?

7. Сейчас мы чувствуем, что идет очередная волна мирового кризиса, и она набирает скорость. Волны обходят весь мир: 1998 — 2008 — 2014 — 2015... Это значит, что все факторы кризиса сложились в систему. После краха СССР кризис пошел вразнос. Способствовала этому и программа глобализации, включенная еще в 1970-е гг., но

еще сдерживаемая железным занавесом. Сейчас мы наблюдаем «коррупцию» языка, деградацию логики и меры, войны нового типа, взрывы «бунтующей этничности». Основная масса образованного населения развитых стран, в том числе и России, переживает изменение типа рациональности (на Западе это назвали «поминками по Просвещению»). Элементы порядка сохраняются, но они «болтаются» в зоне хаоса.

Одновременно с этими процессами мы наблюдаем резкую смену поколений. На общественную арену вышло поколение, которое воспитано не на книге, а в интернете, и сам тип этого мышления лежит в другой культуре — культуре *постмодерна*. Для нас необходимы срочные усилия, чтобы восстановить коммуникации между поколениями. Вспомним: крах СССР во многом произошел потому, что нарушились коммуникации между поколениями. Три поколения — «осевые», или «ядерные», — поколения людей 1940-го, 1970-го и 2000 года рождения, потеряли общий язык. Но сейчас они должны договориться о том, что происходит, куда мы катимся и что сделать, чтобы этот процесс затормозить или перейти в другой «коридор».

Западные социологи говорят о смерти общества, оно распадается на маленькие группки. У нас, может быть, общество более консервативно, собрано по-другому, но дезинтеграция тоже идет быстро, а долларовой анестезии, как на Западе, у нас нет.

Рост сложности постсоветского и «чужих» обществ при отсутствии научного обществоведения делает невозможным «визуализацию» общественных процессов и предвидение зарождающихся рисков. России необходима *сборка* обществоведения как сообщества, стоящего на платформе научной рациональности. Только собранное сообщество может выработать, задать и поддерживать всю систему норм, регулирующих получение, проверку и движение научного и вообще рационального знания о предмете — *российской реальности*. Для этого требуются социальная организация, «полиция нравов» мышления и дееспособная система санкций.

В условиях культурного и мировоззренческого кризиса эта сборка не может вестись на единой основе в рамках общей методологической парадигмы. Речь может идти вначале о формировании небольшого числа интеллектуальных кластеров, однако соединенных минимумом общих профессиональных норм, обеспечивающих возможность дискуссии и диалога.

Но принципы этой сборки — другая тема.

Литература

1. *Московичи С.* Машина, творящая богов. М., 1998.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Метафизика и онтология софийной мудрости в России

Аннотация. В статье рассматриваются временные, смысловые, метафизические, онтологические, исторические, мировоззренческие, методологические, антропологические, юбилейные истоки софиасофии — высшего духовного плода ЦОН, философии хозяйства, русской мысли и русского самосознания.

Ключевые слова: софиасофия, София, Россия.

Abstract. The article is devoted to temporary, semantic, metaphysical, ontologic, historical, world outlook, methodological, anthropological, anniversary origins of sophiosophy as the highest spiritual result of CSS, philosophy of economy, the Russian thought and the Russian consciousness.

Keywords: sophiosophy, Sophia, Russia.

Любой юбилей (даже простой день рождения) — это не просто празднество и повод для славословий и застолья, а это серьезнейшее испытание юбиляра; это символическое и метафизическое событие, восстанавливающее на миг смысловое общение, скрытые директивные связи человека и софийного мира вечности. Любой юбилей прерывает змеино-горизонтальное течение времени, спешащего в черные дыры, чтобы до их закрытия заполучить свой очередной инфернальный транш, и восстанавливает вертикальное положение человека для принятия смысловых приказов и директив вечности. Поэтому любой юбилей имеет свои количественные и качественные измерения, свою меру и свой рискованный бросок навстречу неизвестному и неизбежному.

Любой юбилей — это определенное количество лет, цифра, намекающая о серьезных качественных сдвигах в жизненном мире людей. Но любой юбилей есть прежде всего отчет падших людей перед вечностью, Софией и Россией, отчет о мере искупления (или — приумножения?!) ими своей порочности, отчет, определяющий то, насколько они достойны продолжать свое бытие в России. Наконец, любой юбилей есть рискованный скачок, опасный бросок, огненный прорыв в манящую и ждущую нас благую или же коварную неизвестность. А неизвестность — это другое, сакральное наименование...

России, русского мира, которые связаны стратегическим «партнерством» с вечностью. Россия служит источником, носителем неизвестности в человеческом мире. Поэтому и умом Россию, как и неизвестное, не понять; они постижимы только смысловыми таинствами и метафизикой софийной мудрости. Поэтому юбилей есть не только искупительный отчет перед вечностью, но и перед Россией — явной и неявной, ведомой и неведомой. Собственно, отчет перед вечностью есть в то же время и отчет перед Россией; это одно и то же, ибо Россия есть опорный смысловой плацдарм вечности посреди энтропийного потока, затягивающего человечество в бездну, сначала вываляв его в Шарли-помоях Парижа.

Во всех случаях юбилей — это час не от мира сего. В этот час познают бытия обреченность и за русскую правду вокруг зажигают костры. Это час озарений, прозрений. Это час испытаний, и час искупленья души.

Институциональным основанием юбилея мудрости, нашедшей себе приют в МГУ, является социологическая структура, состоящая из двух частей — Центра общественных наук (ЦОН) и философии хозяйства. *Эта структура не случайна, а в ней заложен провиденциальный смысл.* Если Центр занят в основном метафизикой софийных смыслов, то философия хозяйства — физикой устройства человеческого бытия. Центр постигает, формулирует реальность в форме вопросов; для Центра само бытие предстает в качестве одного громадного вопроса: «Кому, зачем, для чего создано и почему существует бытие?». Философия хозяйства постигает реальность в качестве ответов: «Бытие существует в качестве и ради софийного хозяйствования, посредством которого человек, обретая дар духовного ведения, восстанавливает свой исходный оригинал». Если в Центре преимущественно идут смыслообразование и смысловывявление, то философия хозяйства служит исполнительным органом, правительством Смысла. Если философия хозяйства в основном работает с диалектикой противоречий, то Центр работает с триалектикой единоречий. Если в Центре царит апофатика тайн, то в философии хозяйства властвует смысловая катафатика действия этих тайн в человеческом мире. Если онтологическим центром самого Центра является война апокалипсиса с самим собой, то в философии хозяйства восходит солнце апокастасиса.

Определенное время эти две части развивались параллельно, иногда пересекаясь на едином когнитивном поле. Но в итоге они слились в целостность, породив *совместный смысловой плод — софиасофию.*

Вкратце софиасофию можно определить, как *доктрину русского традиционализма*, который, как и всякий полноценный традиционализм, органично содержит в себе и динамический модернизм вечности.

Более конкретно необходимость, содержание, смысловой мир, контекст и назначение софиасофии можно обозначить следующими метафизическими маркерами.

1. Софиасофия представляет не просто любовь к мудрости, а осознание мудростью самую себя, новый тип мудрости, идущий на смену философии и сохраняющий все ее «добро», но раздвигающий и углубляющий смысловые горизонты понимания человеком мира и самого себя. Софиасофия — это откровение мудрости для себя и для человека, который в качестве секретаря записывает ее смысловые откровения. Софиасофия — это духовно-практическое общение человека с мудростью. Принципиально важно то, что софиасофия возникла не из письменных и литературных источников; это не сто первая книга, появившаяся после изучения ста книг. Нет, софиасофия поднимает нетронутую целину, безмерный океан сознания и мысли, жаждущих осознания, понимания и творческого признания своих жизнетворных сил для пополнения смысловых ресурсов бытия.

2. В софиасофии дано софийное откровение разума и сознания. В ней речь идет не о том, что люди думают о мире и насколько его осознают, а о том, что думает о мире сам разум, и что осознает в нем само сознание. Не только человек использует разум и сознание для понимания, но разум и сознание тоже используют человека в целях того же понимания. Полноценное понимание всегда возникало из суммирования человеческого отражения мира и объективного откровения мира в сознании и разуме человека. И субъектом такого откровения служит София Премудрая. Если философия представляет сумму людских мнений о мудрости, то в софиасофии мудрость сама говорит о своей роли в делах человеческих.

3. Софиасофия представляет органический синтез философии, православной теологии, искусства и науки. И этот синтез осуществил не человек, а просто объективно эти виды творческой активности людей впервые за 2000 лет сошлись в одной смысловой точке. И софиасофия понадобилась для того, чтобы осветить, понять, осознать эту встречу, ее метафизические и провиденциальные плоды. Можно сказать, используя современный «новояз», что сама София проводит саммит своих сотрудников, а софиасофия представляет общую программу их дальнейшей работы в мире.

Софиасофия не модернизирует эти виды человеческого творчества, а обогащает их через раскрытие их общего контекста. Софиасофия представляет новый концептуальный контекст, в котором эти виды духовного творчества обрели и сохраняют свою смысловую идентичность, но в то же время она выражает новый тип мудрости, возникший из их взаимосвязей. Как космос показал, что вес (тяжесть, масса) тел определяется не ими самими, а контекстом Земли, так и софиасофия является носителем всеобщего контекста, в котором и посредством которого обретают смысл наука, философия, православие, работая совместно на осознание и понимание современного мира. Софиасофия не покушается на «таблицы умножения», присущие науке, философии, православию, но она раскрывает изображает их работу в составе их общего ансамбля, пытаясь охватить, обобщить новый опыт истории и бытия, опыт, которого не знали философия и христианство, возникшие 2000 лет назад.

Какой это опыт?

1. Опыт исторического бытования христианства и его раскола на три части, его европейское фиаско.
2. Феномен ислама. Какова его миссия в мире?
3. Опыт экономизма в реализации проекта «золотой телец».
4. Опыт мировых и региональных войн между христианскими странами.
5. Опыт научно-технического прогресса.
6. Опыт культурного творчества как альтернатива христианству.
7. Созидательный и разрушительный опыт дьявольского властвования.
8. Атеистический опыт устройства человека.
9. Опыт развертывающейся экологической катастрофы.
10. Опыт апокалиптического исцеления мира.

И вот этот новый исторический, антропологический и глобальный опыт человечества нужно обобщить, осмыслить и понять.

Философия, наука сами по себе, как и в своих союзах, *обанкротились* в деле понимания этой катастрофической реальности хаоса, создаваемого не без их активного участия.

Философия уже давно потеряла свои обобщающие способности, сделав своим законом обратное движение от бытия в ничто, от жизни к гибели. Начав с содомии, она завершила свою миссию однополыми браками и терроризмом. Ибо терроризм есть прямое следствие материализма, превращающего идеалы, духовные ценности в функции материи. Терроризм есть практика веры материализма, гласящей, что со-

знание есть функция высокоорганизованной материи, а идеальное есть то же материальное, но пересаженное в голову человека и преобразованное в ней. Постмодернизм объявил философию мертвой, заботясь лишь об обустройстве ее небытия.

Наука и экономизм совместно создали социотехническую систему, которая превращает природу, культуру и человека в мусор, отходы, в бесконечную и безмерную болтовню, забивающую все смысловые каналы разума и сознания. Но наука и экономизм, создав ядерное и финансовое оружие, принудительно разворачивают движение человечества от бытия в ничто, умножая его территорию.

Искусство частично ушло в катакомбы, частично вышло на панель, частично стало культом уродства и ничто. Православие, восстав из могилы, собирает пока силы для исполнения своей сакральной миссии.

И только софиасофия — последний и высший плод русской и мировой мысли, — бросает вызов современному миру, владея ключами его понимания. Запад потерял не только монополию на понимание, но и понимание своих выгод, сделав своим девизом «Бегство от мышления!».

Но прежде всего, нужно осмыслить, осознать трагический и страшный опыт самого бытия, столкнувшегося с язвющим дыханием бездны. Софиасофия возникла в тот роковой час бытия, когда вопрос «Быть или не быть?» уже начал склоняться в пользу небытия. Бытие оказалось «у дикой бездны на краю» и потеряло свой смысловой центр — Софию Премудрость Божью; а без центра любая реальность идет в «разнос» и саморазрушается, ибо некого любить и нечему служить. И софиасофия обратилась к метафизике, мудрости Софии в силу роковой неизбежности, ибо сама метафизика обратилась к России с мольбой помочь бытию; софиасофия стала скорой смысловой помощью бытия. Само бытие, его мудрость нуждается в смысловом окормлении, которое дается человеком через осознание, ословеснивание и понимание софийной мудрости, которая возникла до всякого бытия в качестве вечного ведения и промысла. И софиасофия стала смысловым органом самого бытия, которое посредством этого органа обретает свою мудрость и свою защиту в ней. В софиасофии человеческая мудрость испытывается, обогащается и поверяется софийной мудростью.

1. Софиасофия опирается на символическую *метафизику*, пронизывающую своими софийными смыслами человеческий мир, все мироздание. И смыслы ее — это не продукты семантической деятельности человека, а объективные маркеры самого бытия.

2. Софиасофия признает *апокалиптическую онтологию*, доводя ее до обращения апокалипсиса против самого себя, и его перехода в апокастасис. Все задачи и проблемы сегодня ставит апокалиптическая революция, а не человек. И разрешаются они не человеком, а катастрофами, ибо нет у людей сегодня ресурсов, целей, проектов, смыслов, даже языка нет для некатастрофических разрешений своих проблем. Мир не может преобразиться без катастрофы: малые реформы-обвалы образования, здравоохранения, социальной сферы, международных отношений сливаются в одну-единую мировую катастрофическую войну. Россия испытала и пережила свою катастрофу в 1991 г., но для науки и философии этой катастрофы оказалось мало, и самосознание их осталось в бытии, хотя на дворе властвует уже хаосмос. А в Россию сегодня спешит ее время, ибо она реализует в своих потаенных проектах только невозможное софийное бытие-хозяйство, сакральную софиасофскую идею мудрости.

Все человеческое бытие уперлось сегодня в тупик готовых знаний и стандартных решений, да еще в тупик шизоидальных невежественных проектирований Неоада. Даже традиционные общества саморазрушаются. В науках используются термины «инфернальное», «апокалипсис», «призрачное», «ад». Это — термины религий, народа, и они правы, ибо подобные события уже переживались ими. И только метафизическое умозрение и софийная мудрость спасали людей.

3. Софиасофия разрабатывает *софийную гносеологию*, сочетающую в себе отражения и софийные откровения бытия, познаваемых реалий. Каждая изучаемая вещь несет в себе отражение, откровение и творение.

4. *Методология* софиасофии переводит *диалектику* противоречий в *триалектику* единоречий. Если закон диалектики гласит, что все возникшее достойно гибели, то закон триалектики гласит, что все погибшее имеет право, требует расследования причин своей гибели.

5. Софиасофия содержит в себе алгоритмы *развития* самого развития путем его преобразования в креацию, в творчество.

6. Софиасофия разрабатывает новую *антропологию*, в которой определителем человека служит не разум, а дух и сознание. Логос и разум служат средствами духа и сознания. Разум решает проблемы путем создания неразрешимостей, а дух и сознание не допускают возникновения проблем. Дух и сознание — ядро, основа, цель и закон мудрости. Ософиенный разум осмысляет бытие как нравственно вмещающую сущность. Логосный разум — это технический разум, упорядочивающий стихийные силы бытия.

7. Социология софиасофии признает *соборное общество*, демиургом которого станут религиозные, военные и образовательные институты, содействующие развитию сознания.

8. *Экономика* в глазах софиасофии имеет смысл только в контексте *хозяйства*.

9. Власть софиасофия признает в форме *софиократии*, которая состоит из трех начал: империи, Думы и народных трибуналов. Империя отвечает за безопасность, Дума — за законы, трибуналы — за справедливость.

11. Софиасофия признает зеленые технологии.

12. Софиасофия представляет *историю* как тройственно взаимодействие человеческой воли, объективного «хода вещей» и неизвестности. Воля, проекты и действия людей (индивидуальные, коллективные, общечеловеческие) определяют феноменологию исторических событий, а неизвестное в них может быть познано и преобразовано в благо. В объективном ходе вещей субъектами выступают институты, культуры, формации и цивилизации, взаимодействия которых задают макро- и мегапропорции событий, общую архитектуру истории, эпох. Неизвестность объективного хода вещей ускользает от человеческого ума и сознания, недоступна волевому воздействию людей. И, наконец, Ее Величество Неизвестность и Неизбежность действуют как судьба и как судьба самой судьбы, как Провидение самого Провидения, как абсолютная реальность Тайны Софии Премудрости Божьей, превосходящей любые знания людей, но определяющей конечные смыслы и цели истории, экологии и эсхатологии.

Одним из проявлений этой абсолютной Необходимости и Неизбежности является Россия, которую, как известно, сознанием и умом не понять, которая только в смысловых проектах веры открывает свою суть, свое устремление к высшей — софийной — мудрости и свое полное несоответствие матезису экономизма и глобализма земных царей. Россия — самая молодая и последняя историческая страна, возникшая после грехопадения, а потому она не принимала участия в этом позорном деянии человечества, хотя она из-за жалости к падшим людям приняла на себя все последствия этой антропокатастрофы. Россия появилась тогда, когда уже на полную мощь функционировал Ад, но у России не было желтого билета для входа в рестораны этого мира мрака (Данте не нашел места в Аду для русских); Россия, наконец, возникла тогда, когда мир уже был охвачен канонадой апокалипсиса. Но поскольку чистого места на Земле уже не было, то от рождения она была незаслуженно и незаконно сразу же помещена в Ад; пройдя по всем его кругам, побывав во всех горячих точках апокалипсиса, Россия

обрела бесценный опыт выживания и противостояния нашествию inferнального мира мрака и смерти. Россия, может быть, и создана Господом Богом для того, чтобы противодействовать своим таинственным светом мировой тьме. Россия всегда восстает против мирового зла, будь то Батый, Наполеон, Гитлер или — черное ИГ (ИГИЛ), сама находясь в эпицентре зла. А потому человечество продолжает жить. «И тьма не объяла его».

Но Россия возникла не только для обретения нужного всему человечеству опыта бытования в апокалиптическом царстве. Россия возникла в эпоху, когда римский католицизм и византийское православие начали мутить священную воду вокруг Св. Троицы, что завершилось искажением ее сакральности посредством *filioque*, утверждающего, что Св. Дух исходит не только от Отца, но и от Сына. Догматическая «мелочь», а последствия катастрофические для христианства и Европы. Дело в том, что Сын Божий вначале приходит к людям как прямой посланник Отца и носитель Св. Духа, а во Втором Пришествии Он придет как прямой посланник Св. Духа и носитель воли Отца. Допуск исхождения Св. Духа совместно от Отца и Св. Духа отрицает Второе Пришествие, утверждая, что христианство уже завершило свою миссию в истории ничего иного от него ожидать уже не следует. Дальше миссию христианства будет осуществлять Папа Римский.

В итоге искажения провиденциального смысла христианства европейцы лишились источника для полноценного удовлетворения своих глубинных религиозных потребностей; наступило вначале скрытое, а затем и явное отторжение их от христианства, завершившееся протестантизмом. Провидение увидело отклонение мира с христианского пути и послало Россию, чтобы сохранить путь истины и жизни. Православие и Россия сохранили закон триалектики и смысловую формулу софийной мудрости — «нераздельны, но и неслиянны»; из католицизма же вышел закон диалектики — «борьба (война) и единство противоположностей», закон, дополняемый «хитростью разума» и коварством Ватикана в отношении России.

Поэтому Россия — единственная без вины виноватая страна; но именно поэтому она сохранила способность к регенерации, к возрождению из пепла (оттого в ней так почитается икона «Неопалимая купина»).

Россия сегодня находится в состоянии колонизации Антимиром, который, сталкиваясь в ней с традиционным Адом, создает в ней ситуацию зла, обозленного на зло, т. е. ситуацию отрицания Ада Антимиром и отрицание Антимира Адом, ситуацию апокалипсиса в самом апокалипсисе. Испытания предстоят неслыханные и кошмарные. По-

этому России предстоит мобилизация всех своих традиционных смыслов, институтов, софийной мудрости, чтобы противостоять хаосу отрицаний, ненавидящих друг друга.

Цивилизация сегодня превращается в цивилихаос, в антицивилизацию, общество — в сумму сетей. И системы, законы, детерминизм не работают, ибо хаос взаимоотрицаний царит в реальности и в головах. Мыслить нужно категорией «мудрого хаоса», а это возможно лишь посредством сакрального детерминизма, а посредством софийных смыслов нужно управлять менеджерами хаоса, осуществляющими управление без видимых органов и структур управления. Сама власть и управление в отрыве от сакрального детерминизма становятся генераторами хаоса. В России царит конспирологическая неопределенность, ибо экзистенциальные потоки, обеспечивающие жизнь энергиями, ресурсами и смыслами, скрыты в глубинах бытия, земли, а через факты не проявляются.

В России испытывается судьба самой судьбы. Все страны можно разобрать на части, исследовать, но только не Россию. Все реалии России не укладываются в логику, хотя и не отвергают ее, но логика не охватывает ее смысловой организм, живущий не только физикой, но и смысловой метафизикой Иного, неизвестности. И она не может отсидеться, не может не участвовать в глобальной игре самоотрицаний. Нет концепции России, нет стратегической политики, но все же она участвует в глобальной игре, в которой все хотят выбраться из этой игры, уйти от своего же отрицания. И Россия выступила против зла, хотя сама сидит в болоте и во зле, носителем которого является либерализм, который опирается на экономику, которой уже нет, а поэтому он переходит к прямым военным действиям, охраняющим его кровавую свободу. Инструменты либеральные не работают и против ислама, который станет его основным могильщиком.

Россия — осевая страна мира. Большая территория России требует больших идей, большой игры, больших программ и больших тайн, несоразмерных человеку. В России можно еще сблечь консолидацию народов и природы. Только в России может найти приют Справедливость, которую требует мировое развитие и без которой человечество не удержится. Запад отказался от гуманизма и справедливости, от социально ориентированного и социально защищенного общества. В России за справедливость выступает само основание России.

Но сегодня России нужно, следуя традиции, «посидеть на дорожку»: человек перед дорогой еще раз вспоминает, взял ли он все нужное в новый путь; есть времена, когда сосредоточенное бездействие эффективнее любого действия. Китай, Индия теряют способно-

сти сохранять свою идентичность, и сейчас они усваивают себе на погибель западный яд.

13. Софиасофия представляет целостное *мировоззрение*, смысловой остов которого составляет иерархические взаимодействия духа (смысловой перводвигатель), сознания (орган понимания) и разума, упорядочивающего нормами, правилами, принципами содержание мысли, сознания.

Софиасофия — это главный персонаж и деятель нашего времени, юбилея нашей мысли и нашего сознания; через нее идет и пойдет дальше основной смысловой поток духовных энергий жизни. Видимо, это именно тот смысловой и духовный плод, которого смертельно страшится Запад, делающий все, чтобы он не достался России. Не в последнюю очередь 1917 год, две мировых войны были запущены для того, чтобы предотвратить появление софиасофии в России, *ибо эта доктрина открывает новые, софийные, т. е. безграничные возможности для ума и сознания* — основных властвующих и правящих институтов мира.

Софиасофия невозможна без ее уникального русского автора, без ипостасной личности Ю.М. Осипова. Много званных, но мало избранных. Нам фантастически и незаслуженно повезло, ибо общение с избранником софийной мудрости оправдывает нашу мелкую, никчемную жизнь, придает ей смысл, возвышает ее до уровня сакральной значимости. По большому счету мы родились, чтобы встретиться с ним и поступить на службу России, ибо сам Ю.М. Осипов живет не для себя, а для России.

Тексты Ю.М. Осипова — это не просто тексты, это живые существа, живые смысловые семена России. Эти тексты нужно не просто читать, изучать, чтобы обрести знания — их можно получить из других источников, — а с этими текстами нужно общаться, чтобы в этом общении с живыми смыслами сохранить свой разум и свое сознание, сохранить их способности к пониманию. В созданной его духом софиасофии человек может искать, найти и встретить то, что ищет, находит и встречает его, т. е. мудрость вечности и бытия.

Поговорка гласит, что для камердинера нет героев, но не потому, что героев нет, а потому, что есть камердинеры, имеющие дело только с прозаической стороной жизни героев, а не с теми деяниями, которые делают из них героев. Имеющие ум, да уразумеют.

С.С. СЛЕПАКОВ

**К вопросу о смысловых доминантах российских реформ
(воспроизводственный подход)**

Аннотация. Статья посвящена проблеме доминирования интересов власти над интересами общества — десоциализации власти в современной России. Данный порядок представлен как институт деструкции, инерционно разрушающий национально-государственную хозяйственную систему, порождающий дефициты существенных составляющих социально-экономического процесса. Развитие страны как единой социальной и хозяйственной системы требует согласования совокупности собственных интересов ее хозяйствующих субъектов на основе приоритета интересов общества.

Ключевые слова: экономический интерес в собственном и социальном значениях, конфликт интересов, власть, общество, прямая и обратная связи, десоциализация власти, институты деструкции, дефицит условий жизнедеятельности.

Abstract. The article deals with the problem of domination of power interests over public interests-desocialization of power in modern Russia. This order is represented as destruction institute that eliminates traditional national state economic system, generating significant deficiencies constituting a socio-economic process. The development of the country as a single social and economic system requires the agreement of the totality of its own interests realized by economic entities and based on the priority of the interests of society.

Keywords: Economic interest on its own and social values, conflict of interests, power, society, direct and indirect linkages, desocialisation of power, institute of destruction, shortage of living conditions.

Ни для кого не секрет, определяющим условием жизнедеятельности человека является сознание, обладающее свойством разума, т. е. способностью к смыслотворчеству. Индивиды, сообщества, социум генерируют и реализуют собственные, присущие им смыслы, тем самым осуществляя гуманитарную функцию — необходимый атрибут человеческой жизнедеятельности.

Категория *смысл экономической жизнедеятельности субъекта*, функционирующего в воспроизводственном процессе (далее субъекта), понимается автором как *выражение представлений о собственных социально-экономических доминантах, реализация которых обеспечи-*

вает статус, уровень благосостояния, защиту жизни, имущества, условий существования и труда. Разумные смысловые доминанты не реализуемы без взвешенной оценки субъектом собственных реальных ресурсов и усилий, необходимых для получения требуемого результата.

Нахождение доминант представляет собой переход экономических субъектов на смысловой код. В воспроизводственном смыслотворчестве субъекта интегрированы его доминантные представления о доминантной цели жизнедеятельности, проблемах и жизненных обстоятельствах, сопутствующих ее достижению; выработанной и реализуемой им модели самоуправления; целях, основаниях, причинах сложившихся представлений о самоуправлении; функциональных решениях, организующих целевые функции в систему «самоуправления» для ответа на вызовы, препятствующие достижению доминантной цели; морально-нравственному, этическому содержанию жизнедеятельности; наиболее предпочтительном наборе ресурсов экономической жизнедеятельности; реализуемых в трудовом процессе затратах ресурса человеческой жизненной силы, фундаментальный запас которого требует восстановления, сбережения и преумножения; рациональном смысле экономико-хозяйственной деятельности, состоящем в получении результата, принципиально превышающего по своему размеру инициировавшие его создание целенаправленные затраты. Этот результат является средством решения конечной задачи сохранения и наращивания запаса жизненной силы субъекта. Разность же между этими величинами служит искомым выигрышем, обеспечивающим экономико-хозяйственную жизнедеятельность.

К сожалению, в российской действительности применение гуманитарного, смыслотворческого подхода для управления и регулирования экономико-хозяйственных процессов не характерно. В этой сфере безусловным приоритетом обладает маргинальный подход. Основанием для данного заключения служит то, что именно дефицит решений и действий, осмысленных с позиций общества, составляет главную причину заблуждений и разрушений, препятствующих общественному воспроизводству и процветанию.

В экономической жизнедеятельности общества существует явное несоответствие затрат (целенаправленного недопотребления) и результатов процесса общественного воспроизводства с позиций смыслов жизнедеятельности бизнеса и общества. В результате, общественное смысловое пространство сужено до пределов сферы реализации доминирующего смысла функционирования бизнес-структур. В данном значении *общественное благо (ресурс жизненных сил обще-*

ства) не выражает двуединой, равнозначной, совокупной целостности выигрыша от труда и недопотребления, ограничив и представив смысл (доминанту, итоговую цель) общественных усилий с позиций приоритетной роли прибыли и процента. При этом прочие результаты общественной воспроизводственной деятельности выступают по отношению к проценту и прибыли лишь в качестве производных величин. Тем самым обществу отказано в способности и праве обладания гуманитарной природой — собственным смыслотворчеством. По справедливому заключению Ю.М. Осипова, выход общества во внесознаниевую сферу, отважный выход сознания за пределы самого себя под видом обретения некоего сверхсознания, но уже и сверхприродного, сверхчеловеческого, сверхсознательного следует квалифицировать как суицид сознания [1]! Именно непризнание гуманитарной природы общества провоцирует нарастание конфликта интересов власти и общества, послужившего причиной дисфункции института государственного управления экономикой современной России.

Экономикой и обществом движут не институты, не властные и не бизнес-элиты. Эту роль выполняют интересы субъектов хозяйствования. По мнению автора, интерес, в его экономическом и социальном значениях, представляет собой *функцию воспроизводства социально-экономической жизнедеятельности своего носителя* (не потребности, не мотивы и не стимулы, как принято считать). Интересы служат выражением смыслов существования индивидуальных и ассоциированных участников — субъектов процесса общественного воспроизводства. В каждом интересе реализуется смысловая доминанта функциональной зависимости уровня и качества жизнедеятельности субъекта—носителя от характера и результатов его участия в общественном воспроизводственном процессе.

Общество как несомненный, реальный участник процесса общественного воспроизводства является субъектом — носителем собственного интереса. Функцию управления реализацией общественного интереса призваны исполнять представители общества, находящиеся у власти. Определяющим принципом их деятельности должны служить реализация и защита общественного интереса на основе согласования собственных интересов его корпоративных и индивидуальных субъектов. Однако в России институты обратной связи между обществом и властью в системе государственного, муниципального и корпоративного управления не получили необходимого развития. В ущерб обществу, страна управляется в интересах компрадорского олигархического капитала, который содержит правящую бюрократию.

Реализуемая в России либеральная идея системообразующей роли и приоритетной значимости для общества свободного экономического индивида (*homo economicus*) — торжествующего эгоиста — саму возможность существования и реализации общественного интереса отвергла как нереализуемую, социально и экономически вредную. В результате фрагментарность, неустойчивость, бессистемность институциональной синкретизации (соединения) собственных интересов разрушают национально-государственную хозяйственную систему.

В сложившихся условиях страна выглядит отчужденной от общества хозяйственной территорией, ресурсы которой агрессивно перераспределяют между собой субъекты собственных корпоративно-финансовых интересов. При этом обществу представлен *симулякр* работы власти во имя общего блага, в то время как находящейся у власти «командой» внедрен и поддерживается институциональный порядок, обеспечивающий преимущество лишь ее корпоративных интересов, реализуемое в ущерб обществу.

Доминирование интересов власти над интересами общества, т. е. *десоциализацию власти* определим как *институт деструкции* (термин — «институциональная ловушка» (см.: [2 — 4]), по нашему мнению, неадекватен явлению, которое, будучи общесистемным, в полной мере соответствует основным признакам института). Ключевой характеристикой институтов деструкции служит то, что они инерционно разрушают хозяйственные системы, порождая дефициты существующих составляющих социально-экономического процесса: освоенных социально-хозяйственных территорий, конкурентоспособных кластеров, инвестиционных и кредитных ресурсов, промышленных и сельскохозяйственных предприятий, рабочих мест, инфраструктуры, услуг социальной сферы. Дефицитность экономики пореформенного периода «унаследовала» соответствующее качество социалистического развития. Потребительский спрос был насыщен импортом товаров и услуг, приобретенных за «нефтедоллары». При этом правительство реформаторов не озаботилось решением проблемы развития национальной экономики, реформы имели явно деструктивный характер.

В современной России по-прежнему последовательно уничтожаются и не воспроизводятся необходимые условия хозяйственной и социальной жизнедеятельности, в результате чего получила развитие *новая форма дефицитной экономики*. Ее проявления многообразны.

Так, в общей численности населенных пунктов России за годы реформ фактически прекратили существование более 40000 (около 26% их общей численности). В каждом третьем селе России прожива-

ют менее 10 жителей. До 20% населенных пунктов России не имеют телефонной связи, до 50% не газифицировано [5; 6, 8]. В 2015 — 2016 гг. дотации пока не предусмотрены лишь для 15 из 85 российских регионов, на повестке дня вопрос о финансовом банкротстве ряда регионов (см.: [7]). Центристремительное развитие метрополии фактически уничтожает провинцию, лишая ее ресурсов развития. Из 500 ведущих компаний России (по рейтингу РБК) на Москву приходится 300 компаний и 80% их совокупной выручки (см.: [8]).

Экономика современной России не диверсифицирована, что подтверждается ее диспропорциональной отраслевой структурой: в России нефть, газ и металлы составляют около 75% продаваемых товаров. В десятку компаний, заработавших почти всю прибыль российской экономики в 2014 г., входят пять компаний энергетического сектора, РЖД, два банка и ритейл (см.: [9]). Список крупнейших отечественных компаний показывает, что Россия почти ничего не производит на свой внутренний рынок, а, по сути, обменивает у остального мира на нефть и газ. Сырьевые экспортеры, ритейлеры, банки и телекомы (веяние времени) образуют основу российской экономики. 98% прибыли всех компаний (из РБК 500) заработали нефтегазовые холдинги. На все огромное множество других отраслей приходится лишь 2% (см.: [10]).

Недопустимо высокий уровень зависимости России от импорта является угрозой ее национальной безопасности. По заключению заместителя главы Минпромторга РФ С. Цыба в интервью «Российской газете», во многих стратегических отраслях промышленности доля потребления импорта оценивается на уровне более 80%: в станкостроении — более 90, в тяжелом машиностроении — 60 — 80, в легкой промышленности — 70 — 90, в электронной промышленности — 80 — 90, в фармацевтической и медицинской промышленности — 70 — 80, в машиностроении для пищевой промышленности — 60 — 80% [11]. Высокая зависимость от импорта, зарубежных инвестиций и кредитов обуславливает утрату контроля государства не только за внешними рынками, но и за внутренним рынком.

Неконкурентоспособная, энерго-сырьевая российская экономика создает в обрабатывающей промышленности на рубль сырья лишь 2,5 р. добавленной стоимости (в ЕС мультипликатор добавленной стоимости достигает 8,5 — 9, а в США и Японии свыше 12 и 15 денежных единиц соответственно). В российском экспорте на долю невосполнимого минерального сырья, природных ресурсов и продукции низких переделов приходится порядка 88,3%. В 2012 г. на долю сырья и продукции первичной переработки приходилось порядка 89% стоимост-

ного экспорта России. При этом экспорт злаков в 2013 г. сократился на 54,8%. Обращаясь к импорту, отметим, что в условиях деградации отечественного машиностроения и станкостроения, перевооружение изношенного на 60 — 70% основного капитала за счет импорта невозможно, поскольку в нем доля станков, машин, оборудования и прочих товаров инвестиционного назначения составляет не более 20 — 25%, а их прирост не превышает 0,3%. Тем самым решение задач повышения уровня производительности труда, модернизации, инновационного развития и пр. проблематично (см.: [12]).

По данным сопредседателя МЭФ К. Бабкина, за последние четверть века все регионы мира *удвоили* урожайность и объемы производства продовольствия. Россия за этот же период повысила урожайность лишь на 15%. При этом из сельскохозяйственного обращения выведено до 40 млн га земли (см.: [13]).

Закономерным проявлением дефицитной экономики служит тенденция снижения уровня доходов населения. По июньским данным Росстата, число россиян с доходами ниже прожиточного минимума в России — 22,9 млн человек. Уровень бедности за первые три месяца 2015 г. повысился до 15,9% против 13,8% в I квартале 2014 г. По итогам I квартала 2015 г., категории низко- и наименее обеспеченных граждан увеличились на 5%. При этом средний класс уменьшился на 2,2%, класс богатых — на 2,5%. Рост уровня бедности связан с падением реальной заработной платы, которая, по данным Росстата, к концу июля 2015 г. сократилась в годовом исчислении на 9,2%. В середине августа Росстат сообщил о том, что с начала 2015 г. потребительские цены в России выросли на 9,4% (см.: [14]).

В пользу необходимости преодоления энерго-сырьевой модели развития российской экономики говорит то, что: в современных условиях «рынок продавца» сырья и энергоносителей стремительно уступает место «рынку покупателя». Причины тому: падение темпов роста экономики Китая; выход США на ведущие позиции; обострение конкуренции на мировом рынке; рост масштабов теневого рынка; выход Ирана (в связи со снятием санкций) на мировой рынок; внедрение высокоэффективных технологий добычи, переработки и реализации в странах-экспортерах; развитие энергосберегающих технологий в странах-импортерах. Названные и многие другие обстоятельства дают основания прогнозировать приток на мировые рынки значительных объемов относительно недорогих энергоносителей и обострение конкуренции. В России свою деструктивную роль сыграли стратегические просчеты, вызванные тем, что ни один из названных факторов не был учтен при выработке политики развития российских компаний — про-

изводителей и экспортеров энергоносителей и сырья, вследствие чего только «Газпром» вложил 2,5 трлн р. в расширение продаж. Сегодня его продажи упали на 30%, снизились цены, сократилась капитализация, не говоря о том, что значительная часть вложенных средств была похищена. Себестоимость производства нефти и газа в России растет, притом что политическая конъюнктура (как внешняя, так и внутренняя) крайне неблагоприятна. В сложившихся обстоятельствах, у России отсутствует альтернатива проведению диверсификации экономики, решительному преодолению тенденции инерционного развития в алгоритме отжившей энерго-сырьевой модели.

Проведение в России импортозамещения и новой индустриализации в институциональных условиях, создаваемых современной политикой ЦБ и правительства РФ, не реально. Этому препятствуют запретительно высокая ключевая ставка ЦБ (11%) (фактически заменившая ставку рефинансирования), когда едва ли не основной компонентой издержек товаропроизводителей в России служат их расходы на обслуживание долга (не на сырье, материалы, топливо и пр.); подмена стратегического планирования и проектирования на макро- и мезоуровнях принятием и продвижением внесистемных приоритетных проектов; свобода монополий в ценно- и тарифообразовании; принятие правительством решительных мер по понижению курса рубля в условиях санкций Запада, и без того существенно ограничивших зарубежные инвестиции и кредиты; обеспечение благоприятных условий для вывоза капитала из страны; запредельный уровень коррупции и многие другие обстоятельства [15].

К настоящему моменту в России *дисфункция института государственного управления экономикой* отчетливо проявляется в несбалансированности политики — в чрезвычайной внешнеполитической активности при явном отставании и неэффективности внутренней политики; отсутствии стратегического подхода к решению макроэкономических проблем; в персонализации и прямой зависимости управления от интересов и личных качеств управляющих персон; в развитии и укреплении неправовых неформальных институтов («теневой экономики», коррупции, криминала), восполняющих дисфункцию института государственного и муниципального управления.

Находясь в эпицентре глубокого системного кризиса политики и экономики, не доверяя возможности успеха протестного движения, уставшее от бесконечной череды ухудшающих реформ и наученное горьким опытом российское общество «спасается», принимая и активно поддерживая действующую власть, справедливо предпочитая внутреннее управление возможности внешнего. В стране, используемой

государственной и местной бюрократией, корпорациями и олигархатом в качестве площадки для собственного безответственного бизнеса, поставить политику и экономику на службу национальным интересам не представляется возможным. Однако очевидно, что это «путь в никуда».

Прямым следствием *суррогатной* политики, наложившей на Россию «проклятие» недиверсифицированной, энерго-сырьевой, неопатерналистской, олигархической державы стало ее прямое участие в нефтегазовых войнах на Ближнем Востоке, в ожесточенных конфликтах на рынках сырья и энергоносителей Европы и Азии — с непредсказуемыми последствиями.

Россия располагает более чем достаточными ресурсами, необходимыми для устойчивого поступательного хозяйственного развития и процветания национального сообщества. Их освоение, создание условий для центробежного движения национальных капиталов, направленного на диверсификацию российской экономики, развитие и наполнение национальных рынков отечественными товарами и услугами должны служить смыслом и стратегической целью национальной политики

Превращение российского общества в субъект собственного интереса, движение в русле его реализации и защиты и есть политика в ее истинном смысле, стратегическая цель, к достижению которой России следует стремиться. Реформационный (институциональный) процесс требует преодоления длящейся уже четверть века гегемонии псевдолиберальной, «всепобеждающей» материальное воспроизводство и социальное развитие идеи маргинального прогресса узкого круга представителей компрадорской олигархии.

Российскому обществу жизненно необходимы достижение *синкретизма* (соединения, согласования) совокупности интересов в едином общественном, национально-государственном интересе, демонтаж институтов деструкции, внедрение институтов созидания с целью сохранения и развития страны как единой социальной и хозяйственной системы.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Сознание как феномен человека и фактор его бытия // *Философия хозяйства*. 2015. № 5.
2. *Полтерович В.М.* Институциональные ловушки и экономические реформы М., 1998.

3. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
4. *Алексеева Ю.С.* Институциональные ловушки // <http://www.be5.biz/ekonomika1/r2010/01012.htm>.
5. <http://newvesti.info/ot-vstupleniya-vto-%E2%80%93-k-politike-unichtozheniya-tysyach-malyx-gorodov-i-sel/>.
6. *Гурдин К.* Зов газовой трубы // Аргументы недели. 2014. № 46.
7. <http://www.aif.ru/dontknows/eternal/1206689>.
8. <http://daily.rbc.ru/ins/business/01/10/2015/560bf2a29a794790da45d6b2>.
9. <http://daily.rbc.ru/opinions/economics/24/09/2015/5603df4f9a7947dcdcf77252>.
10. <http://daily.rbc.ru/opinions/economics/25/09/2015/560524159a7947675582c61>.
11. Зависимость России на 80% от импорта создает угрозу национальной безопасности // <http://www.portal—investor.ru/russia/economics/8715>.
12. *Жуковский В.* Экономика России все больше зависит от импорта // <http://newsland.com/news/detail/id/1260556/>.
13. <http://me-forum.ru/media/news/4878/>.
14. <http://www.newsru.com/finance/08sep2015/bednost.html>
15. *Катасонов В.* Чиновники ЦБ перепутали причину и следствие // <http://me—forum.ru/media/news/4882/>.

В. А. УШАНКОВ

О здравом смысле, национальной арифметике и своеобразии отечественной экономической науки

Аннотация. В статье подвергается сомнению правильность тезиса о том, что не бывает национальной арифметики. Этот тезис часто выдвигается сторонниками сугубо микроэкономического понимания экономики. На самом деле в экономической науке существует несколько теоретических дискурсов, каждый из которых исходит из своего понимания рачительности в хозяйстве. На выбор отечественной мыслью классического направления в экономической науке оказывает

влияние особенность объекта исследования — национального хозяйства. Это оправдывает существование национальной арифметики.

Ключевые слова: здравый смысл, национальная арифметика, экономический дискурс.

Abstract. The article questioned the correctness of the thesis that there is no national arithmetic. The supporters of a purely microeconomic understanding of economics are often putting this argument forward. In fact, in economics, there are several theoretical discourses, each of which comes from its own understanding of the national economy and the assiduity. The choice of the classical political economy as the direction of the national economic thought predetermined the feature its object of study — the national economy. This justifies the existence of a national arithmetic.

Keywords: common sense, national math, economic discourse.

Философия хозяйства и рачительность. Нет сомнений в том, что область знания, которую мы называем *философией хозяйства*, не имеет прямого отношения к сфере сугубо экономического расчета и калькуляции. Ключами к пониманию различий между объектом философских рассуждений и экономикой как таковой служат понятие «хозяйство» и особенность его понимания. Хозяйство как объект философствования — не просто понятие, более широкое, чем экономика, это по сути своей совершенно иное явление. Хозяйством обозначается здесь сфера жизни, жизнеобеспечения человеческого сообщества, включающая в себя все многообразие материальных и метафизических проявлений социальной жизни — власть, религию, искусство, а также особый срез расчетливых (экономных) отношений. Иными словами, хозяйство в широком его понимании как объект философствования, охватывая собою различные сферы жизнеобеспечения и расчетливые, экономические проявления в жизнеобеспечении человека и общества, экономикой не является.

И все же, почему хозяйство? Почему мы философствуем не о религии, искусстве, политике, а о хозяйстве? Почему всеохватывающую жизнеутверждающую сферу жизни человека и общества — мир человека — мы называем именно *хозяйством*? Что такого особенного содержится в понятии «хозяйство», что придает ему высочайший статус, возвышающий его над другими не менее важными проявлениями жизни человека, например, религией, политикой, эстетикой?

Причина того, что хозяйство в широком смысле этого слова становится генеральным объектом философствования, состоит в том, что оно, в отличие от других не менее важных элементарных (нераз-

ложимых) проявлений жизнедеятельности, будучи ответственным за саму жизнь и выживание человеческого сообщества, имеет одну принципиальную особенность. Хозяйство — как жизнеобеспечивающее явление, ответственное за саму жизнь и выживание сообщества со всеми присущими ему атрибутами, — функционирует не иначе как в соответствии с законами выживания — рачительности. В хозяйствовании, в этом ответственном деле, не может быть случайностей. Хозяйственная рачительность — это и есть в высшей степени ответственность.

Рачительность — основная проблема в науке о хозяйстве.

Хозяйство как сфера жизнеобеспечения человека и общества подчиняется принципу рачительности. Отсюда большинство недоразумений в науке о хозяйстве. Различие в понимании рачительности и рациональности хозяйствования, принадлежащих к различным уровням хозяйствования (хозяйство и экономика), становится источником большинства недоразумений в понимании самого процесса хозяйствования.

Самая распространенная ошибка в понимании рачительности и рациональности связана с путаницей в уровнях хозяйства. Одно дело — рачительность в хозяйстве в широком, жизнеутверждающем смысле, и совершенно другое, — рациональность на подчиненном уровне — экономике, которая выполняет технологическую, функцию хозяйствования. Экономической рациональности присущи формальные вещи: сопоставление, измерение, расчет, калькуляция и т. д. Отсюда хозяйствование в узком понимании этого слова — это вопрос об экономическом, расчетливом поведении субъекта хозяйствования. Но ведь это всего лишь часть общей хозяйственной задачи — жизни и выживания.

Решение проблемы адекватного понимания хозяйственной рачительности, отношения к хозяйству с большой буквы и к экономике как к сфере расчета и калькуляции определяется на нескольких креативных уровнях: во-первых, это уровень рассуждений о хозяйственной рачительности с позиции здравого смысла; во-вторых, уровень трактовок о рациональности хозяйственного поведения с позиций «чистого», абстрактного, или теоретического, знания.

Здравый смысл и рачительность. Казалось бы, в рассуждениях о хозяйственной рачительности достаточно здравого смысла. Потому он и здравый, что вытекает не из абстракций, а следует из практики жизни и выживания. Доводы здравого смысла о рациональности хозяйственного поведения доступны пониманию и излагаются в словах обыденного языка.

Живой язык обыденного общения — совершенное средство обоснования и объяснения содержания хозяйственной деятельности, ее целей и задач. Он обладает широчайшими возможностями восприятия жизни, обобщений, передачи мыслей, смыслов, практических знаний. Обыденный язык практичен, ибо на самом деле представляет собой некую словесную «матрицу», вобравшую в себя весь опыт жизнедеятельности народа, проживающего в конкретных объективных, культурных, геополитических и других обстоятельствах. Отсюда широкая палитра выразительных средств у обыденного языка. При помощи него можно донести до слушателя любую мысль, увлечь, зажечь, убедить. На нем можно выразить эмоции, заклеить, уличить во лжи, рубануть правду прямо в глаза, не поступившись принципами, приклеить ярлык апологету и т. д. Обыденного языка достаточно для решения большинства задач жизнеобеспечения, и не только хозяйственных. На нем изъясняются строители, токари, пекари, а также поэты, философы и теологи.

Трудно умолить достоинства обыденного языка, и все же обыденный хозяйственный язык (а мы говорим сейчас о нем), будучи прекрасным средством для выражения практически любых жизненных коллизий, имеет наряду со своими бесспорными достоинствами некоторые неудобства. Во-первых, несмотря на свои глубокие генетические корни, он склонен к сиюминутности. Это отчасти оправдано, ведь при помощи обыденного хозяйственного языка решаются практические задачи выживания «здесь и сейчас». В этом смысле обыденный язык внеисторичен (внесоциален, экстерриториален). Например, какое может быть дело конкретному хозяйствующему субъекту до того, как процесс обеспечения жизни и выживания происходил в Древнем Риме? «Здесь и сейчас» — вот те рамки хозяйственного поведения, которые ограничивают понимание рациональности с позиций обыденного языка.

Другое неудобство рассуждений о рачительности хозяйственного поведения с позиций здравого смысла состоит в универсальности обыденного языка. Им можно охватить практически все сферы рассуждений. Например, экономическая рациональность — это и рачительность, и продуктивность, и эффективность, и выгода и т. д. Это может быть рациональность по итогу, результату деятельности, а также по процессу (рационально все, что происходит разумно, без привязки к тому, что в итоге получается). Более того, рассуждая «здравом», субъект хозяйствования может оказаться вне нравственности, традиций и закона. Теряется критерий рачительности. Например, украсть и быть в достатке, — это рационально? А почему нет? Значит, дополни-

тельно к здравому смыслу нужен еще внешний критерий рачительности. Хорошо, когда есть традиция и нравственность или закон, а если нет?!

Наука и ее оправдание. Вот тогда и наступает момент, когда к рачительности хозяйственного поведения должны быть подключены рассуждения с более высокой способностью к общим (абстрактным) рассуждениям. Одного эмоционального возражения против арифметики экономизма становится недостаточно (что толку просто возражать и не соглашаться) — возникает необходимость перехода на понятийный язык системного регулярного знания. Обыденный язык, имея природу здравого смысла, в своей универсальности становится недостаточным для выражения специального (теоретического) знания.

Специальный язык научного знания жизненно необходим, поскольку позволяет продуктивно решать специальные задачи, выдвигаемые жизнью. Вопрос о необходимости появления специального знания (науки) и его жизненной необходимости был решен в свое время историей. Наука и ее научный язык появились в определенное историческое время и имеют свое оправдание. В частности, также и для того, чтобы не только физические, но и метафизические идеи излагались бы не в бессодержательных, случайных словах, похожих иногда на аффертивные фонемы.

Науку принципиально отличает от здравого смысла то, что здесь происходит описание хозяйства при помощи языка, но уже языка особого рода — научного. Язык науки, в отличие от обыденного, это иерархическая система понятий, субординированных между собой. Научный язык — это та же матрица слов, только состоящая уже из слов-понятий, ставших результатом предварительно проделанной умозрительной работы по обобщению явлений поверхностных. Матрица слов-понятий, созданная сознательно, решает задачу объяснения хозяйственной реальности в терминах, избавленных от чувственной эмоциональности и художественности. За каждым словом-понятием закрепляется достаточно ясное содержание, о котором заранее договорились в научном сообществе. Специальный язык науки преодолевает ограниченную универсальность обыденного языка, и уже на уровне обобщений способен давать «холодные» оценки, без крика разъяснений о существовании рачительных процессов в жизнедеятельности человека.

Науку отличает то, что она наряду с вербальными законами подчиняется особым формально-логическим правилам рассуждений («дважды два четыре»). Однако логичность — еще не наука! И это даже не язык науки. Логика — важное, но не единственное условие научного рассуждения. Принципиально важным для любой науки и ее

научного языка становится единство всего размыслительного процесса, ориентированного на достижение разъяснительных задач. Стать наукой может лишь та система слов-понятий, которая сохраняет внутреннюю стройность в терминах, оставаясь при этом верной своим изначальным аксиоматическим утверждениям, лежащим в ее основе. Собственно, аксиомы и логическая непротиворечивость научного языка составляют необходимые условия научной состоятельности. А это значит, что наука может стать таковой лишь в рамках определенного научного дискурса, вытекающего из изначальных аксиоматических посылок (догм). Согласимся с С.Н. Булгаковым, что экономическая наука — сфера догматического знания.

Экономическая наука и рачительность. Оставаясь на позициях здравого смысла, порой бывает невозможно без эмоций, аргументированно противостоять выверенным формально-логическим научным утверждениям о рачительности или рациональности хозяйственного поведения отдельного субъекта в условиях ограниченности ресурсов. Эмоциональные возражения против утверждения, широко изложенного в учебных курсах микроэкономики, бессильны. Часто здесь здравый смысл наталкивается на железный аргумент со стороны приверженцев рациональности микроэкономического типа. В их представлении в понимании рациональности никаких культурных, исторических вольностей быть не может. Не может быть иных экономических законов, кроме тех, которые воспроизводят расчетливость рационального поведения отдельного хозяйствующего субъекта. В хозяйстве действуют совершенно неотменяемые экономические законы. Отсюда знаменитый тезис: законы экономики также универсальны, как и законы арифметики. Нет и не может быть арифметики китайской, американской или русской. Казалось бы, что тут спорить?! Арифметика действительно универсальна и всеобща.

Однако для знающего экономиста-теоретика очевидно, что рассуждения в логике индивидуалистического расчета и максимизации выгоды составляют принадлежность всего лишь одного из научных дискурсов — неоклассического направления в экономической науке. Именно в этой теории с «чертовской» логичностью обосновываются законы рационального поведения отдельного хозяйствующего субъекта. Не может быть иных законов обеспечения благополучия, кроме тех, которые формализованы и изложены в современных стандартных учебниках.

Две науки, два смысла, две рачительности. В отличие от обыденного языка, достаточного для рассуждений о содержании рациональности хозяйственного поведения с позиций здравого смысла,

объяснение сути рачительного хозяйственного процесса с позиций науки возможно лишь в строгих рамках той или иной теории с соблюдением ее аксиоматических посылок и формально-логических правил рассуждения. Однако заметим, что понятие рачительности не сводится не только к объяснениям с позиций здравого смысла, но и к логике субъективистского направления в экономической науке.

Современная экономическая наука состоит из нескольких принципиально различных, конкурирующих между собой теорий. Каждая из них исходит из набора аксиоматических посылок и использует свой язык науки. За этим признанием возможности сосуществования в экономической науке нескольких фундаментальных теорий следует вполне допустимое предположение о том, что и понимание рачительности хозяйственного поведения в них отлично.

Признание «арифметической» логичности только в одной из научных теорий означает отказ в научности другой, более близкой к отечественной мыслительной традиции, — классической политико-экономической науке.

Обращение к хозяйству, взятому в целом, составляет отличительный признак классического направления в экономической науке. Это направление не менее научно, чем современный мейнстрим. Но здесь понимание рачительности не сводится к законам субъективных оценок, хотя и это составляет предмет ее анализа. «Арифметическая логика» политической экономии направлена не на обоснование рациональности поведения отдельного субъекта, а на рассмотрение рациональности воспроизводства всего народного хозяйства в тех конкретных природно-географических, геополитических, культурных обстоятельствах, в которых оно функционирует.

Хозяйство в понимании классической политической экономии ближе всего к его пониманию в широком, жизнеутверждающем смысле, а рациональность понимается как рачительность, разумность, целесообразность хозяйственного поведения, критерием которого будет достижение воспроизводственных целей всего сообщества.

О традиции русской экономической мысли. Экономическая наука в своей практической части всегда связана с решением хозяйственных задач, стоящих перед конкретным национальным хозяйством в конкретное историческое время. А потому выбор того или иного теоретического направления предопределяется особенностями национального хозяйства. Выбор экономической мыслью своего теоретического базиса решается исходя из практических задач, стоящих перед ней. Вооружаясь той или иной теорией, экономическая мысль руководствуется не только достижениями «чистого разума», но и необхо-

димостью выбора дискурса, который бы в наивысшей степени отвечал потребностям адекватного отражения хозяйственной жизни. Иными словами, сохраняя в себе формальность «арифметического» подхода к решению хозяйственных задач, экономическая наука, по сути, может сохранять свою культурную или даже национальную определенность.

За национальным своеобразием экономической мысли обнаруживается понимание ею особенности национального хозяйства. Отечественная экономическая мысль всегда демонстрировала свое устремление взять в качестве объекта научного исследования хозяйство в целом, со всем комплексом вытекающих из этого воспроизводственных задач (классика). Процесс принятия рациональных решений на уровне субъекта, участвующего в хозяйстве (неоклассика), никогда не был объектом ее генерального интереса. Хозяйственная жизнь в России не может быть описана адекватно субъективистскими законами рыночного поведения. За приверженностью к классическому пониманию объекта науки со стороны российской экономической мысли стоит понимание ею строя хозяйственных отношений, сложившихся на бескрайних пространствах российского государства. Хозяйственная рачительность в классической политической экономии это всегда продуктивность по отношению ко всему общественному хозяйству. Воспроизводственный смысл хозяйствования в классике — это первично.

Итак, не ставя под сомнение то обстоятельство, что действие экономических законов подчинено формально-логическим правилам, следует возразить тому положению, что рачительность в хозяйствовании — всегда поведение отдельного хозяйствующего субъекта, максимизирующего свою частную выгоду. Арифметика арифметикой, но не следует формальной логикой прикрывать всего лишь частные закономерности рационального хозяйственного поведения, следующие из одного из экономических дискурсов.

Т.И. ПОРОХОВСКАЯ

Философия хозяйства и этика бизнеса

Аннотация. Философия хозяйства рассматривается как направление исследований и как методологическая основа этики бизнеса. Выделяются основные этапы в развитии философии хозяйства, характеризуются основные подходы в предпринимательской этике и различные концепции этики бизнеса. Автор прослеживает взаимодей-

ствие права и морали в регулировании бизнеса, обосновывает их взаимодополнительность и показывает, почему моральное регулирование в бизнесе не может быть заменено другими способами регламентации поведения. Автор приходит к выводу, что обращение к зарубежному опыту в сфере философии хозяйства и этики бизнеса и критическое его переосмысление способно помочь отечественной этике бизнеса выйти на новый уровень исследований. Однако каждый национальный учебник по этике бизнеса должен также отвечать на насущные запросы своего общества, учитывать его общественное мнение, состояние нравов, проблемы, иметь в виду конкретную бизнес-среду и т. д. А для этого необходимо широкое обсуждение всех этих проблем.

Ключевые слова: философия хозяйства, этика бизнеса, мораль, право, институты.

Abstract. The philosophy of the economy is considered as a field of research and as a methodological basis of business ethics. The main stages in the development of philosophy of economy are highlighted and basic approaches in business ethics and different concepts of business ethics are characterized. The author traces the interaction between law and morality in business regulation, justifies their complementarity and shows why the moral regulation of business can not be replaced by other means of regulation of behavior. The author concludes that recourse to foreign experience in the field of philosophy of economy and business ethics and critical rethinking it can help domestic business ethics to reach a new level of research. However, each national textbook on business ethics must also respond to the urgent needs of the society and take into account its opinion, the state of morals, problems, keep in mind the specific business environment, etc. And this requires a broad discussion of all these problems.

Keywords: philosophy of the economy, business ethics, morality, law, institutions.

Основные этапы развития философии хозяйства

Экономическая теория со времени своего возникновения так или иначе была связана с философией. Достаточно вспомнить, что первое теоретическое исследование хозяйства было предпринято Аристотелем в «Никомаховой этике» — труде по философии морали. А истоки концепции человека, из которой исходил в своей теории стоимости А. Смит, могут быть усмотрены в философских учениях его непосредственных предшественников — Дж. Локка и Т. Гоббса. К. Маркс в первом томе «Капитала» указывает, что это Локк впервые использовал термин *worth* для обозначения потребительной стоимости

и термин *value*— для обозначения меновой стоимости [1], а при характеристике общественной сущности меновой стоимости Маркс обращает внимание на локковскую конвенциональную теорию денег.

Характеризуя социально-экономическую систему самого Маркса, Й. Шумпетер справедливо отмечает, что она не только выросла на фундаменте гегелевской философии, но и сама является философской. Политическая экономия К. Маркса была в то же время и первой философией хозяйства. Благодаря разработанным Марксом методам исследования и основам социальной философии его взгляд «проникал через случайную нерегулярность поверхностных явлений и устремлялся вглубь — к грандиозной логике исторического процесса» [2, 382], а «социальные явления выстраивались... в определенный порядок» [2, 380]. Экономическое учение Маркса стало неотъемлемой частью его учения об обществе в целом. Рассматриваемая в такой антропологической перспективе экономика получает смысл не только как сфера, где создаются необходимые для выживания общества продукты, но и как сфера личностной самореализации человека и средство для достойной жизни человека и общества [3]. При этом, как замечает Шумпетер, Маркс «нигде не изменял... позитивной науке ради метафизики» [2, 382].

Идеи Маркса оказали влияние и на развитие этики Новейшего времени, в частности, на поворот к антинормативному, контекстуальному подходу к рассмотрению морали. Такой подход был осуществлен Ф. Ницше, которого нельзя, конечно, назвать специалистом по философии хозяйства, но он тщательно обосновал свое видение одной из центральных для философии хозяйства проблем — связи экономических отношений и нравственности. В работе «К генеалогии морали» (1887) [4] Ницше попытался доказать, что экономика и нравственность связаны внутренне, генеалогически: моральная норма формируется на основе уже сложившихся экономических соразмерностей. Истоки моральных понятий «вина», «совесть», «долг», «священность долга» Ницше видит в долговом праве. Именно в рамках договорных отношений, считает Ницше, дается обещание, и первые договорные отношения стали праформой не только вины и личной обязанности, но и собственно ценностного отношения. Человек начинает с установления цен, измерения ценностей, установления эквивалентов обмена, а затем с этим «психологическим инвентарем» начинает подходить к своей собственной общинной жизни: сравнивать, измерять, «исчислять власть властью». От обобщения, что всякая вещь имеет стоимость и все может быть оплачено, пишет Ницше, пришли к «древнейшему и

наивнейшему» моральному канону справедливости, «правомерности»¹. Ницше и человека определяет как «животное, смеющееся обещать».

Анализируя феномен обещания, Х. Арндт называет его свободным актом в кантовском смысле. В одном из своих определений свободы И. Кант понимает свободу как способность человека начинать (инициировать, открывать) новый причинный ряд [6, 584]. Обещание, пишет Х. Арндт, свидетельствует о чудовищности человеческой мощи. Посредством обещаний, способности давать и сдерживать их, человек внедряется в еще не наступившее будущее, снижает его неопределенность и непредсказуемость, создает в нем «островки безопасности». В работе «*Vita activa, или О деятельной жизни*» (см.: [7, 313 — 326]) Арндт обращает внимание на тесную связь прощения и обещания как особых типов человеческих действий: один из них — прощение — позволяет «отвязаться», освободиться от определенности прошлого, другой — обещание — ослабляет неопределенность будущего. И тот, и другой типы действий держатся на исторически сформированной свободной доброй воле субъекта.

С начала XX в. начинается новая эпоха в истории философии хозяйства, которая открывается работой Г. Зиммеля «Философия денег» (1900) [8] и полемикой между М. Вебером и В. Зомбартом о культурных предпосылках появления капиталистического предпринимательства и природе капиталистического духа.

Г. Зиммель демонстрирует полное тождество эгоистического мотива и буржуазного стяжательского мотива. Подлинная цель буржуазного класса — не производство нужных обществу товаров и услуг (это — средство), не та или иная конкретная прибыль, а *прибыль вообще*, как таковая, — деньги. За деньги можно купить все: землю, товары, патриотический долг, профессиональную честность эксперта и т. д.; благодаря деньгам наихудшие получают возможность торжествовать над наилучшими — бескорыстными, честными и совестливыми. Небуржуа — а их подавляющее большинство — это неудачники, которым не посчастливилось реализовать свои эгоистические, стяжательские мотивы. От враждебной позиции этого

¹Существует и другая (и не менее убедительная) концепция взаимосвязи хозяйственных и моральных обязательств, согласно которой моральные понятия, которые вначале описывали разного рода отношения человека с Богом, затем уже распространялись на отношения между людьми, и, в частности, на экономические отношения (см.: [5, гл. IV. Хозяйственные обязательства]).

большинства буржуа опять-таки защищают деньги: они компенсируют дефицит доверия, безопасности и общественного признания.

Результатом дискуссии между Вебером и Зомбартом стала целая серия работ этих авторов по данной проблематике, но, прежде всего — «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебера (1904) [9] и работа В. Зомбарта «Буржуа» (1913) [10], которую еще называли «Анти-Вебером». М. Вебер предпринял попытку легитимировать капитализм, снять с него обвинение в том, что он враждебен всей культурной и моральной традиции общества. Докапиталистическое предпринимательство, по Веберу, действительно часто заслуживало морального возмущения. Но протестантизм, особенно кальвинистского толка, укореняет капиталистическое предпринимательство в культуре. Хозяйственная, профессиональная деятельность теперь понимается как призвание, деятельность «во славу Бога» и связывается с индивидуальным спасением, вследствие чего усилия, направленные на получение дохода, перестают ассоциироваться с греховностью, а трудовой аскетизм становится культурным образцом. Позже П. Бергер [11], анализируя успехи восточно-азиатских «драконов», приходит к выводу, что качества, необходимые для адаптации к условиям индустриального капитализма, у восточно-азиатских народов тоже сформированы, только с помощью иных социальных институтов.

Позицию Вебера не разделял Зомбарт. Он считал, что «капиталистическую революцию» начинали маргиналы, авантюристы, которые не нашли себе места в прежних иерархиях: религиозные меньшинства, работорговцы, пираты, грабители и др.² Разбогатеи и получив власть, они совершили переворот в мире ценностей. «Для того чтобы капитализм смог начать свое развитие, — писал Зомбарт, — потребовалось переломать кости естественному человеку, исполненному естественных порывов, потребовалось заменить самобытную, стихийную жизнь совершенно особым механизмом души, сформированным на сугубо рациональной основе, понадобилось произвести как бы переоценку всех жизненных ценностей и воззрений. Человек капиталистический (*homocapitalisticus*) представляет собой искусственное и искусное порождение, возникшее в конечном счете из упомянутой переоценки» [12, 430]. Гордыня и алчность из пороков превратились в до-

² В работе «Буржуа» Зомбарт называет шесть основных типов докапиталистического предпринимателя: 1) разбойники; 2) феодалы; 3) государственные чиновники; 4) спекулянты; 5) купцы; 6) ремесленники.

стоинство³. Однако в бытии экономического человека, считает Зомбарт, аморально не столько даже это, сколько другое, самое существенное: рыночные отношения дискриминационны для всех небуржуа.

Характеризуя так называемый «капиталистический дух», В. Зомбарт указывает на его двойственную природу. С одной стороны, это героический предпринимательский дух (предприниматель — организатор, первооткрыватель, изобретатель). А с другой, — мещанский дух, объединяющий в себе такие нравственно-волевые качества и установки, как деловитость, методичность, расчетливость, дисциплина, самообладание, способность к самоограничению. Зомбарт показывает, что объединение двух столь различных сторон «капиталистического духа» в одном социальном типе связано с противоречивостью требований, которые предъявляются к личности предпринимателя его ремеслом.

В начале XX в. появляются и первые специальные работы по философии хозяйства (С.Н. Булгаков [14; 15] (1912) и Г. Вюнш (1927)⁴). К этому же периоду относятся труды И.Т. Посошкова, И.И. Янжула и др. С.Н. Булгаков был одним из первых критиков экономизма — позиции, отдающей приоритет экономике и подчиняющей ей все другие сферы жизни общества. Он поставил перед собой задачу пересмотреть философские и мировоззренческие основы экономической теории К. Маркса. Хозяйственная жизнь человека, по его мнению, должна рассматриваться не только как источник богатства или как деятельность, подчиненная закономерностям, но и как поле творчества человека, поиска альтернативных путей развития, максимально соответствующих замыслу Бога о мире. Самосовершенствование человека и совершенствование общества, хозяйства — это, по Булгакову, две стороны одной задачи — совершенствования мира. Эти идеи получили свое развитие в философии хозяйства 1980-х гг. в работах

³«Капиталистическая система ценностей, — соглашается Л. Мамфорд, — по сути, превратила пять из семи смертных грехов христианства — гордыню, зависть, скупость, алчность и похоть — в положительные общественные добродетели, видя в них непременные побуждения всякого рода хозяйственной деятельности; а главные добродетели, начиная с любви и смирения, были отвергнуты как «вредящие делу» — не считая тех случаев, когда они делали рабочий класс более послушным и покорным хладнокровной эксплуатации» (13, 361—362).

⁴Его называет в качестве первого автора по философии хозяйства А. Рих в «Хозяйственной этике».

П. Козловски [16; 17] и А. Риха [18]. Рих, автор двухтомной «Хозяйственной этики» (1984, 1990) называл гуманизм и справедливость опорными принципами, определяющими и общественную жизнь в целом, и организацию экономики. «...При решении экономических вопросов, — писал он, — нельзя противопоставлять потребности экономики и человеческую справедливость. Безусловно, не может быть экономически правильным то, что несправедливо по отношению к человеку, но не может быть справедливым то, что не учитывает потребности экономики» [18, 22].

Основные современные работы по философии хозяйства выходят с 1980-х гг. (А. Агг [3], А. Сен [19; 20], П. Козловски, А. Рих, П. Ульрих [21; 22], К. Хоман [23] и др., в отечественной философии хозяйства — И.И.Агапова [24], Н.Н. Зарубина [25], В.В. Радаев [26], Ю.М. Осипов [27], А. И. Самсин [28] и др.). Работы по философии хозяйства различаются подходами, характером и охватом рассматриваемых проблем, уровнем их теоретического анализа и др., поэтому они очень разные. Это может быть обоснование целого направления исследований — философии хозяйства — и своего подхода в рамках этого направления, как у С.Н. Булгакова, или разработка какого-то одного аспекта философии хозяйства, или основательная проработка какой-то одной проблемы (как у М. Оссовской [29] и В.В. Бибикина [30]). Немало обобщений философского характера содержится в работах экономистов М.И. Туган-Барановского, Дж.М. Кейнса, А. Маршалла, Й. Шумпетера и др.; экономистов и социологов Т. Веблена, К. Поланьи; социологов Ж. Бодрийяра, П. Бурдьё, Э. Гидденса, Э. Дюркгейма, Н. Элиаса и др.; философов и политологов З. Баумана, Д. Белла, Н.А. Бердяева, И. Валлерстайна, Ф. Уэбстера, Э. Фромма, Г. Шиллера и др. Философская теория благ и ценностей человеческой жизни лежат в основании как этики, так и экономической теории. Обращаясь к этическим проблемам хозяйства и этике бизнеса, мы на новом уровне возвращаемся к традициям аристотелевской практической философии, рассматривавшей во взаимосвязи проблемы политики, этики и экономики.

Философия хозяйства как методологическая основа этики бизнеса. Концепции этики бизнеса

Не все исследователи, изучающие ценностные аспекты хозяйственной деятельности, считают возможным рассматривать хозяйственную этику и этику бизнеса отдельно, многие из них

хозяйственную этику считают областью смыслов предпринимательской деятельности, контекстом, в котором только и могут (и должны) обсуждаться нравственные проблемы бизнеса⁵ (П. Козловски, П. Ульрих, и др.).

Единой концепции предпринимательской этики не существует, хотя все исследователи согласны, что необходимо а) воздействовать на сознание предпринимателя (посредством просвещения, убеждения, формирования навыков решения типичных для бизнеса моральных проблем) и б) создание среды, которая побуждала бы (а то и принуждала) поступать нравственно (с помощью законов, институтов). Концепции этики бизнеса различаются тем, как они решают два основных вопроса: 1) как понимается мораль и 2) как понимается та роль, которая отводится в этике бизнеса личной моральности предпринимателя, с одной стороны, и институциональному регулированию бизнеса — с другой. По этим вопросам не только в этике бизнеса, но и в теоретической этике не существует консенсуса.

Одни авторы (например, П. Козловски, Р. Лей [31], американское движение бизнес-этики) считают, что мораль в бизнесе в основном зависит от личных усилий предпринимателей как моральных субъектов, их предпочтений и совести. Они разрабатывают тему социальной ответственности предприятий и личной нравственной ответственности предпринимателей. Другие же (как Х. Штайнман, А. Лер [32], П. Ульрих [22] и др.), не отрицая роли личных усилий в формировании нравственных отношений в бизнесе, связывают создание благоприятного климата в бизнесе, прежде всего, с институтами, соответствующими структурами и процедурами. Соответственно можно выделить два основных направления в этике бизнеса: этика личной нравственной ответственности предпринимателя и институциональная этика.

В либеральной экономической теории времен А. Смита и особенно в неолиберальной 1950 — 1960-х гг., считали избыточным, а то и недопустимым, любое вмешательство в бизнес — как со стороны государства, так и со стороны других институтов. Со второй половины XIX в. задачу легитимации институциональных основ предпринимательской деятельности выполняла идеология «самооправдания», «служения» предпринимательства обществу. В рамках этой идеологии происходит возврат к эмансипации бизнеса от морали в концепциях экономического неолиберализма австро-немецкой школы Людвиг

⁵Согласно терминологической конвенции, этикой называют философскую теорию морали, а моралью, нравственностью — ее предмет.

фон Мизеса и Фридриха фон Хайека. Один из представителей неоллиберализма Милтон Фридмен (1912 — 2006) в работе «Капитализм и свобода» (1962) утверждал, что основная функция бизнеса — получение максимума прибыли, и любая другая функция, в том числе социальная ответственность, отвлекают бизнес от его основной задачи. Любое обременение или ограничение бизнеса не только бизнес делает менее эффективным, но и может привести к краху ту социальную систему, частью которой он является. Дело бизнеса — бизнес. Социальная ответственность бизнеса заключается в повышении прибылей, увеличении общественного богатства.

Либеральные установки отражены в *институциональной этике бизнеса*. Ее вариантом является, например, так называемая *концепция двухэтапной легитимации предпринимательской деятельности* (К. Хоман, Ф. Бломе-Дрез)⁶. Эта теория рассматривает два типа действий предпринимателей. Во-первых, это действия, ориентированные на прибыль, которые оцениваются только на их соответствие правилам игры (прежде всего, законам). Моральные требования к предпринимательской деятельности должны быть воплощены в законах, никаких дополнительных моральных обязательств предприниматели возлагать на себя не должны. Только законы могут обеспечить справедливые условия конкуренции, поскольку они предъявляют одинаковые требования ко всем агентам экономических отношений и ослабляют зависимость коллективного результата деятельности от степени моральности конкретных индивидов. Если же существующие законы не обеспечивают моральности бизнеса, а какие-либо действия предпринимателей вызывают возмущение общественности, бизнес-сообщество должно взять на себя дополнительную ответственность за репутацию бизнеса, а для этого предпринять усилия по собственной легитимации, восстановлению доверия к бизнесу в обществе. Это уже не экономическая, а политическая деятельность, и состоит она в а) предложениях по совершенствованию законов и б) принятии бизнес-сообществом на себя коллективных самообязательств (между партнерами, отраслевых, надотраслевых).

Еще одно понимание предпринимательской этики — *предпринимательская этика как ограничение принципа получения прибыли* (Х. Штайнман, А. Лер и др.). Для нормальных, ординарных случаев здесь используется уже известная двухступенчатая легитимация предпринимательских действий. Но в этой концепции дополнительно об-

⁶Концепции этики бизнеса рассматриваются в учебнике К. Хомана, Ф. Бломе-Дреза [23].

ращается особое внимание на моральные цели предпринимательской деятельности, достижение которых позволит получить общественное одобрение. Речь идет о ситуативном ограничении принципа получения прибыли, отказе от ориентации исключительно только на экономический успех. Предпринимательская деятельность не полностью определяется экономическими условиями и правовыми рамками, в определенных границах предприниматель свободен. Именно в этих границах и могут быть реализованы моральные установки предпринимателя, его самообязательства, и чем более конкурентоспособно и успешно предприятие, тем шире пространство практической деятельности, в которой могут реализоваться моральные ориентации предпринимателя.

Значительный вклад в разработку теоретического инструментария хозяйственной философии, методов анализа экономического детерминизма и редукционизма внес П. Ульрих [21]. Свою концепцию он называет рациональной, или интегративной, хозяйственной этикой. Для того чтобы преодолеть концепцию двух миров, якобы существующих независимо друг от друга, — мира экономической и мира моральной реальности, и решить вопрос о месте морали хозяйствования в современном обществе, необходимо, по его мнению, подвергнуть беспристрастному анализу экономизм и договориться, какими должны быть моральные требования к бизнесу.

Под влиянием дискурсивной этики Ю. Хабермаса («этики разума») П. Ульрих предложил создать новый коммуникативный фундамент для экономической науки в виде *предпринимательской этики как этики разумного ведения хозяйства*. Классическая идея гармонии между пользой индивидуального хозяйства и общественного, считает П. Ульрих, устарела, экономические процессы становятся все более иррациональными, и средством сохранения дееспособности предприятия, а также способности предпринимателя к принятию решений может стать постоянный политико-предпринимательский диалог. Предприятие является инструментом для достижения общественных целей, оно всегда находится в пространстве противоречащих друг другу интересов групп. Взаимопонимание, компромисс конфликтующих интересов может быть найден на двух уровнях: на уровне принятия решений предпринимателем и на институциональном уровне.

На институциональном уровне должны быть созданы разумные основы предпринимательской политики, своего рода предпринимательская конституция, в которой должны быть урегулированы права всех, кого касается предпринимательская деятельность (аналогично тому, как в конституциях государств закрепляются основные права человека). Эта предпринимательская конституция должна последова-

тельно проводить в жизнь принцип: в распределении прибыли должны участвовать все, кто участвовал в ее создании. Другой рациональной целью может стать оптимизация использования ресурсов (рабочей силы, природных ресурсов, инвестиций). Консенсус групп относительно рациональных целей социально ориентированной экономики — приоритетный критерий принятия решений, он оставляет на втором плане сам принцип прибыльности. А законодательное упорядочивание социально-экономических отношений П. Ульрих называет обходным, интервенционистско-государственным путем. Он предлагает эти вопросы решать «на месте», на предприятиях, вместо того чтобы решать их как политические проблемы.

Во второй половине XX в. в философии хозяйства произошел также переход к идеологии социальной ответственности бизнеса. Г. Йонас (1903 — 1993) в работе «Принцип ответственности» (1979) [33] обращает внимание на то, что западная цивилизация достигла таких масштабов своего развития, что уже обладает средствами, достаточными для разрушения среды обитания человека, а потенциально — и мира в целом. В то же время уровень нравственной ответственности человека не соответствует степени его могущества, поэтому философ ставит вопрос глобально: об ответственности человека за природу и существование человечества в целом. На базе идей Йонаса оформляется еще одно направление в этике бизнеса — *этика социальной ответственности* (А. Кэдбери, Ф.-К. Кауфман и др.). Согласно этой теории, только лишь экономическая эффективность деятельности предприятий, они должны уделять больше внимания интересам государства, общества, брать на себя ответственность в зоне своей деятельности.

Этика бизнеса как специальная дисциплина появляется в начале 1970-х гг. в США. Американская этика бизнеса занимается не столько теоретическим обоснованием, сколько подробным рассмотрением того, что практически может быть сделано для передачи проблем социальной ответственности на предприятия. Для менеджеров существуют многочисленные программы по корпоративной этике и этике бизнеса и практические занятия, предназначенные для формирования навыков решения конкретных моральных проблем и повышения чувствительности к моральным аспектам бизнеса и управления. Эта этика ориентирует в первую очередь на личное участие, личную моральную ответственность предпринимателя. Следует особо отметить специальные организационные меры, в результате которых в систему экономического образования стала внедряться эта дисциплина. Они были пред-

приняты Американской ассамблеей университетских школ бизнеса, которая в аккредитационных требованиях указала на необходимость обязательного включения данного курса в учебные планы школ бизнеса [34, 37], что и способствовало бурному развитию дисциплины. Первый курс этики бизнеса был прочитан в университете штата Висконсин в 1971 г. В нескольких ведущих университетах США (Вашингтонском, Калифорнийском (Беркли), Колумбийском, Питтсбургском, а также некоторых др.) в начале 1970-х гг. были открыты авторские программы курсов «Бизнес и общество». Постепенно складывается круг авторов, которые вербуются не только из экономики, но и из других сфер гуманитарного знания (социологии, психологии, философии, этики) и переключают свое внимание на этику бизнеса. Благодаря этому с самого начала вопросы предпринимательской этики рассматриваются комплексно. Начинают выходить журналы (в том числе и «Business and Society», «Harvard Business Review» и др.), публикуются первые учебники и монографии по этике бизнеса, наконец, учреждается Ассоциация этики бизнеса.

В 1980-х гг. этика бизнеса утверждается как научная дисциплина и достигает своей зрелости. И несмотря на то, что в настоящее время нет того острого интереса к этой дисциплине, который наблюдался в 1970-х — 1980-х гг., теория этики бизнеса развивается и, главное, не в последнюю очередь под ее влиянием продолжается укоренение нравственных требований на практике. Для выработки навыков решения моральных проблем в дополнение к теоретическим курсам этики бизнеса в школах бизнеса проводятся тренинги, обсуждения кейсов и другие практические занятия. «Деловая этика, — пишет Ричард Де Джордж, — способна помочь людям рассматривать нравственные проблемы в бизнесе более системно и более надежными методами, чем они могли бы это делать, не пользуясь нашей наукой. Она может помочь им разглядеть такие проблемы, которые они в своей повседневной практике и не заметили бы. Она может также побудить их ввести изменения, которые они без нее и не подумали бы вводить» [35, 53 — 54].

Европейский и американский варианты этики бизнеса имеют свои особенности. В европейской этике социальной ответственности в бизнесе несколько иное понимание ответственности, и вообще она смещает внимание к институтам. Соображения следующие. В условиях глубокого разделения труда, анонимных процессов обмена, нарастающей взаимозависимости предприятий морально желательный результат не зависит от усилий отдельного предпринимателя. Бремя социальной ответственности может оказаться неподъемным, связанным

с расходами, которые не могут быть компенсированы через рынок, и даже привести предпринимателя к краху. В современной рыночной экономике индивидуальная жертва бессмысленна, пока большинство участников рынка также не возьмут на себя ответственность. Моделью этой ситуации является «дилемма заключенного», которая анализируется в теории игр: когда индивиды, свободно преследующие свои личные интересы, действуют против партнеров, они получают совокупный результат хуже (в том числе и для себя), чем, если бы они действовали совместно и учитывали интересы друг друга.

Зарубежный опыт и этика бизнеса в России

В нашей стране либерализм многими его сторонниками, в том числе и проводившими экономические реформы 1990-х гг., был воспринят в его наиболее радикальной форме: нравственная проблематика в сфере экономики либо игнорировалась, либо мотив личной выгоды оправдывался. Так, гуру наших либералов Е.Г. Ясин, бывший министр экономики, рассуждая в 1990-е гг. в просветительских передачах на радиостанции «Эхо Москвы» о природе бизнеса и рыночной экономики убеждал, что все отрегулирует рынок. «А для справедливости, — любил повторять он, — мы оставим храм». Невостребованность этики бизнеса (как, впрочем, и этики вообще) не могла не сказаться на ее судьбе в нашей стране. Несмотря на то, что в последнее время был опубликован ряд работ по этике бизнеса [36 — 50], работы эти разноплановые и в целом заметно уступают по уровню философско-этического анализа нравственных проблем в бизнесе западным работам. Можно лишь с сожалением констатировать, что собственной школы в этике бизнеса в нашей стране пока не сложилось, а многие работы страдают либо недостаточно глубоким этическим анализом нравственных проблем бизнеса, либо поверхностным представлением о самих этих проблемах, либо и тем, и другим одновременно. В некоторых учебниках нет даже четкого представления о предмете этики бизнеса, вместо нее часто рассматриваются либо вопросы организационной этики и делового общения (и даже этикета!), либо проблемы управленческой этики. Все эти знания, безусловно, необходимы предпринимателю, однако предпринимательская этика имеет свой предмет (см.: [51, гл. 6, § 2 — § 4]).

Тот путь, который в свое время проделала американская и европейская этика бизнеса, нам еще только предстоит проделать. У нас переведены хорошие и разные учебники по этике бизнеса (Де Джордж «Деловая этика» («Этика бизнеса» в переиздании), Д. Фритцше «Этика

бизнеса», К. Хоман и Ф. Бломе-Дрез («Экономическая и предпринимательская этика»). Но этика бизнеса — это прикладная дисциплина, а национальный учебник по прикладной дисциплине должен отвечать и на запросы своего общества, учитывать его насущные проблемы, в данном случае — иметь в виду конкретную бизнес-среду, конкретную систему права, конкретную «инфраструктуру» этики бизнеса и др.

Многие проблемы во взаимоотношениях бизнеса и общества, которые на Западе уже решены и сформулированы в виде нравственных требований или отданы на попечение законодателям, у нас еще даже не обсуждались. Не так давно Е.Г. Ясин выступил с предложением новых объединяющих идей для общества: свобода, собственность, солидарность, доверие. Это хорошая программа для обсуждения.

Свобода — вообще-то лукавый тезис, всегда следует уточнять, о какой свободе идет речь. Новейший либерализм освобождает человека от бремени долга и связанной с ним жертвенности. Внешний мир объявляется слишком сложным, чтобы можно было составить о нем адекватное представление, а то и абсурдным. В таком мире рациональное отношение к себе излишне: человек не должен обременять себя великими целями и вечными ценностями, он свободен в выборе своего образа жизни, и никто не вправе вмешиваться в этот выбор. Каждый может делать то, что захочет, до тех пор, пока он не наносит этим ущерба такой же свободе всякого другого. Однако, как справедливо замечает Й. Изензее [52, 44 — 45], односторонняя вера в свободу таит в себе и определенный риск. Свобода, закрепленная в правах либеральной конституции, — это не созидательная свобода («свобода для...»), а пустая, формальная «свобода от...», прежде всего от произвола государства. Такая свобода может быть использована как во благо, так и во зло, и то, как воспользуются граждане своей свободой, не является только их частным делом. «Свобода, — уточняет Г. Крингс, — не политическая программа. Политическая программа должна иметь содержание; свобода не имеет его. Однако она имеет имя, то имя, с которым человек утверждает свое собственное достоинство... Идея свободы стоит перед программой, а не в программе» [53, 40].

У темы собственности, кроме экономического и правового аспектов, есть еще и нравственный, и политический аспекты, которые меньше всего обсуждаются. А какая структура собственности поддерживает дух гражданской свободы в обществе? Способствует ли данная модель собственности политической стабильности и процветанию общества? Поддерживает ли она в человеке чувство личного достоинства и самоуважения? И т. д. В основе нашего современного российского

общества лежит фундаментальная несправедливость: если «старая» буржуазия создавала свою собственность самостоятельно, то «новая» захватила «чужую», но уже общенародную собственность, — богатство, которое создавалось поколениями людей нашей страны. Если большевистский отъем собственности оправдывался эксплуатацией и несправедливым распределением общественного богатства, то чем оправдать постсоветский «грабеж», передачу собственности на непонятных основаниях отдельным лицам? Нам обещали эффективных собственников, рачительных хозяев и процветание страны, а мы видим вывоз капиталов за рубеж, демонстративную роскошь феодального типа, презрение к обворованным, и меньше всего — заботу о собственной стране. Иногда говорят, что эта собственность была «ничьей». Но так и этот вопрос уже рассматривался в политической философии. Роберт Нозик, озабоченный нерушимостью права частной собственности, а потому и ее легитимностью в глазах общественности, выдвинул три условия справедливого приобретения благ, ранее не находившихся в чьей-либо собственности: 1) любое наше первоначальное приобретение, которое изымает из общей собственности некоторую часть, не должно ухудшить положения остальных людей; 2) передача собственности является справедливой только в том случае, если она произошла добровольно, без обмана и насилия; 3) если же в длинную череду приобретений и передач все же закралась несправедливость, то эта несправедливость должна быть исправлена, даже если для этого придется пересмотреть всю цепь приобретений и передач (см.: [54]). Все это было написано задолго до нашей приватизации и почему-то прошло незамеченным для наших «приватизаторов». Конечно, не все разделяют точку зрения Нозика, с реализацией его принципов возникает масса практических проблем, но, по крайней мере, в западной литературе, в отличие от отечественной, эту тему обсуждают.

Потребность в общественной солидарности тоже очевидна, но и эта тема должна стать предметом для общественного, или как минимум научного, обсуждения. Со стороны граждан принцип солидарности проявляется в форме лояльности. Лояльность основана на чувстве общности и выражается в готовности внести свой вклад в общее благо [55, 103]. Но солидарность — это структурный принцип. Гармония, солидарность, не могут быть непосредственными целями деятельности, это — стратегические, постоянные цели, регулятивные идеи, по Канту, которые, как маяки, освещают поле поиска. А вот справедливость является важнейшей целевой ценностью, именно она обеспечи-

вадет удовлетворение законных интересов каждого и социальный мир, солидарность в обществе. Консенсус относительно того, что считать справедливым в нынешних конкретных условиях, тоже достигается в ходе обсуждения, диалога. Но, видимо, ставится цель как раз избежать разговора о справедливости, т. е. достичь солидарности без того, чем она обеспечивается.

Что же касается доверия, то это вообще пример неправильно поставленной проблемы, и поэтому так мало внятных работ по этой теме. Доверие — это функция, в математическом смысле — зависимая переменная величина, изменяющаяся по мере изменения какой-то другой величины. А «другой» величиной здесь является предсказуемость действий партнера, которая, в свою очередь, зависит от уровня моральности, выполнения нравственных требований и взятых на себя обязательств. Моральные ценности — базовые, это ценности порядка как такового, они создают наиболее общие условия для согласия между людьми. Мораль создает пространство взаимоуважения и взаимной ответственности, в рамках которого только и возможна социальная кооперация. Достаточно представить себе, что случится, если люди не будут выполнять одну лишь норму «не лги», — нетрудно предположить, что никакое систематическое взаимодействие между людьми в этом случае невозможно. Поэтому моральные требования и предъявляются как всеобщие, распространяющиеся на всех людей: благодаря морали мы можем взаимно полагаться друг на друга.

Взаимодействие права и морали в регулировании бизнеса

Создается впечатление, что в последнее время проблемы институтов, влияния культуры на экономику отодвинули на второй план проблему легитимации бизнеса, поиска консенсуса относительно нравственных требований к бизнесу и механизмов, обеспечивающих необходимый уровень требований к бизнесу со стороны общества. Конечно, самым эффективным инструментом регулирования бизнеса является право. Но необходимость апелляции к морали в бизнесе связана как раз с ограниченностью возможностей права как способа регулирования экономических отношений. Более того, право как институт само в значительной мере держится на моральной обязанности выполнять закон. Еще одно обстоятельство, которое делает незаменимым нравственное регулирование в бизнесе, — соблюдение законов отдельным человеком никогда нельзя полностью проконтролировать и гарантировать. Лакуны правового контроля заполняет моральное саморегулирование, моральный самоконтроль.

Кроме того, какими бы совершенными ни были законы, регулирующие экономические отношения, правовые законы всегда отстают от жизни: право по своей природе реактивно, оно с большей или с меньшей задержкой во времени реагирует на экономические, технические и другие изменения в обществе. В условиях несовершенной правовой базы и дефицита правовых норм предприниматель вынужден действовать на свой страх и риск, брать ответственность на себя. Выбор решения в бизнесе диктуется не только соображениями целесообразности, но и ценностными установками и моральными ограничениями, которые бизнесмен определяет для себя сам. Однако и наличие законов не освобождает от моральной рефлексии, поскольку нравственность всегда находится в критическом отношении к существующему праву и общественному порядку: не все, что существует и допускается законом, одобряется с точки зрения морали, т. е. легальные и легитимные действия не всегда совпадают. В этом случае предприниматель стоит перед дилеммой: что же конкретно он должен делать: действовать в рамках закона, противоречащего моральным требованиям или следовать своим моральным убеждениям?

Моральная рефлексия тоже следует за практикой, как и правовая. Однако моральные нормы, в отличие от правовых, имеют неписанный характер и живут в общественном сознании, общественном мнении, в силу чего моральное сознание реагирует на возникающие проблемы быстрее, чем право. Сформировавшееся в моральном сознании представление о том, что считать нормой, как правило, впоследствии становится основанием для формулирования или пересмотра законов права. Мораль — это самый чувствительный инструмент диагностирования социальных проблем: именно в форме морального недовольства и возмущения первоначально обнаруживает себя та или иная социальная проблема, и оперативная реакция на это возмущение позволяет устранять едва наметившиеся противоречия и/или своевременно разглядеть за ними более глубокую, а то и системную проблему. Другими словами, мораль выполняет те функции, которые не способен выполнить никакой другой способ нормативного регулирования отношений в бизнесе. А этика осуществляет поиск, артикуляцию спонтанно образующихся факторов противодействия социальным дисфункциям, обосновывает нравственно приемлемые способы решения возникающих проблем.

Соблюдение нравственных требований к бизнесу предполагает дополнительные ограничения и дополнительные издержки, если этика бизнеса и обеспечивает коммерческий успех, то только опосредованно

и в конечном счете⁷. Смысл этих требований в том, что, во-первых, благодаря им повышается уровень доверия в бизнес-среде, во-вторых, бизнес легитимизируется, нравственно оправдывается, становится «своим» для населения, в результате чего и повышается общественная солидарность.

Литература

1. *Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23.
2. *Шумпетер Й.А.* Капитализм, социализм и демократия // Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М., 2007.
3. *Агг А.* Мир человека как субъекта производства. Критика К. Марксом концепции человека в буржуазной политической экономии. М., 1984.
4. *Ницше Ф.* К генеалогии морали // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990.
5. *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
6. *Кант И.* Критика чистого разума // Кант И. Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. М., 1994.
7. *Арендт Х.* Vita Activa, или О деятельной жизни. СПб., 2000.
8. *Simmel G.* Philosophie des Geldes. München; Leipzig, 1922.
9. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избр. произв. М., 1990.
10. *Зомбарт В.* Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека // Зомбарт В. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. СПб., 2005.
11. *Бергер П.* Капиталистическая революция (50 тезисов о процветании, равенстве и свободе). М., 1994.
12. *Зомбарт В.* Евреи и экономика // Зомбарт В. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. СПб., 2005.
13. *Мамфорд Л.* Миф машины. М., 2001.

⁷ Так, хорошая репутация предпринимателя и компании — это нематериальный актив, который упрочивает положение и предпринимателя, и компании на рынке посредством повышения доверия к ним потребителей и партнеров. Компания становится достаточно привлекательной для инвесторов и партнеров; снижаются финансовые и имиджевые потери от санкций, налагаемых государством; снижаются финансовые потери, связанные с халатностью и мошенничеством и т. д.

14. *Булгаков С.Н.* Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994.
15. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 1. Философия хозяйства. М., 1993.
16. *Козловски П.* Принципы этической экономики. СПб., 1999.
17. *Козловски П.* Этика капитализма. Эволюция и общество. СПб., 1996.
18. *Рих А.* Хозяйственная этика. М., 1996.
19. *Сен А.* Об этике и экономике. М., 1996.
20. *Сен А.* Развитие как свобода. М., 2004.
21. *Ульрих П.* Критика экономизма. М., 2004.
22. *Ulrich P.* Transformation der ökonomischen Vernunft. Fortschrittsperspektiven der modernen Industriegesellschaft. Bern; Stuttgart, 1986.
23. *Хоман К., Бломе-Дрез Ф.* Экономическая и предпринимательская этика // Политическая и экономическая этика. М., 2001.
24. *Агапова И.И.* Экономика и этика: аспекты взаимодействия. М., 2002.
25. *Зарубина Н.Н.* Социология хозяйственной жизни: проблемный анализ в глобальной перспективе. М., 2010.
26. *Радаев В.В.* Экономическая социология. М., 2008.
27. *Осипов Ю.М.* Курс философии хозяйства. М., 2005.
28. *Самсин А.И.* Основы философии экономики: Учеб. пособ. для вузов. М., 2003.
29. *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М., 1987.
30. *Бибихин В.В.* Собственность. Философия своего. СПб., 2012.
31. *Lay R.* Ethik für Manager. Düsseldorf; Wien; N. Y., 1989.
32. *Steinmann H, Löhr A.* Einleitung: Grundfragen und Problembestände einer Unternehmensethik — einerealistische' Idee. Versuch einer Begriffsbestimmung anhand eines praktischen Falles // Steinmann H., Löhr A. Unternehmensethik. Stuttgart, 1989—1991.
33. *Йонас Г.* Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М., 2004.
34. *Эшитайн Э.М.* Этика бизнеса как научная дисциплина: прошлое, настоящее и будущее (анализ американского опыта) // Вестн. Санкт-Петербургск. ун-та. Сер. 8. 2002. Вып. 3. № 24.
35. *Де Джордж Р.Т.* Деловая этика: В 2 т. СПб.; М., 2001.
36. *Бакитановский В.И., Согомонов Ю.В.* Честная игра: нравственная философия и этика предпринимательства. Томск, 1992.
37. *Ботавина Р.Н.* Этика менеджмента. М., 1996.

38. *Вазюлин В.А.* О морали бизнесмена, этике бизнеса и их экономической обусловленности // Нравственные основы предпринимательской деятельности: Межвуз. сб. науч. трудов. Воронеж, 1995.
39. *Гусейнов А.А.* Мораль и рынок // Нравственные основы предпринимательской деятельности: Межвуз. сб. науч. трудов. Воронеж, 1995.
40. *Кустарев А.* Бизнес, мораль, морализм // Pro et Contra. 2004. Т. 8. № 3.
41. *Лучко М.Л.* Этика бизнеса — фактор успеха. М., 2006.
42. *Макеева В. Г.* Культура предпринимательства. М., 2002.
43. Основы предпринимательского дела. Благородный бизнес / Под ред. Ю.М. Осипова. М., 1996.
44. *Петрунин Ю.Ю., Борисов В.К.* Этика бизнеса: учеб. пособ. М., 2004
45. *Пороховская Т.И.* Этика бизнеса // Этика: Учебник для бакалавров. Углубленный курс / Под ред. А.А. Гусейнова. М., 2013.
46. *Симонова С.В.* Этика бизнеса. СПб., 1995.
47. *Согомонов Ю.В.* Введение в этику предпринимательства. Владимир, 1994.
48. *Соколянский В.В.* Этика бизнеса. М., 2006.
49. *Тульчинский Г.Л.* Этика бизнеса в современной России // Журнал петербургского философского общества. 1999. № 1.
50. *Уткин Э. А.* Этика бизнеса: Учебник. М., 2001.
51. Этика. Учебн. для бакалавров. Углубленный курс / Под ред. А.А. Гусейнова. М., 2013.
52. *Изензее Й.* Гражданская свобода и гражданская добродетель — важнейшие условия функционирования демократической общности // Политическая философия в Германии. Сб. ст. Й. Изензее и др. М., 2005.
53. *Крингс Г.* Свобода в XX веке: соотношение идеи и реальности // Политическая философия в Германии. Сб. ст. Й. Изензее и др. М., 2005.
54. *Нозик Р.* Анархия, государство и утопия. М., 2008.
55. *Сутор Б.* Политическая этика // Политическая и экономическая этика. М., 2001.

Г.И. МОЙСЕЙЧИК

О необходимости смены парадигмы методологии современной науки

Снова потребовалось великое напряжение аналитической мысли, чтобы выковать и вычленил понятия и термины, которые не мешали бы, но помогли опознавать и исповедовать истины веры, как истины разума

В. Флоровский. Восточные отцы церкви

Аннотация. Обосновывается несостоятельность ныне используемых как естественными, так и гуманитарными науками методологических принципов материалистической диалектики и прагматико-позитивизма, доказывается необходимость перехода всех наук на принципы триалектики.

Ключевые слова: диалектика, триалектика, полилектика, манихейство, арианство, католичество, святоотеческое учение о сущности, сущность, ипостась, субстанция, абстрактно-общее (ὄυσία), конкретно-сущее, самосущее, самостоятельное (ὑπόστασις), философия хозяйства.

Abstract. Author revealed the fundamental differences in the methodological basics of positivist science (materialist dialectics) and patristic teaching, the necessity of the transition of all sciences to the patristic principles. She postulates the fundamentals of methodological trialektics and shows the failure of materialistic dialectics.

Keywords: dialectics, trialektics, polylektics, Manichaeism, Arianism, Catholic, Ortodox patristic teaching, essence, the hypostasis, the abstract general substance (ὄυσία), the concrete-existent, or self-existent substance (ὑπόστασις).

Нашей задачей было как осмыслить те фундаментальные основания самой науки, так и обнаружить и указать на тот поворотный момент, когда сама наука стала в оппозицию по отношению к подлинному, сущностному знанию. Важно было установить, когда и кем подлинная наука была совлечена с истинных своих основ и направлена на

траекторию псевдонауки, дискредитировав само слово — «научный» и само слово «наука».

Вне всякого сомнения, для этого надо было обратиться к истории науки, истории философии, истории теории познания. При этом вполне разумно было выделить в этой истории ее квинтэссенцию, а именно учение о самой сущности, посмотреть, как развивались научные и философские воззрения на само понятие сущности, как эволюционировали представления человечества о сущности.

В качестве точки отсчета нами было выбрано учение о сущности Аристотеля (384— 322 гг. до н. э.), поскольку на аристотелевском фундаменте до сих пор зиждется все здание современной науки, хотя оно изрядно пообветшало и нуждается в капитальном ремонте, а может быть, и в новой постройке или перестроении. Перестроения на забытом и отброшенном строителями краугольном камне.

Такой краугольный камень был. В аристотелевском, хотя и грандиозном и энциклопедическом, выдающемся для того времени и с запасом прочности на последующие времена архитектурном решении, были свои шероховатости и недочеты. Первым институционально оформленным движением, возникшим как продолжение и развитие аристотелианства и критическое его осмысление, было святоотеческое учение о познании сущности как сущности Бога, как о познании сущности Бога через многообразие ее проявлений в мире.

Отметим, что подобное противоречивое отношение к Аристотелю, которого считает своим предшественником как современная наука, так и святоотеческое учение, то есть направления мысли, которые сегодня уже не имеют точек соприкосновения, объясняется двойственностью самого учения Аристотеля, о чем пойдет речь ниже.

Святоотеческое мышление и познание были уникальными явлениями в истории человечества, поскольку они, вобрав в себя весь предшествующий опыт и достижения античной философии (включая платоников и неоплатоников, аристотелеанцев), а также и более древней, доантичной мудрости, выявило, проверило на подлинность, обогатило указанные крупинки мудрости и соединило их воедино — даже не общечеловеческой, но Богочеловеческой могучей всеисильной Христианской мудростью.

Ведя на протяжении едва ли целой новой эры борьбу с многочисленными ересями, христианская наука, прежде всего в учении Святых отцов (св. Афанасий, св. Григорий Нисский, св. Василий Великий, св. Дионисий Ареопагит и др.), выкристаллизовала начала подлинной науки. Однако эти достижения были забыты и отброшены вначале католической оппозицией подлинному христианству (ортодоксии), а за-

тем ошельмованы протестантизмом как оппозицией внутри католицизма. Именно на таких, весьма шатких сваях, как выяснилось наповерку, и стоит ввергнутая в кризис нынешняя естественная и гуманитарная наука.

Святоотеческое учение ставит во главу угла сущность Бога, сущность мира, сущность познавательного процесса, и сообразно тому исходит из постулата иерархического строения сущности, ее многомерности, многоуровневости, триалектики и полилектики.

Из западных философов ближе всего к новой, универсальной философско-научной парадигме такого рода, парадигме, которая стоит на плечах святоотеческого учения, ближе всего подошел Дж. Беркли; из русских — С.Н. Булгаков и Ю.М. Осипов. Нашей задачей является представить целостно-научное видение метода полилектики и дать образец ее применения в отношении категории стоимости как иерархической сущностной системы, которая охватывает три уровня бытия — физический, метафизический и трансцендентный. Данная универсальная научно-философская (триалектическая либо полилектическая) парадигма основана на критическом осмыслении изъянов парадигмы диалектического материализма либо неопозитивизма. Сравнительный анализ парадигм полилектики (триалектики) и материалистической диалектики позволяет распознать суть методологических деформаций современного научного знания, причем не только гуманитарного.

Первым изъяном методологии современной науки является постулат о том, что сущность имеет область своего определения физический (эмпирический) уровень, может быть определена сугубо на физическом уровне как самостоятельная, автономная, изолированная сущность, вне связи с метафизическим и трансцендентным. Иначе говоря, имеет место сущность (само-сущность) несущего (материального), сущность, сводимая к некоему обогульненному материальному субстрату единичных физических объектов или материальной субстанции.

Истоки постулата о материальной природе сущности, как первого онаученного искажения святоотеческого учения о сущности, Дж. Беркли, например, усматривал в манихейской ереси и арианстве как поздней версии манихейства.

Важнейший теоретико-познавательный постулат арианства состоял в том, что все иное, нежели Бог, из того, что действительно существует, чуждо Богу по сущности, имеет иную — свою собственную — сущность. Следствием указанного методологического изъяна, который можно квалифицировать как методологический индивидуализм, было разделение материи и сознания, субъекта и объекта, и помеще-

ние сущности как квинтэссенции объективного сугубо в область материального, материальных и единичных объектов, из которых субъект совершенно изымался, элиминировался.

Таким образом, арианство, по сути, расчистило почву для следующего искаженного представления о сущности в католицизме, тем самым заложив предпосылки для протестантской реформации, узко-материалистического видения сущности, материалистического сепаратизма, которые были положены в основу методологии наук, как гуманитарных, так и естественных — и сохраняются до сих пор. В результате подобного демарша сущность была сведена к некоей абстракции, априори физической природы, имеющей самостоятельное и самодовлеющее значение. В латинской (католической) христианской традиции термин «сущность» (лат. *substantia*) стал обозначать общий и бескачественный субстрат физической природы (т. е. материю) в противоположность конкретным самосущим различающим формам — ипостасям сущности.

Как показал сравнительный анализ трактовок сущности католическим (латинская традиция) и святоотеческим учением (греческая традиция), исходное различие между обоими заключалось в признании либо непризнании категории ипостаси как категории конкретно-сущего.

По мнению св. Василия Великого, «ипостась — не неопределенное понятие сущности, не задерживающееся ни на чем из-за общности обозначаемого, но понятие, которое показывает и определяет общее и неопределенное в какой-либо вещи через ее очевидные особые свойства, как это обычно делает и Писание...» [1]. Сущность в греческом языке и греческой философии и теософии еще до святоотеческого периода получила двойное терминологическое обозначение — сущность как абстракция, абстрактно-общее (*ὄνσια*) и сущность как ипостась, т. е. конкретно-сущее, самосущее, самостоящее (*ὕποστασις*). Обоим греческим терминам по латыни соответствовал только один, — и *ὄνσια*, и *ὕποστασις*; равно переводились, как *substantia* в латинских текстах. Св. Григорий Нисский усматривал причину подобного искажения в «бедности латинского языка». Однако, за этим, вне всякого сомнения, стоит методологическая ревизия.

Сущность, как триединство субстанций (подсущностей, сущностных форм, ипостасей) в последний раз в латинских источниках встречалась в формуле Тертуллиана (165—240). Он трактовал сущность как троическую субстанциальность, как субстанциальную триаду, триединую сущность (*tres unius substantiae*) [2, 11]. В дальнейшем в католико-латинской традиции сущность трактовалась как изначально

недифференцированная, неразличаемая, безлично-единая субстанция, как некий аморфный субстрат, абстрактная материя. Впоследствии это облегчило подмену термина сущности материалистами и атеистами. «Латиняне» (представители западно-христианского, католического мировоззрения) превратили, или этимологически — под-сущность (субстанция — синоним ипостаси (суб-станция ипо-стазис)), в саму сущность, тем самым исказив и понятие сущности, и понятие ипостаси.

Это был шаг назад даже по отношению к Аристотелю, который, хотя и не апеллировал прямо к понятию ипостаси, тем не менее, различал двойственную природу сущности.

Аристотель понимал сущность двояко: как общее (природное, физическое) или как объективную одноприродность, единство природы конкретных единичных материальных объектов (сущность первого рода) и как морфему — общее идеальное родовое понятие (сущность второго рода).

Сущность первого рода, или первая сущность ($\delta\upsilon\sigma\iota\alpha$), у Аристотеля иногда сливается по смыслу с понятием бытия или «подлежащего». Первая сущность — объектна. Это — основание или материальный первокирпичик либо одинаковый, один и тот же кирпичик бытия, из которого сложены разные объекты, одноприродность подобных объектов.

Сущность второго рода, или вторая сущность ($\delta\epsilon\upsilon\tau\acute{\epsilon}\rho\alpha \delta\upsilon\sigma\iota\alpha$), — сказуемое, связанное с понятием о возникновении или становлении ($\gamma\acute{\epsilon}\nu\epsilon\sigma\iota\varsigma$) и развитии сущности на всем ее протяжении ($\kappa\alpha\theta'\acute{\upsilon}\lambda\omicron\sigma\tau\alpha\sigma\iota\nu$). Вторая сущность у Аристотеля тем самым осознаниенна, субъективизирована, производна от сущности первого порядка благодаря своему историзму, который привносит в нее налет субъективности, преломления объекта в субъективном сознании субъекта. Вторая сущность субординативно связана с первой. Это — идеальная историческая форма первой сущности и вся совокупность конкретно-исторических форм. Это идеальная субстанция рода — т. е. совокупности единичных вещей, объединенных сознанием.

Аристотель в определенном смысле противопоставляет обе сущности — как объектно-объективное и как субъектно-субъективное. Первая сущность имеет оттенок объективного (или общего) в единичном, действительного, в отличие от второй сущности, которая имеет значение объективного в родовом, т. е. субъективированного посредством обобщения, примышленного. К сущности первого рода ведет анализ, к сущности второго рода — синтез. Вместе с тем Аристотель ощутил необходимость взаимодействия обеих сущностей. У него воз-

ника идея действительного (не примышленного) конкретно-сущего как образа сущности, причем движущегося, развивающегося образа, распознаваемого в единичном. Для характеристики этой категории, видимо, производной как от сущности первого рода (материального абстрактно-сущего), так и сущности второго рода (идеального абстрактно-сущего), Аристотель употребил категорию под-сущности или под-ипостаси (καθ'ὑπόστασιν), как конкретно-сущего или действительного образа сущности на всем протяжении ее развития.

Заметим, что именно в таком контексте — образа сущности-ипостаси — употреблял сущность также и апостол Павел. «Сущность» слово ὑπόστασις обозначает у ап. Павла (Евр. 1:3): «образ ипостаси Отчей».

Тем самым, хотя Аристотель понятие ипостаси как категорию сущности явно не употребляет, однако смыслово, имплицитно, в зародыше идея ипостаси и ипостасности присутствует в Аристотелевых понятиях первой и второй сущности, а именно через бытийность, через прото-сущность. Для Аристотеля и аристотеликов сущность означала прежде всего неделимое, индивидуальное бытие, индивидуальную и единичную вещь во всей полноте ее непреложных определений, πρῶτη οὐσία. Они полагали, что только вторично (выделено мною. — Г.М.) можно называть сущностью общий род; объединяющий и объемлющий (однако только в мышлении) единичные существования. При этом сущность, как некая прото-сущность (πρῶτη οὐσία) имела контекст прото-материи, трактовалась как связь, пока, правда, недифференцированная абстрактно-единичного со столь же абстрактным, недифференцированным общим. Предпосылкой тому была доминантная аристотелевская точка зрения на сущность, как на некое свойство материальной природы, как на некую материальную субстанцию, свойственную единичным физическим объектам. При этом такую субстанцию сознание (понимаемое также безличностно и безлично) может вычленивать и выделить в ходе процесса познания.

Таким образом, вторым методологическим изъяном диалектического материализма и научного позитивизма, который берет начало в манихействе, арианстве и католической доктрине теории познания, был преднамеренный отказ от категории конкретно-сущего, однако встроенного в систему конкретных сущностей, от категории ипостаси. Проведенный нами сравнительный анализ гносеологических парадигм святоотеческого учения и парадигмы современной науки, основанной на диалектическом материализме, показал, что именно категория ипостаси, т. е. конкретной единосущностной формы сущности, коренным образом разделяет обе гносеологические парадигмы. Это означает, что

на современном уровне воспроизводится и в современность переносится принципиальное отличие трактовок сущности: как конкретно-сущего — в традициях ортодоксального святоотеческого учения, и как абстрактной сущности — в традициях латыни.

Всякая сущность в теории познания святоотеческого учения предстает как форма бытия конкретно-сущего на соответствующем уровне познания. Причем никакая сущность не может бытийствовать, существовать, находиться лишь на одном физическом уровне. На физическом уровне могут проявляться и исследоваться только конкретно-исторические формы метафизических сущностей.

Категория ипостаси имманентно предполагает, что сущность физических объектов либо субъектов энергийна, находится как в них, так и вне их, в метафизической области, как родовая сущность единичных физических естеств, или ипостасей. То есть на физическом уровне ипостась тождественна естеству, или физическому лицу, или физису. Или феномену, имени. Однако физическое естество — это не исчерпывающий уровень бытия сущности.

На метафизическом уровне ипостась тождественна бытийной родовой сущности. Или ноумену. Но это тоже особого рода естество.

На трансцендентном уровне ипостась тождественна Святой Троице, или триединству Божественных ипостасей в Духе Святом. То есть движение к сущности, или познание сущности в системе троических понятий, предполагает, с одной стороны, восхождение физической ипостаси к родовой сущности, обладающей другим, нежели физическая ипостась, но столь же самостоятельным бытием. С другой стороны, имеет место раскрытие, откровение Божественной триады ипостасей в метафизическом, или ноуменальном.

Троесущие метафизической ипостаси, на наш взгляд, складывается из (1) откровения Божественной ипостасной триады, (2) восхождения физической ипостаси к ноуменальной, над-ипостасной ей, (3) ноуменального естества, или самостоятельного бытия ноуменального, при подипостасности ноуменального Божественной, или трансцендентной, ипостасной триаде. Частным случаем подипостасности социального-разумного-ноуменального Божественному является Богочеловечество, подипостасное Божественной ипостасной триаде, или земная София, подипостасная Софии небесной.

Таким образом, ипостась предполагает ипостасность как способ связи сущностей, объединенных идеями и бытийностью родового единосущия. Категория ипостасности означает, что сущность физических объектов и субъектов находится вне их самих. При этом физическая

сущность есть форма проявления метафизической, метафизическая — трансцендентной.

Итак, существенными характеристиками иерархо-ипостасной трактовки сущности, данной Святоотеческим учением, как нам представляется, являются следующие.

1. Ипостась — образ сущности более высокого порядка (проявление метафизического в физическом, проявление трансцендентного в метафизическом).

2. Сущность предстает как система, как триипостасное единство на физическом, метафизическом и трансцендентном уровнях.

3. Благодаря этой трехярусной бытийности сущности она всегда остается, всегда являет собой конкретно-сущее на своем ярусе, на различных взаимосвязанных уровнях бытия сущности — физическом, метафизическом, трансцендентном целостном единстве.

4. Самосушие сущности, то есть обладание самостоятельным существованием, как условие и следствие единства (триединства) сущностей, а также как условие и следствие конкретики сущности. Критерий истины — тождество системы самосущего, единство духа и бытия, Божественная Правда, Жизнь.

5. Высшей формой единства сущностей является трансцендентный уровень. Физическая сущность есть лишь конкретно-историческая форма проявления метафизической сущности. Метафизические сущности объединены и соединены в целостность — трансценденцию. Мета-сущность означает со-бытийственность сущностей. Трансцендентный уровень означает сверхбытийственность.

6. Троическая формула сущности имеет вид тождества, целостности сущностей вышестоящего и нижестоящего уровней сущности.

7. Аксиома троической системы понятий: познание тождественно существованию (бытию сущности). Со-познание тождественно со-существованию тождественно со-бытию.

8. Имеет место троическое кольцо сущностей, за один его полюс, или начало его, можно взять прасущность, срединный уровень составит сущность, как единство бытия физической, метафизической и трансцендентной сущности, и другой, противоположный прасущности — полюс послесущности. Пра-сущность и сверх-сущность сходятся в одной точке.

Подобную точку зрения на происхожденческо-развивающуюся природу сущности, т. е. ее бытия в прошлом, настоящем и будущем, равно как на тождество конкретно-сущего бытия и сознания в понятии сущности и предсущности, подтверждает Иоанн Кронштадтский: «Слово есть выражение истины, самая истина, бытие, дело. Слово

предшествует каждому существу, каждой вещи, как вина их бытия — прошедшего, настоящего или будущего» [3, 193].

Применительно к сущности, например, человека, его сущность можно представить так. До-сущность (до-человек) — генетический код, душа, психика; бессознательное, в том числе коллективное бессознательное; человек — физическое тело; сверхчеловек, или после-человек — дух, сознательное, Слово, в том числе соборное, софийное, София.

В данной понятийной системе время предстает как условие и форма физического бытия метафизического, как условие и форма трансформации метафизических сущностей в физические. Вместе с тем есть и некая промежуточная форма бытия и соответственно — некая промежуточная категория между временем и вечностью (метавремя, послевремя). Оно представляет собой условия и формы метафизического бытия трансцендентного. Упоминание об этой метафизической форме времени-трансценденции встречаем у св. Иоанна Богослова в его Откровении и у св. Апостола Павла.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что противоречие между конкретно-сущим и абстрактно-сущностным существует только в границах предположения о пребывании сущности сугубо на физическом уровне, в рамках ограничения области определения сущности сугубо физическим уровнем. Более того, именно представление о сугубо физической природе сущности, является посылкой к обращению познания к категории материи — как абстрактно-физической сущности, которой, как убедительно показал св. Григорий Богослов, а вслед за ним и Дж. Беркли, в действительности просто нет.

Великие каппадокийцы (св. Григорий Нисский, св. Василий Великий) понимали сущность всецело как духовное образование, имеющее самостоятельное бытие, которое может иметь различные телесные или идеально-материальные воплощения. Сущность понималась как иерархическая структура, как восхождение сущностных форм (ипостасей) к вершине — Святой Троице. При этом ипостаси, или сущностные формы, были духовными сущностями-реальностями. Познание и существование, онтологическое и духовное развитие не разделялось и представало как восхождение от одних форм сущностного единства к более высоким.

Святоотеческое учение впервые в истории теории познания выдвинуло идею троической природы сущности, и, как следствие, идею генезиса и непрерывного развития сущности. Она является достойным парадигмальным ответом на несостоятельное представление современной науки о якобы стационарности, неизменности, завершенности,

замкнутости сущности, как следствие ее одномерности, материальной субстанциальности.

При этом сама сущность предстала как ипостасность, т. е. способ и форма всеобщей связи конкретно-сущих сущностей (ипостасей). При этом приоритеты и субординация были расставлены четко и однозначно. Главенствующий приоритет — Бог и Святая Троица, Богочеловечество (София) — Отечество — Человек. Человек — как сущность, воплощающая в себе Отечество, Богочеловечество и Бога и находящаяся в неразрывной творческой, производительной, мыслительной — одним словом, — Божественно-общественной, т. е. софийной, философски-хозяйственной связи с другими сущностями — людьми, поколениями людей, родом, народом, человечеством и Богом.

Третьей крупной методологической погрешностью материалистического видения было представление о стационарности и неизменности сущности как следствии ее безжизненности. Эта погрешность также берет свое начало в арианстве.

Так, Григорий Богослов в своей критике Ария определяет сущность, как союз «трех ипостасей», объединенных по сущности». Поэтому сущность, как это полагал Арий (и отчасти Ориген), не может быть «самозамкнутой монадой». Она не имеет «завершенности бытия» (!) [2, 8]. Сущность находится в состоянии непрерывной трансформации, проистекающей из совместного единства и творчества ипостасей. Она эволюционирует в движении и развитии сущностных форм, которые объединены живоначальным единосущием более глубокого порядка. Единосущие через развитие живых сущностных форм появляется на физическом, метафизическом, трансцендентном уровнях.

Развитие сущностных форм как раз исследуется на физическом уровне, а единосущие — как сущность более глубокого порядка — на метафизическом и трансцендентном. Впервые идея живого (!) родового единосущия ипостасей была сформулирована омиусианским учением и выражена на Анкирском соборе 358 г.

В итоге святоотеческое учение в идее живого родового единосущия преодолело противопоставление объективного субъективному, объекта — субъекту, материи — сознанию. Благодаря категории ипостаси как живоначального, ипостасного, субъектного бытия сущности и как животворящего способа связи триединых сущностей, сущность предстала как субъектно-объектное тождество.

Таким образом, мы подошли к несостоятельности самой постановки так называемого «основного вопроса философии». Как было нами показано выше, дуализм сущностей у Аристотеля впоследствии

трансформировался у диалектиков-материалистов в дуализм самой сущности (внутри сущности) и в абстрактный материализм. Из этого недоразумения и застылости, остановки в понимании сущности как околичественной, абстрактно-единичной материальной субстанции, и как идеально-возможного родового обобщения возник пресловутый «основной вопрос философии», который, будучи абсурдным итогом нагромождения искажений, противопоставил объективное субъективному, материю — сознанию, бытие — мышлению. При этом материи (объективной реальности, укороченной и укрошенной до сугубо физической природы) было отказано в духе, духу — в реальной силе, а сознанию — в силе духа⁸. На деле философия, поставив перед собой «основной вопрос философии», риторически спросила у себя, кто первичен — Бог или человек, и ответила вполне в духе атеистического Возрождения — человек. Этот ответ был отторжением человека от Бога, то есть сознательным, мнимо-научным умалением человека. Наука вошла на псевдонаучную стезю. Лозунг свободы как познанный необходимости был атеистическим прочтением свободы как познания Бога и Его воли.

Итак, мы обратились к самым основательным и глубинным философским и святоотеческим учениям о сущности. Выяснилось, что указанные учения подвергли материалистический, диалектический и абстрактный подход к интерпретации сущности основательной и сокрушительной критике. Святоотеческое учение внесло фундаментальный вклад в теорию познания и теорию о сущности, представив сущность как многоуровневую иерархическую систему, как всеобщее-энергетическую и конкретно-сущностную связь на физическом, метафизическом и трансцендентном уровнях.

Основные отличия методологических систем позитивистской и святоотеческой науки приведены в табл. 1.

Именно такой — ипостасный — подход был реализован классиками политической экономии в их учении о стоимости. Парадигмально следует признать, что классики политической экономии до Д. Рикардо, а также А. Смита, Дж. Ст. Милля, чуть менее известного Сэмюэла Бейли, фрагментарно включали в орбиту своих исследований физический, метафизический и трансцендентный уровни стоимости.

⁸ Заметим, философия Ницше была протестным ответом на это абсурдное бессилие мысли и мышления, на которое обрекла себя материалистическая философия.

Таблица 1

**Основные отличия методологических систем
позитивистской и святоотеческой науки**

Позитивистская наука	Святоотеческая наука
Сущность находится вне субъекта, она объективна и сводится к материальной субстанции	Сущность не существует вне субъекта, по природе своей она не может быть материальна. Сущее не нуждается в носителях, в носителе (несущем) нуждается не-сущее
Сущность объектна. Объективность вытекает из разделенности субъекта и объекта, вычлени субъекта и его удалении из познания	Сущность субъектна. Но это субъектность особого рода — она ипостасна. Ипостась — субъектная форма подлинного бытия сущности. То есть предполагается множественность ипостасей (минимум — три), их единство и совместное творчество
Сущность одномерна, сводима к одному материальному субстрату. Она — субстанция (материи)	Сущность иерархична, в основе своей как минимум триипостасна. Ипостась — выражение и форма бытия иерархически устроенной сущности. Первая ипостась — сущее-трансцендентное (идеальное). Вторая ипостась — метафизическое или трансцендентно-имманентное или идеально-материальное, представляющее собой совокупность родовых или исторических сущностных форм. Третья ипостась — имманентное (физическое), как форма проявления метафизической сущности
Сущность бесформенна. Она — сгусток абстрактной материи	Сущность может иметь как идеальную, так и материальную форму, быть духом, идеей либо воплощением духа. Сущность воплощается в кругообороте сущностных форм

Продолжение табл. 1

Область познания ограничена эмпирическим уровнем — то, что за его пределами, — не наука	Наука, чтобы быть наукой, должна охватывать три уровня познания: трансцендентный, метафизический (трансцендентно-имманентный), эмпирический (физический, имманентный)
Источник движения — единство и борьба противоположностей (диалектика)	Источник движения — триипостасное единство, со-откровение и со-творчество (триалектика)
Сущность дискретна и разобрана	Сущность всеобъемлюща. Сущность — связка, единство, единение иерархически связанных сущностей
Сущность завершена, статична	Сущность постоянно развивается, трансформируется, воссоздается, расширяя границы родового единсущия. Сущность энергийна и творяща
Сущность абстрактна и не структурирована и сводится (в латинской традиции) к недифференцированной материальной субстанции	Сущность структурирована. Дифференциация сущности предполагает <ul style="list-style-type: none"> • трансцендентность, метафизичность и физику сущности, т. е. ее самостоятельную бытийность как идеального; • субъектность сущности, сущность как иерархически определенный творящий центр, ипостасный центр, занимающий свое место в иерархии сущностей; • целостную образность и конкретность сущности (абстрактной сущности не существует)
Оценивание отсутствует, действует принцип отделения науки от моральных оценок	Оценивание в рамках и средствами науки необходимо — воплощаемое, изводимое, производимое должно оцениваться на предмет чистоты замысла, соответствия первозданности и высшей ценности (воле Творца)

Продолжение табл. 1

Сущность, будучи телесной субстанцией, сводится к количеству	Сущность, будучи субстанцией духовной, к количеству не сводится ⁹
Сущность мертва	Сущность жива.
Критерий истины — практика	Критерий истины — живоначалное единосущие в его животворящем троическом бытии. Практика может быть как софийной, так и антисофийной
Эмпиризм. Узкий прагматизм науки. Абстрактное сознание противопоставляется абстрактному бытию	Софийность. Софийность как принцип триипостасного единства конкретно-сущего бытия сознания на физическом метафизическом и трансцендентном уровнях

В классической политэкономии определения стоимости были именно ипостасные. В качестве примеров можем привести как известные, так и малоизвестные — ипостасные (субъектно-энергийные и соподчиненные, метафизико-трансцендентные) определения стоимости. Определение А. Смита: «стоимость — как невидимая (т. е. — трансцендентная. — Г.М.) рука рынка». При этом отметим, что рынок — метафизическое понятие. Согласно С. де Сисмонди, «капитал... непрерывно умножающая себя стоимость» (Sismondî. «Nouveaux Principes d'Économie Politique» [4, 176]. В данном определении метафизика капитала связана с трансценденцией стоимости, как самовозрастающей стоимости. Это определение, как известно, было воспроизведено

⁹ Для понимания троического богословия св. Василия Великого существенны его высказывания о значении понятия числа в рассуждениях о Боге. Он подчеркивает, что здесь нет места для счисления в собственном смысле слова, так как в Божественном бытии нет дискретной множественности, которую только и можно сосчитать. Иначе сказать, в Богословии число из количественной категории преобразуется в качественную, истина Троицизма не есть арифметическая истина, и тайна Троицизма не есть тайна о числах: три и один. «Укоряющим нас за троебожие, — писал св. Василий, — да будет сказано, что исповедуем мы Бога единого не числом, но естеством — *ὁὐ ἀριθμῶ, ἀλλὰ τῆ φύσει* ... Ибо все, именуемое по числу единым, в действительности не едино и по естеству не просто; о Боге же всеми исповедуется, что Он прост и несложен. Следовательно, Бог един не числом, ибо число есть принадлежность количества, а количество сопряжено с телесным веществом, поэтому число есть принадлежность телесного естества» (цит. по: [2, 80]).

Марксом. Сэмюэл Бейли определял стоимость как «власть количества, конституирующую стоимость» [4, 59]. В данном определении трансценденция стоимости сведена к чистому количеству, разумеется, социальному, которое институционализируется во власти количества над стоимостью. К. Маркс усмотрел в стоимости ее трансцендентную и эсхатологическую ипостась как апокалиптического числа зверя и указал на телеологию стоимости как апокалиптического движения к апокалиптическому финалу. Во всех приведенных определениях стоимость, кроме своего физического бытия, проявляющегося в тех или иных количествах, т. е. физических параметрах, измерителях стоимости, имеет глубинные сущностные свойства, которые раскрываются лишь на метафизическом и трансцендентном уровнях. Последние не существуют изолированно от физического уровня, но всюду там бытийствуют.

Св. Василий Великий прямо указал, что количество, в отличие от слова, имеет телесную, материальную природу. Таким образом, трансцендентное понимание глубинной, изначальной сущности стоимости как социального количества объясняет, почему эмпирический уровень в изучении стоимости мог стать доминантным в политической экономии и привести в конце концов к полному ее вырождению.

Подобное же вырождение претерпели и философия, и теория познания. На этот вырожденческий кризис, эту трагедию философии впервые обратил внимание великий русский философ С.Н. Булгаков, создатель учения о Софии именно как о социальной науке и практике, соотносящейся в своем развитии с метафизическим и трансцендентным образом мышления, теоретизирования и действия. Метафизическую и трансцендентную чреваточину в философии, которая была направлена против христианства, усмотрели и другие выдающиеся мыслители еще в первой половине XIX в. К примеру, А. Мицкевич подверг резкой критике философию Канта и Гегеля; как антихристианский демарш. Георгий Флоровский раскрыл связь между протестантизмом М. Лютера и его дискредитацией учения Дионисия Ареопагита о триалектике сущности. С.Н. Булгаков усмотрел дальнейшее усугубление антихристианской траектории развития современной ему философии, выразившееся в незаконной попытке подменить философию политической экономией. Исправить поистине катастрофические для человечества последствия этой крупномасштабной антихристианской акции он предложил в виде создания новой синтетической научной парадигмы, которая преодолела бы узкий экономизм политической экономии и примитивные материализм и диалектику философии. Речь

шла о новой, поистине эпохальной в истории человечества и его науки парадигме — парадигме философии хозяйства.

Именно Булгаков не только подверг критике современные ему, охваченные кризисом философию и политическую экономию, но и показал человечеству выход из тупика, через учение о Софии как синтеза философии и политической экономии и других социальных наук, предполагающего их внутреннюю трансформацию, полное категориальное переосмысление, выход на новую парадигму, и новые принципы взаимодействия с социальной практикой, понимаемой совершенно иначе, а именно — через ее осмысление в метафизическом и трансцендентном измерениях.

Лишь частично, весьма и весьма урезанно, идеи С.Н. Булгакова были восприняты на Западе М. Вебером и К. Поппером, которые являются идеологами нынешнего социал-реформизма, а также их последователями в лице институциональной ветви теоретической экономии. Идея субъектности сущности реализована в методе системного моделирования и объяснения институционализма. Холистический принцип построения целостной теории исследуется в работе П. Дизинга «Системы открытий в социальных науках» («Patterns of Discovery in the Social Sciences») [5, 74]. Метод построения холистической теории Дизинга называется «методом наблюдателя-участника» [6, 10]. Отличительной особенностью данного метода является социализация исследователя. Исследователь одновременно является «участником», он принимает нормы и категории той социальной системы, которую исследует. Предметом исследования является одиночная самоподдерживающаяся социальная система. В качестве таковой могут быть принята семья, национальная экономика или даже историческая эпоха. Размеры системы не имеют значения, акцент делается на уникальности данной системы, представляющей собой единое целое. Сам метод представляет собой сочетание *storytelling* и *pattern modeling*, т. е. построения достоверных историй и структурного моделирования. Построение достоверных (правдоподобных) историй происходит на первом и втором этапах, структурное моделирование и его верификация — на последующих этапах.

Метод Дизинга нашел отклик в широких академических кругах за рубежом, но и отечественный исследователь может составить представление о сущности, преимуществах и недостатках данного метода, опираясь на публикации в специализированных изданиях как зарубежных («Journal of Economic Issues», «Institutional Economics, Journal of Institutional and Theoretical Economics!»), так и отечественных («Вопро-

сы экономики», «Мировая экономика и международные отношения», THESIS и др.).

Однако в полной мере, во всей мощи и величии идеи С.Н. Булгакова были осмыслены, отточены и столь же гениально продвинуты и умножены нашим современником — великим русским и мировым ученым-мыслителем — Ю.М. Осиповым. Именно он является создателем новой полномасштабной парадигмы философии хозяйства. Величие и мощь ее, немеркнущее сияние состоят в переосмыслении глубинных основ науки, философии, экономической теории и всей теории познания, а также всей человеческой практики, прежде всего хозяйственной.

Литература

1. *Свт. Василий Великий*. Письмо Григорию брату о различии сущности и ипостаси www.pagez.ru/lsn/0083.php (дата обращения: 05.03.2015).
2. *Флоровский Г.В.* Восточные отцы IV века. Париж, 1931.
3. *Святой праведный Иоанн Кронштадтский*. Моя жизнь во Христе. СПб., 2006.
4. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 23.
5. *Wilber Ch.K., Harrison R.S.* The Methodological Basis of Institutional Economics: Pattern Model, Storytelling, and Holism // Journal of Economics Issues. 1978. Vol. XII. No. I. March.
6. *Сазанова С.Л.* Эвристические возможности холистического метода традиционного институционализма // http://economicarggu.ru/2003_1/sazanova.pdf (дата обращения: 12.10.2014).

М.Р. ФОМИНА

История философии хозяйства: хозяйственная этика протестантизма и конфуцианства

Аннотация. Проведен сравнительный анализ протестантской и конфуцианской хозяйственной этики. Показано, что энтузиазм является основополагающим понятием конфуцианской концепции труда. Доказывается, что конфуцианская хозяйственная этика, основанная на таких понятиях, как питание жизни, экономика жизни, капитализация

жизни, конфуцианство, не может выступить хозяйственной этикой капитализма.

Ключевые слова: протестантизм, конфуцианство, гармония, мерность, рационализм, энтузиазм, труд, трудолюбие, жизнь, самопожертвование.

Abstract. The comparative analysis of Protestant and Confucian economic ethics is carried out. It is shown that «enthusiasm» is fundamental concept of the Confucian concept of work. It is proved that the Confucian economic ethics based on such concepts as «food of life», «life economy», «capitalization of life» can't act as economic ethics of capitalism.

Keywords: Protestantism, Confucianism, harmony, regularity, diligence, rationalism, enthusiasm, work, life, self-sacrifice.

В своей работе «Китайская религия: конфуцианство и даосизм» М. Вебер говорил о несовместимости конфуцианства и западноевропейского капитализма. Современник и оппонент Вебера Э. Сибусава в своей книге «Луньюнь и бухгалтерские счета» (которую Ч. Кайкэ поставил в один ряд с «Протестантской этикой и духом капитализма» Вебера, выразив, тем самым, апологетическую точку зрения «некоторых японских и китайских авторов, упоенных экономическими достижениями своих стран» [1, 4]) доказывал иное. «Существенную поправку к теории Вебера внес японец Эйити Сибусава — теоретик конфуцианского капитализма, доказавший, что для стран Восточной Азии функции протестантской этики выполняет конфуцианство» [2, 10]. К сожалению, пока мы не имеем возможности познакомиться с самим первоисточником — книгой Сибусава, но можем провести сравнительный анализ хозяйственной этики протестантизма и конфуцианства, и посмотреть, насколько они взаимозаменяемы или, что то же самое, насколько конфуцианство может выступить хозяйственной этикой капитализма.

Начнем со сравнительного анализа протестантской и конфуцианской картин мира. В протестантизме, с его трагическо-героическим духом, мир предстает как арена борьбы между добром и злом, где жизнь человека проходит в вечной борьбе с несовершенством созданного мира и со своей несовершенной природой. И в этом протестантизм (вернее, иудео-протестантизм ибо протестантизм есть не что иное, как синтез иудаизма и христианства) разделяет иудейскую идею о несовершенстве Богом созданного мира и так же, как иудаизм, требует продолжения творения. Отличие состоит в том, что в иудаизме, который Адольф фон Гарнак не зря называл «религией закона», такой

силой, способно и изменить мир к лучшему, является сила *закона*, тогда как в протестантизме такой силой выступает реально действующий человек — революционер, ученый, предприниматель, короче, *герой*, способный создать новый мир. Безусловно, идея сотворчества Бога и мира, Бога и человека является пантеистической идеей, которой протестантизм разбавил иудео-христианский креационизм. И в этом смысле протестантизм, поставивший человека на уровень с самим Богом, есть доведенный до крайности (до пантеизма) иудаизм, или проще — «религия человекобожества».

В конфуцианстве мы наблюдаем совершенно иной взгляд на мир и на человека в этом мире. Говоря словами Г.-В. Лейбница (которые, в равной степени, можно отнести ко всем аналогичным конструкциям этого рода, в том числе и к конструкции самого Лейбница), этот мир является самым лучшим из всех когда-либо, возможно, существовавших миров. Поэтому ни о каком преобразовании, тем более о революционном слове этого мира, речи нет. Мир нужно не менять, и уж тем более не создавать новый, а следовать уже существующему, как образцу гармонии и совершенства. Ибо основной закон поднебесной, на котором держится мир, есть гармония Неба и Земли, и в этом мире нет места герою. Герой, меняющий мир, может принести в этот мир лишь диссонанс, поэтому для конфуцианства идеалом человека выступает не герой, а средний человек, избегающий крайностей. «Человек, поставленный в середине между небом и землею, носитель и преимущественный выразитель их, должен также стремиться к равновесию в своей деятельности — к середине, мерности своей деятельности. Это равновесие, мерность состоит в отсутствии крайности. Средина там, где нет «ни наклонений, ни отклонений, ни изменчивости, ни недостатка»» [3, 140]. Неприемлемость революционера, меняющего мир, распространяется и на неприемлемость революции западноевропейского (протестантского) типа, особенно в эсхатологической ее части, как разрушение «старого мира» во имя создания «нового мира». А те же многочисленные свержения династий, которыми так полна китайская история, есть лишь смена династий, а не изменение извечно существующего порядка вещей. Не является исключением из этого общего правила и коммунистическая революция Китая, которая, на самом деле, лишь привела в соответствие издавна существующий конфуцианский «аграрный коммунизм» Китая с идеалами социализма.

Мир не нуждается в революциях и героях не только потому, что борьба нарушит мерность жизненного равновесия и мировую гармонию в целом, но еще и потому, что нет никакой нужды в этой борьбе, ибо добро, есть основа мира и мир, по своей сути, добр. И если для

протестанта добро есть только еще искомое состояние мира, которое он еще должен добиться в пылу борьбы с несовершенством мира, то для конфуцианца добро, как принцип организации мира, существует изначально. Исходя из этого общего доброго взгляда на мир, конфуцианство совершенно иначе решает проблему зла, нежели протестантизм. В протестантизме зло онтологически укоренено в самой сердцевине бытия — в самом Боге, а потому и вся жизнь мира проходит в борьбе с этим злом, и еще неизвестно, какое начало — добро или зло — восторжествует в конечном итоге. Тогда, как в конфуцианстве — зло случайно, оно не имеет самостоятельного бытия, а является лишь отклонением от существующей нормы, каковой извечно является добро. «Зло, или то, что называется злом, есть только исключение, случайный диссонанс в жизни, нарушающий общее правила хода ее. Нет, поэтому, и не может быть борьбы одних — низших стремлений с другими — высшими» [3, 121]. Соответственно с этим взглядом на мир рассматривается и человек, который по своей природе добр, «поэтому стремление к добропорядочности и нравственности есть его естественное состояние, органически вытекающее из его природы» [4, 87]. Этому изначально доброму, открытому взгляду на мир и человека в этом мире противостоит протестантский изначально неопределенно-подозрительный взгляд на мир и на человека в этом мире, ведь неизвестно какое начало восторжествует в душе самого человека — высшее или низшее — доброе или злое, а затем и мира в целом. Поэтому если конфуцианство изначально относится к человеку, как к носителю добра, то протестантизм, скорее, как к носителю зла, чем добра, ибо человек несовершенен и природа его испорчена.

Откуда же, по конфуцианству, зло в этом мире? Зло — в неразвитости, незнании человека, которого нужно обучить, тогда и зло исчезнет в этом мире, поэтому основой добродетели в конфуцианстве являются знание и образование. Практически, по аналогии с этическим рационализмом Сократа, согласно которому зло в мире существует только потому, что человек не знает, что такое добро, давайте научим человека добру, тогда и зло исчезнет в этом мире. И если уж проводить параллели с христианством, конфуцианство ближе католицизму, чем протестантизму, хотя и до известных пределов. Католицизм, в отличие от протестантизма, так же не приемлет онтологической природы зла и исходит из изначально доброй (безгрешной) природы человека, а зло, так же как и Сократ, рассматривает как результат ошибок, которые допускает человек, повинуясь своей чувственной природе: чувство — греха. Отсюда проповедуется «рационализация жизни» католика — контроль разума над чувством, где даже Христос в большей степени

выступает не как Искушитель, а как Учитель, призванный обучить, т. е. рационализировать природу человека, выхолостив из нее все живое и чувственное, т. е. сделать из природного, естественного человека рационального человека. И вот в этом католицизм близок протестантизму — «рационализация и методизация жизни» присуща и тому и другому, и обе религии в равной степени являются религиями разума.

Вот здесь и заканчивается аналогия конфуцианства с католицизмом. В противоположность «рационализации и методизации жизни» католика и протестанта, конфуцианство говорит о «гармонии жизни», т. е. не о подавлении чувственного начала в человеке, во имя торжества его рациональной природы, а о гармоничном сочетании рациональной и чувственной природы человека. Ведь согласно конфуцианской метафизике, мир есть проявление двух начал — Неба и Земли — Ян и Инь (добра и зла, разума и чувства, света и тьмы и т. д.), а человек есть единство Неба и Земли, т. е. разума и чувства, где то и другое естественны и необходимы; а нарушение этого равновесия, как раз таки, и приводит к торжеству зла в этом мире. Словом, зло в конфуцианстве не онтологично, как в протестантизме, и не иррационально, как в католицизме; зло — в нарушении гармонии между чувственной и рациональной природой человека. Поэтому ни о каком подавлении разумом чувственной природы человека (или чувством разума) в конфуцианстве речи нет, ибо это нарушило бы существующую мировую гармонию. Согласно конфуцианской «науки сердца» (синь сюэ), сердце, представляющее собой единство разума и чувства, и есть главный орган человека, обеспечивающий его гармоничное существование. И в этом смысле конфуцианство, в противоположность религии разума католицизма и протестантизма, есть религия сердца.

Конфуцианская «наука сердца» противостоит сократовскому рационализму, поставившему разум выше чувства, с которого, собственно, по Ф. Ницше, и началось разрушение античного гармоничного человека, который существовал в досократовский период античной истории. Тогда человек поклонялся двум богам — Аполлону и Дионису (Вакху) — богу разума и богу чувства, и изначально сочетал в себе эти два начала — разумное и чувственное. По Б. Расселу, именно существованию такого гармоничного человека Древняя Греция обязана своими наивысшими достижениями: «Именно сочетание интеллекта и страсти делало их (древних греков. — *М. Ф.*) великими, пока они оставались таковыми, и никто не преобразовал бы так мир на все будущие времена, как они» [5, 36]. Но принцип «золотой середины» — секрет величия древних греков — был нарушен Сократом и уничтожен христианством. Вся христианская мораль — это лишь развитие конфликта

(между добром и злом — чувственной и рациональной природой человека, благоразумием и страстью, предусмотрительностью и импульсом к действию), и разрешения его в пользу рационального, а не гармоничного человека. Об этом пишет и Вебер в «Китайской религии: конфуцианство и даосизм»: «...одним из основополагающих факторов формирования духа капитализма и духа культуры нового времени являются, обусловленные профессиональными представлениями рациональные действия, которые есть порождение христианского «сдерживания страстей»» [2, 7]. Протестантизм к эпохе индустриального капитализма окончательно сформировался тип человека, который тот же Ницше назвал «недоделанный» и «недоразвитый», т. е. односторонний — рациональный, полностью загнавший свою чувственную природу «под лавку разума», а, по З. Фрейду, в психологическую яму, тем самым обеспечив западной цивилизации психологические проблемы как массовое явление. Эта «загнанная», подавленная чувственная природа человека, поистине стала «бочкой пороха» под западной цивилизацией во всех отношениях, в том числе и в экономическом аспекте. Психологическая неустойчивость в массовом проявлении отразилась и на экономических показателях — в снижении уровня производительности труда. Биополитики уже давно заметили, что причина кризиса западного капитализма состоит в том, что для максимизации прибыли в условиях сверхточных технологий требуется затрата уже не только физической и умственной способности человека, но и его психической энергии, и что в плане психологической устойчивости и психологической отдачи западный работник значительно уступает азиатскому работнику. Это объективная причина переноса всего производства мира на Восток, где был сформирован необходимый для массового производства психологически устойчивый тип работника, утраченный на Западе после прививки рационализма.

И еще одно качество было утрачено западным человеком вместе с утратой своей гармоничной природы, которое тщетно будет пытаться восстановить научный менеджмент Ф.У. Тэйлора, когда обнаружит, что по своей природе западный человек есть плохой работник. Речь идет о высокой производительности труда китайского работника, в основе которой лежит знаменитое «китайское трудолюбие», названное Ж. Родом «виртуозной трудоспособностью».

Что же такое знаменитое «китайское трудолюбие», которым обладает Восток и не обладает Запад? В противоположность христианству в целом, которое в отношении труда сохранило онтологическое проклятие, где труд рассматривается как тяжкое бремя, забирающее у человека жизненную силу и здоровье, в конфуцианстве прозвучало

противоположное отношение к труду; трудом человек сохраняет и увеличивает в себе жизненную энергию; чем больше трудишься, тем больше жизненных сил.

И в этом смысле китайская «жизненная энергия» созвучна древнегреческому *энтузиазму*. В Древней Греции именно религия Диониса, Вакха или, как ее еще называли, орфическая религия, культивирующая область чувств человека, выработала такое его свойство, как энтузиазм, благодаря которому человек, не обладающий необходимыми рациональными и материальными средствами, добивался невероятных результатов. Сила чувств выше ограниченности (предусмотрительности) разума; «если подумать, то нельзя, а если не думать, то можно» — вот тезис энтузиазма, как реакция на благоразумие. «Поклонник Вакха восстает против благоразумия. В физическом или духовном опьянении он вновь обретает уничтоженную благоразумием интенсивность чувства, мир предстает перед ним полным наслаждения и красоты, его воображение вдруг освобождается из тюрьмы повседневных забот. Культ Вакха породил так называемый энтузиазм, этимологически означающий вселение бога в поклоняющегося ему человека, который верит в свое единство с богом. Этот элемент опьянения, некоторый отход от благоразумия под влиянием страсти имеет место во многих величайших достижениях человечества» [5, 32]. К примеру, в знаменитом китайском трудолюбии, разгадкой которого является присутствие в человека этого «вакхического элемента»¹⁰ — энтузиаз-

¹⁰ На этот счет интересно наблюдение Ж. Рода, когда он писал о том, что даже опиумная война, которую вел Запад против Китая, не справилась с знаменитым китайским трудолюбием. Род сравнил воздействие опиума на европейца (впервые описанное Томас де Квинси в его знаменитой «Исповеди англичанина, любителя опиума»), которое погружает курильщика в мир грез и уводит от практической жизни и труда, и воздействие опиума на китайца, где опиум, наоборот, стимулирует его трудоспособность, причем не спорадическую, а систематическую. Причина в таком различном влиянии опиума на организм европейца и китайца только одна — в различной природе рационального и гармоничного человека: чувственная природа китайца выступила противоядием опиуму, в то время как отсутствие этой «прививки страсти» стало катастрофой для европейца. «Любопытно было бы повергнуть психологическому анализу китайца-курильщика опиума и определить его отличие от мрачного большого, изображенного Тома де Квинси. Все, что можно сказать в этом отношении, это то, что эффект, вызываемый этим странным ядом, выражается в чрезмерном возбуждении душевных способностей; что явления, которые влечет за собой потребление опиума, различны и зависят от индивидуальных особенностей потребителей. Очевидно, что все то разнообразие наслаждений и

ма, утраченного Западом вместе с природой гармоничного человека. Или, другими словами, такие свойства труда, как энтузиазм и энергичность, есть свойства только гармоничного человека, его способности (силы) к тому, что сверх благоразумия, а не способности рационального человека, где эти свойства труда, как полагал Тэйлор, могут возникнуть только в результате внешних воздействий, таких как принуждение и стимулирование.

Использование термина «энтузиазм», выработанного в греческой религии, для понимания конфуцианского характера труда, вполне оправдано. Ведь выработано оно было тогда, когда еще не было водораздела между восточной и западной цивилизацией, и орфическая религия развивалась в том же направлении, что и восточная религия, культивируя тип гармоничного человека. Но этот ход ее, а вместе с тем и развитие Древней Греции, по мысли Д. Барнета, которого цитирует Рассел, был прерван зарождавшейся наукой, укрепившей позиции западного рационализма: «Все это выглядело так, как будто греческая религия была готова подняться до уровня, уже достигнутого религиями Востока. Трудно сказать, что могло бы воспрепятствовать развитию этой тенденции, если бы не возникла наука. Обычно считается, что греков спасло от религии восточного типа отсутствие у них жречества... Грецию спасло не столько отсутствие жречества, сколько наличие научных школ» [5, 38].

Понятно, что из различного взгляда на мир и человека в этом мире следуют хозяйственные этики протестантизма и конфуцианства, определяющие различные стратегии хозяйственного развития Запада и Китая. Для нас ключевым моментом сравнительного анализа хозяйственной этики протестантизма и конфуцианства является противопоставление двух понятий — «самопожертвования всей своей жизнью» и «питания жизни». Протестантская концепция «самопожертвования всей своей жизнью» потребовала от человека во имя достижения успеха в своей профессии, мерилom которого выступило богатство, «не отдельно взятых «добрых дел», а более высокую плату за

припадков отчаяния, которое переживает душа западноевропейца, и особенно страждущая, раненная душа, изображенная Квинси, в грезах, навеваемых опиумом, недоступна китайцу — существу исключительно чувственному и в своей грубой чувственности, не знающему ни душевных тревог, ни грустной задумчивости ... Чудеса его виртуозной трудоспособности и самая любовь к труду возвращается к нему лишь после того, как он выкурит свою обычную трубку опиума. Страсть к опиуму так глубоко вкоренилась в нравы китайцев, что, во всяком случае, весьма трудно будет ее вырвать ее с корнем» [6, 162].

свою избранность — самопожертвование всей своей жизнью» [7, 140]. Собственно это и входит в базовое понятие протестантской этики — «священный долг», где профессия рассматривается, как призвание, а накопление капиталов, как служение Богу или как богоугодное дело. Протестант приносит на плаху профессии свою жизнь, как жертвоприношение, отказываясь от всех радостей простой человеческой жизни. В экономической науке такому религиозному самопожертвованию есть экономический эквивалент — самоэксплуатация, который Маркс назвал «первой формой эксплуатации», а Вебер «мирским аскетизмом». Именно с таким «аскетом в миру» или, что то же самое, «экономическим человеком», который «не ест и не пьет, а все подсчитывает свои доходы», и имеет дело вся классическая политическая экономия. Критики «экономического человека», такие как Г. Шмоллер, В. Зомбарт, С.Н. Булгаков и др., называли его абстракцией, доказывая, что в действительности такого человека не существует. Думаем, что в этом они ошиблись, такой человек в действительности существует. Именно о таком человеке, не абстрактном, а реальном, пишет Карнеги (приводя в пример крупного бизнесмена, который потерял свое здоровье, вкус жизни, семью ради бизнеса), ставя при этом справедливый вопрос — ради чего все это, если человек раб своего дела и могильщик собственной жизни.

В противоположность протестантизму, с его антиприродной и антижизненной направленностью, конфуцианство есть религия натуралистическая и жизнеутверждающая, в которой жизнь является абсолютной ценностью, ее нужно сохранять и поддерживать всевозможными способами, в том числе и экономическими. Жизнь не надо жертвовать ни ради кого бы то ни было, ни ради чего бы то ни было. Жертвенность вообще противоречит конфуцианскому учению о нравственности, как о середине, где самопожертвование есть нарушение той мерности, на которой держится мир. И если для протестанта жертвование своей и чужой жизнью ради успеха в профессии есть богоугодное дело, то для конфуцианца — это богохульство. То же самое относится и к аскетизму, который не приемлем в конфуцианстве в любой его форме, в том числе и в протестантской, как «аскетизм в миру». «Еще меньше способен китаец на внутренние жертвы — на жертвованиями своими желаниями и потребностями во имя религии. Он не знает никаких лишений во имя Бога и вечного блага. Его религия не требует от него никакого особого подвига, никакого воздержания и само изнурения. С точки зрения Китая это было бы покушение на законы неба — богохульство. Никаких других проявлений аскетизма также не замечается» [3, 130]. Ведь «состояние середины есть состоя-

ние совершенства; Небо и Земля от нее приходят в порядок, все существующее есть питание и процветание» [3, 135]. Поэтому протестантскому понятию «самопожертвованию всей своей жизнью» противостоит конфуцианское понятие «питание жизни», смысл которого состоит не в растрате жизненной энергии человека, а в «удержании в себе источника жизненных сил». «Китайцы традиционно считают высшей ценностью не что иное, как «питание жизни» (ян шэн). Соответственно они стремятся использовать все возможности и средства для улучшения качества жизни», повышения духовной чувствительности или, говоря в понятиях китайской традиции, «накопления жизненной энергии» [1, 25].

Вообще, конфуцианцу, как и древнему греку, свойственно качественное восприятие мира, и его, как и «грека Аристотеля, интересовала потребительская стоимость товара, его качественная составляющая, удовлетворяющая конкретную потребность» [8, 69]. На языке экономической науки это звучит как единство потребительской и меновой стоимости товара, в отличие от протестантизма, осмысливающего мир в количественных категориях, где меновая стоимость была поставлена выше потребительской стоимости товара, а деньги — выше жизни. Единственное, в чем китайцы отличаются от греков, так это в коммерциализации жизни: китайцы — прирожденные коммерсанты. Ни один народ древности не трактовал жизнь как взаимоотношение между Небом-заимодавцем, дающим при рождении человеку займы жизненную энергию, и простым смертным-заемщиком, который должен был потратить эту жизненную энергию на зарабатывание денег и умирал только тогда, когда исстрачивал эту жизненную энергию. Поэтому весь смысл жизни китайца состоял в том, чтобы заработать как можно больше денег, выступающих эквивалентом жизненной энергии. Чем-то жизнь китайца, полученная займы, напоминает известный образ шагреновой кожи, описанный Бальзаком, знатоком буржуазного образа жизни, но в отличие от протестантского (буржуазного) взгляда на деньги, как на высшую ценность, конфуцианство сохраняет гармонию денег, труда и жизни; конфуцианец любит деньги, но он также любит трудиться и получать удовольствие от жизни. Как пишет В.В. Малявин, «вот здесь мы можем нащупать главную пружину движения общественной жизни в Китае: чтобы поддержать жизнь, нужны деньги, и ни с чем несравнимая, в своем роде абсолютная радость жизни, в какой-то центральной, но отсутствующей, ускользающей точке человеческого бытия сходится с всеобщим эквивалентом ценностей. Для китайца деньги без жизни — ничто, но и жизнь без денег лишена смысла» [1, 23].

Отсюда и различное понимание *экономики* в протестантизме и конфуцианстве. В протестантизме под экономикой понимается «экономика вещей», целью которой является максимизация прибыли. У китайцев — близко к пониманию экономики у древних греков. Так, у Аристотеля под экономикой понимается домостроительство, у китайцев самое древнее понимание экономики — «развивать землю и спасать людей», где производственной ячейкой является семья. И до сих пор семья в Китае остается основной экономической единицей и в аграрном секторе, в форме «семейного подряда», и в промышленности, в форме семейных предприятий. И у древних греков, и у китайцев экономика служила целям воспроизводства человеческой жизни. И в этом смысле экономика Древней Греции и Китая в равной степени являются «экономикой жизни». «Выражение “экономика жизни” на первый взгляд звучит парадоксально, даже нелепо. Какое отношение к самому факту жизни, к реальному переживанию действительности имеет экономика — самая формальная и отвлеченная из всех наук о человеке, приверженная абстрактному критерию эффективности и сухому языку цифр? Как может стать предметом экономики сама жизнь — всегда уникальная и неповторимая, обладающая абсолютной, неисчислимой и неразменной ценностью? И тем не менее в китайской цивилизации, как отчасти и в изначальной греческой версии экономики в ее значении “домостроительства”, экономика и жизнь были до странности близки друг другу и более того — составляли некое хоть и неопределенное, но реальное и устойчивое целое» [1, 22].

Отсюда и различное понимание стратегии бизнеса в конфуцианстве и протестантизме. В протестантизме она направлена на «накопление капитала», в конфуцианстве — на «капитализацию жизни». Протестант вкладывает в дело, конфуцианец — в человека или в землю, где «капитализации земли» есть первая форма «капитализации жизни». Поэтому вместо образования сокровищ и накопления капиталов, как это было на Западе, Китай инвестировал избыточное богатство в землю, а значит, в человека. Еще задолго до Маркса, Конфуций, которого Кун Ямин назвал «Марксом древности, а Маркса — Конфуцием современности» [1, 59], понял, что именно человек является, говоря словами Маркса, основным источником создания богатства. Поэтому нужно вкладывать в человека — в жизнь, а не в товары. В этом отличие протестантской «экономики вещей», увенчанной доктриной «золотого миллиарда», от конфуцианской «экономики жизни». «В целом китайская культура не придает исключительного значения ни чистому капитализму как безграничному накоплению капитала, ни предрасположенности к непроизводительным расходам или, наоборот,

культу сокровища, характерным для докапиталистической эпохи. Жизненному укладу и менталитету китайцев свойствен некий всеобъемлющий и в своем роде очень устойчивый баланс денежной экономики, трудового процесса и переживания жизни как такового» [1, 24].

Таким образом, различие китайской и западной экономики лучше всего проявилось в стратегии хозяйственной жизни — в Китае это «капитализация жизни», на Западе — «накопление капиталов». У первой путь открыт в будущее — энергия — это «живой капитал», тогда как у второй — в прошлое — капитал — это «мертвый капитал», который без жизненной энергии есть ничто. Именно в искусстве управления «живым капиталом» Восток и переиграл Запад в последней четверти XX в. Сравнение китайского и западного менеджмента с точки зрения их религиозно-этических предпосылок и станет предметом исследования в следующей статье.

Литература.

1. *Малявин В.В.* Китай управляемый. Старый добрый Китай. М., 2005.
2. *Кайкэ Ч.* Конфуцианство и «культура предприятия» в современной Восточной Азии / Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М.; 2005 (из фондов Рос. Гос. библиотеки) // <http://cheloveknauka.com/v/57732/d#?page=2>.
3. *Хрисанф, архимандрит.* Религии древнего мира в их отношении к христианству: В 3 т. Т. 1. СПб., 1873.
4. *Эляян М.Р.* История философии хозяйства: религиозно-метафизические предпосылки хозяйственного развития Китая // *Философия хозяйства*. 2013. № 2.
5. *Рассел Б.* История западной философии: В 2 т. Т. 1. Новосибирск, 1994.
6. *Род Ж.* Современный Китай. «Брокгауз-Ефрон», 1912.
7. *Эляян М.Р.* Хозяйство и религия (М. Вебер, С. Булгаков, В. Зомбарт) // *Философия хозяйства*. 2003. № 1.
8. *Эляян М.Р.* Философия хозяйства С.Н. Булгакова: история и современность // *Философия хозяйства*. 2011. № 3.

Р.Е. СОКОЛОВ

Философия хозяйства протестантизма в «Теологической этике» Роте

Аннотация. Статья посвящена анализу эволюции общественных институтов немецким лютеранским философом XIX в. Рихардом Роте.

Ключевые слова: мораль, семья, общество, государство, церковь.

Abstract. The article is devoted to analysis of evolution in public institutions by German Lutheran philosopher of the 19th century Richard Rote.

Keywords: morality, family, society, state, church.

Роте и философия

Рихард Роте (1799 — 1867) находился под влиянием немецкого идеализма своего времени, и его ход мыслей определялся рационалистической атмосферой дома его родителей и духом пиетизма в его учебных и рабочих местах в Виттенберге и Берлине. Его учителями были Фихте, Шлейермахер, Гегель, Шеллинг. Роте использовал в своем исследовании «спекулятивный метод» как мысленный эксперимент в оперировании понятиями, который верифицируется опытом, Писанием и набожным сознанием. В своем произведении 1867 г. издания он задался целью показать, что развитие человечества, начиная с семьи и патриархального рода, следуя через государство и церковь и заканчивая Божим царством, есть становление духа и нравственности, позволяющих достичь евангельского пророчества о совершенном мире и человечестве.

Человек, организация и моральное сообщество

Описывая человека, Роте представляет индивида как существо, обладающее душой и организмом животного, которому присущи чувства, смысл, инстинкты и сила. Эти четыре элемента делают из человека личность, что и отличает его от животного. Согласно Роте, человеческая персональность связана с материальными душой и телом, причем душа выступает определяющим фактором персональности с

двух позиций: рассудочно-сознательной и деятельно-волевой. Первая ответственна за чувства и смысл, вторая — за инстинкт и силу. Отношение души и тела формируют персональность, а комбинация четырех указанных элементов образует специфическую модификацию из совокупной животности, благодаря чему происходит моральное развитие (§ 171).

Вводя понятие «моральное сообщество (moralische Gemeinschaft)», Роте утверждает, что решение моральных задач возможно лишь внутри сообщества персональностей, которое возникает среди человеческих индивидов на основе всеобщей любви-уважения. Возникновение такого морального сообщества происходит через соединение многих индивидов в одно нераздельное целое. Причем индивиды упорядочивают себя так, что благополучие каждого зависит от благополучия всех остальных, целого. Роте называет такую связь солидарностью интересов интегрированных частей. Эта идея составит основу католического социального учения через 24 года, а спустя еще 100 лет станет исходным пунктом «общих ценностей» католического философа Ганса Кюнга, согласно которому каждый служит целому на взаимовыгодных условиях и есть его инструмент (§ 273).

Что касается отношений между элементами целого, они должны подчинять свои цели друг другу так, чтобы максимизировать общее благо. Из такого соотношения абсолютной взаимосвязи и взаимного влияния Роте, ссылаясь на Ридера и Зедерхольма, выводит концепцию объединения сил, которая подразумевает не сложение, но умножение, поскольку только в совместной работе человек может достичь своего предназначения (§ 273).

Отношения взаимного подчинения Роте называет «организацией». В организации (или организме?) человек теряет статус простой части целого и становится интегрированным в них членом. Относительно развившийся организм, согласно Роте, опирающемуся в этом вопросе на «Христианскую Веру» Шлейермахера, содержит «организующие» и «организованные» элементы, чья рефлексия происходит в одушевленном теле. Именно организующие элементы являются авторитетным носителем духа объединения в моральном сообществе, в то время как организованные элементы позволяют управлять собой первым (§ 273 — 274).

Стадии развития морального сообщества

Роте анализирует стадии развития морального сообщества, начиная с семьи (§ 416 — 420), племени и патриархального состояния (§ 421) как морального и религиозного сообщества, через государство

(§ 422 — 439) и всеобщий государственный организм (§ 441 — 448) как сообщества, основывающиеся на религии и обычаях, нравах, и церковь (§ 440) как чисто религиозное сообщество. Финал этого развития есть трансформация земного «града» в небесный, в совершенное царство Божие (§ 419 — 458).

1. *Семья (die Familia)*. Семья, согласно Роте, представляет собой первое человеческое сообщество, являющееся родовым, но не моральным. Это сообщество есть не просто сообщество двух индивидов обязательно разного пола. Основной характеристикой обоих является то, что они дополняют друг друга. Семья есть природный организм, который связывает физически и психически разных индивидов, в котором рассудочное сознание и волевая деятельность обуславливают начало морального развития.

Брак есть сообщество общения, суть которого заключается в «общении имуществ» (термин раскрыл российский православный философ М.В. Барсов в конце XIX в.), для чего необходимы моральные нормы, чтобы каждая сторона могла развивать себя в общении друг с другом на основе соматического и психического единства. Семейные отношения, которые возникают при наступлении половой зрелости, Роте называет эпохальным пунктом нового развития. В ребенке выражается единство двух различных индивидов, а чувственная природная любовь превращается в возвышенную родительскую любовь, когда родители готовы принести себя в жертву ради блага других, их детей. Развиваются новые привычки, ценности и знания, которые родители прививают своим детям в процессе воспитания и образования. Так появляется первое сообщество с еще не до конца оформившейся гражданской, художественной, научной и церковной жизнью. Началом научной жизни в семье была культура речи. Чем быстрее семья формируется как социальный институт, тем быстрее развиваются другие сообщества: племя, государство, церковь.

2. *Племя и патриархальное состояние (der Stamm und der patriarchalische Zustand)*. Семья у Роте заканчивается, когда дети становятся самостоятельными, или со смертью родителей. Но этот конец не есть распад института. Наоборот: одна семья вызывает к жизни другие семьи, и с течением времени они формируют племя как материальную основу кровного родства, в которой находят дальнейшее развитие четыре упомянутые сферы. Важно, что каждая отдельная семья имеет общий «пункт единения» и что чем больше число индивидов и семей в племени, тем более четко прослеживается этот связывающий воедино элемент в их действиях, т. е. семейные обычаи, нравы. Дальнейшее

развитие семейства приводит к возникновению новой социальной стадии: «семейной религии» и «патриархального племенного состояния».

3. *Народы и государства (die Völker und die Staaten)*. С расширением патриархальной семьи-племени, по словам Роте, становилось все сложнее поддерживать кровнородственную принадлежность. На каком-то этапе эта социальная единица теряет свою идентичность, особенно вследствие миграции. Патриархальная семья-племя распадается на отдельные семьи, в совокупность масс, которые через идентичность природных условий сливаются в однородные социальные группы, в народы. Основание для этого Роте видит в «расщеплении» связующего начала — общего языка внутри семьи-племени.

В то же время Роте приводит противоположную версию Шеллинга из его «Введения в философию мифологии», согласно которому география и миграция не вызывают разделение народов. Народы неизбежно несут разделение языков в себе, что обуславливает духовный кризис человека. Причину разделения народов у Шеллинга Роте видит в многобожии. Таким образом, о народе речь идет, когда он разработал и принял собственную мифологию. Не ограничиваясь версией Шеллинга, Роте приводит похожие идеи Карла Энгеля, у которого народности возникают из-за «внутреннего беспокойства», создающего многообразие религиозных воззрений и жизненных идеалов.

Чувство национального единства способствует у Роте постепенному распаду семейно-племенного характера, хотя у каждого индивида его скорость различна. Авторитет племени больше не является связующим фактором, поскольку индивид не чувствует себя составной частью целого, осознавая свою самостоятельность. Роте не упоминает рост количества индивидов, составляющих народность, в качестве распада семьи-племени.

Когда у народа появляется ясное осознание своей цели, а именно объединение через совместные действия ради построения морального сообщества, в котором люди пропорционально своей образованности воспринимают себя как нужных друг другу, конституируется государство. Здесь Роте ссылается на Гегеля в отношении варварства как противовеса государству, т. е. варварство существует, пока не появится государство.

У Роте моральное развитие может быть реализовано только через национальное религиозно-нравственное сообщество. Хотя он не исключает возможности существования многонационального государства, которое является следующим уровнем в моральном развитии человечества, поскольку человеческий род рассматривается как многообразие народов. В этой связи Роте ссылается на «Естественное право»

Тренделенбурга, отличающего государство от других социальных обществ и утверждающего, что оно делает работу рассудка смертных индивидов бессмертной, являясь душой индивидуального народа.

Отмечая, что политический и юридический закон государства способствует формированию лишь внешней законности, но не внутренней морали или нравственности Роте приводит концепции государства еще ряда авторов. Так, у Штала сущностью государства является право, а не мораль. Тренделенбург говорит о государстве лишь в связи с моральными отклонениями. Согласно Гегелю, моральное развитие должно со временем отменить государство как социальный институт и трансформировать его в град Бога, т. е. в небесное царство. Ссылаясь на Тило и Меринга, Роте поддерживает идею государства не как обычного правового государства, а как морального, точнее, религиозно-нравственного сообщества.

Еще одно понятие государства от Шеллинга в духе Августина и Лютера Роте связывает с дихотомией добра и зла, определяя его как «внешний порядок разума, дополненный насильственным принуждением». Этот порядок разума у Шеллинга стоит над межчеловеческими связями и выступает по отношению к ним «внешней» принуждающей силой, практически становящейся разумом, который, согласно Роте, в обычном мире теряет свое значение в отличие от силы.

Вовлеченность индивида в языковое сообщество целого есть, согласно Роте, условие для его морального развития. И именно национальное государство становится для него средой, в которой развиваются материальное и моральное благо и любовь к отечеству. В национальном государстве как в политическом организме человек находит для этого «настоящую» свободу, которая, согласно Тренделенбургу, выражается в разумных законах государства и в участии индивида в государственном управлении. Отметим, что речь идет о свободе в рамках человеческого морального сообщества, а не о неограниченной свободе индивида. Чуть позже фрайбургская школа ордолибералов укажет, что сущность общественной свободы заключается в том, что свобода одного не должна мешать свободе других. Государственной ступени развития странствующий народ еще не достиг.

Еще одной важной характеристикой государства, по Роте и Лотце, является его автономия, которая описывается как «способность создавать законы для себя». И пока народ автономно, свободно и суверенно организует себя сам, его политическим принципом является демократия.

Демократия означает, что граждане государства должны принимать личное участие в его управлении, а управление протекать в рам-

ках государственных институтов. В качестве альтернативного политического принципа Роте называет автократию как лучший принцип после демократии, а также охлократию как ее крайний антипод. Автократия царствует, согласно Роте, в сообществе, где идея государства еще не вызрела. Это не позволяет развиваться моральному процессу, поскольку вместо взаимного подчинения интересов господствует партикулярность. Охлократия есть «суверенитет оружия», исключая демократию.

С демократией как с политическим принципом Роте ассоциирует республику как форму с уже политическим, а не просто гражданским сообществом, где властные функции возлагаются на различных индивидов не постоянно, а периодически из-за вариативности индивидуума по отношению к моральным идеям и его возраста. Роте подчеркивает управляющую, но не царскую роль властей и цитирует в этой связи Новалиса и Харлетца. У первого каждый гражданин государства есть государственный служащий; у второго закон и порядок подчиняют друг другу всех граждан государства: народ дает себе правительство, чтобы мочь управлять собой. Бюрократизм у Роте есть инструмент взаимной зависимости индивидов на пути к совершенному моральному сообществу.

Если политическая воля есть основа республики, то конституция есть символ морального развития народа и внешняя сторона народной организации. Роте показывает две стороны конституции: объективную моральную и субъективную. С одной стороны, существует национальная моральная идея, на которую все ориентируются; с другой — есть отдельные граждане, которые действуют из своих убеждений и имеют на это право. Что касается системы законодательства, то двухкамерная система народного представительства кажется Роте наиболее подходящей.

Ссылаясь на Розенкранца, Роте указывает на необходимость подчинения интересов большинства меньшинству, поскольку именно в абсолютной централизации полностью завершается организация власти. Но централизация, на вершине которой стоит безответственный и неприкасаемый князь, может превратиться в структуру, уничтожающую всю идею государства как национального морального сообщества.

Роте не исключает монархию как государственную форму, особенно если князь проявляет высокую мораль и создает предпосылки для свободных выборов народа и его легитимного представительства. Однако для дальнейшего развития в ней морального процесса при князе следует создать народное представительство как политический цен-

тральный орган. Истинное княжество Роте называет «выборным княжеством», когда глава государства избирается периодически, будь он князь или простой человек.

На основе своего анализа Роте предлагает оптимальную форму, называя ее «монархически организованной республика, монархическим или княжеским свободным государством». В этой идее государства князь «принадлежит народу». Причем народ не может идентифицировать себя с князем, а князь может и должен, и в этом заключено его высшее величие.

Согласно же Шталю, которого Роте много цитирует в этом фрагменте его работы, республика и монархия являются двумя различными структурами, поскольку монархические принципы противостоят парламентским принципам. Тем не менее, согласно Роте, князь не следует исключать из сферы управления государством, поскольку именно он лучше видит, что нужно нации. Что касается наследственной монархии, то Роте отклоняет ее из-за ограничений народного представительства во власти. Хотя он возвышает роль князя, считая, что его сила в ее совершенной полноте достижима лишь в республике, где в национальном моральном сообществе, в государстве, реализуется религиозно-нравственное сообщество, но главное — нравственное.

Ссылаясь на Фихте, согласно которому христианство играет укрепляющую государство роль и выступает принципом исторического развития, Роте заявляет, что государство является институтом, возникшим по Божьей воле «для достижения божественных целей в мире», в частности, для завершения морального развития человечества. Так Роте объясняет религиозный характер государства и божественный характер власти в духе Августина. Причем, если не развивается семейная, научная и духовная жизнь, то идея государства развивается в полицейское или лишь в правовое государство, что противоречит истинной идее государства.

Главными добродетелями в государстве у Роте остаются брак и семья, которая уже ведет не частную жизнь, но готовит своих детей с помощью общественного образования к жизни в гражданском обществе. Государство берет на себя право и обязательство к домашнему воспитанию присоединить общественное, что выражается во всеобщей школьной обязанности, дабы воспитать граждан и в дальнейшем как можно меньше штрафовать их. Кроме семьи государство включает четыре основные сферы национального морального сообщества, а именно художественную, научную, духовную жизнь и активную гражданскую позицию.

Государство, согласно Роте, не включает в себя церковь, поскольку в нем как в религиозно-нравственном сообществе нет места для исключительно религиозного сообщества, и церковь становится по существу межнациональным сообществом. Поэтому она возникает как общественный институт наравне с государством.

Если государство включает много национальных государств, то они должны быть равноправными, суверенными и подчиняться высшей власти, например, князю. Такую же мысль в католическом социальном учении развивает Иоанн 23 в энциклике «Мать и наставница» (п. 157) лишь сто лет спустя, а Русская православная церковь — только в 2000 г.

4. *Церковь (die Kirche)*. Церковь как моральный институт осуществляет параллельную работу с государством, пока оно не завершит полностью свое моральное развитие и не свяжет всех индивидов нации в единое сообщество. Далее церковь соединяет отдельные народы, разделенные по подданству или географическому положению, в единое человеческое сообщество. Причем национальная церковь понимает себя «внутренне одной среди других», что отличает ее от государства, позиционирующего себя уникальным.

Роте не делает какого-либо уточнения в отношении конфессии. Его теория подходит лучше всего католикам, в какой-то мере православным, в меньшей степени лютеранам, реформатам и «классическим» протестантам в целом, если анализировать структуры и политику церкви с конца XIX в.

5. *Всеобщий государственный организм (der allgemeine Staatenorganismus)*. Задача морального развития в земном мире лежит, согласно Роте, на государстве, так как народ есть материальная основа развития. Но народ не способен построить совершенное моральное сообщество в рамках государства. Моральный процесс должен растворить материальную природу человеческой личности. Это достигается путем того, что отдельные национальные государства вступают во взаимоотношения, которые не должны вредить их национальной уникальности. Церковь является образцом в таком «слиянии» на основе единства веры народов.

Кроме церкви объединению народов у Роте способствует развитие мировой торговли, науки, художественной жизни и разных форм общения людей, а также образования. В итоге постепенно возникают международное сообщество национальных государств, универсальная и экуменическая политика, которая интегрирует все отдельные национальные государства во всеобщий государственный, точнее, надгосударственный организм, или в государство «Земля». Результат завер-

шения морального процесса в реализации всеобщего государственного организма есть трансформация всего материального жизненного процесса в совершенное человечество и исчезновение государства в земном смысле, когда мир людей становится миром ангелов, совершенным царством Бога.

6. *Совершенное царство Божие (das vollendete Reich Gottes)*. В совершенном царстве Божьем у Роте Бог и человек проникают друг в друга посредством очеловечивания Бога и человеческого одухотворения. Это и означает завершение развития личности индивида. Сознание и воля человека уступают место божественной воле и сознанию.

С божественным наполнением земной сферы она, согласно Роте, трансформируется в «небо», в чисто духовный мир с доступом ко всем сферам универсума, полного бесконечных общения и любви. На этой стадии творение становится бесконечным и имеет вечную жизнь, источник которой находится в полном познании Бога, т. е. в самом творении. Это позволяет всем существам находиться в полноценном общении между собой независимо от сфер творений, к которым они принадлежат.

Вечную жизнь Роте называет состоянием абсолютного покоя, которое характеризуется постоянным взаимодействием элементов совершенного сообщества, организованного на разных ступенях великолепия и блаженства. Здесь Роте позиционирует такие качества божественной Троицы, как неслиянность и нераздельность на достигающий совершенства в своем развитии земной мир, на человека и человечество.

Одновременно Роте не допускает исчезновения дихотомии «временное — вечное», поскольку, с одной стороны, Бога можно увидеть только в творении, когда Он ограничен местом и временем; с другой — Бог характеризуется через пространственную и временную бесконечность (1 Кор. 13, 12). Поэтому Роте считает, что «на небе будет возможно думать и желать» в противовес концепции нирваны буддизма.

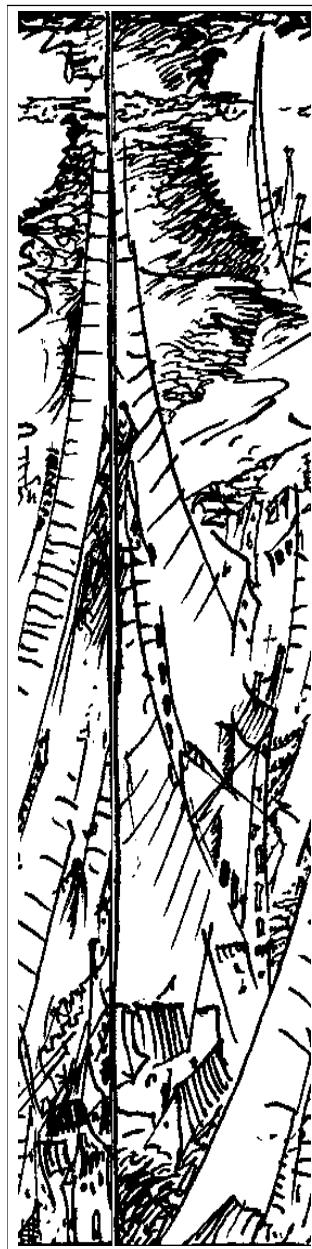
Заключение

Итак, основой полноценного развития человечества в целом и личности индивида в частности у Рихарда Роте выступает взаимное подчинение интересов индивидов. По мере развития человека, которое проявляется в формировании его нравственности, он проходит определенные этапы с некоторыми ценностями. Данные этапы и ценности являются соответственно семьей и имуществом, затем племенем и патриархальным состоянием с кровным родством, языком и собствен-

ной религией, потом народом и государством с национальной мифологией, снова языком и самоуправлением и, в конце концов, всеобщим государственным организмом как объединением всех национальных государств с парламентской демократией и суверенитетом отдельных народов, которые достигают свои собственные цели опять-таки через солидарное сотрудничество и взаимовыгодное преумножение общего блага. Наравне с развитием торговли, искусства, науки и общественной жизни именно церковь играет ведущую роль в формировании совокупности разных индивидов и народов в одно целое, способствуя завершению развития морального сообщества и трансформации земного государственного организма в совершенное царство Божие.

II

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

А.А. ПОРОХОВСКИЙ

Экономическая теория как совокупность базовых теорий экономики

Аннотация. В главе показан объективный процесс развития политической экономики как науки. Раскрыты устойчивость и гибкость ее предмета, расширение метода исследования. Выделены промышленный и информационные периоды в развитии капитализма. Особое внимание уделено росту сферы услуг. Показана суть новой политической экономики. Доказано, что политэкономия — это база экономической теории, включающей и другие школы.

Ключевые слова: экономическое развитие, политическая экономика, экономическая теория, информационная экономика.

Abstract. The birth of national capitalist market economy became the objective basis for full-scale development of political economy. Full division of political economy and the neoclassical direction was issued externally when the last received the name economics. The object of research at neoclassics is represented to narrower because it is concentrated on the mechanism of functioning of economy. In the XX century as reflection of economic and social progress appeared many branch and functional economic sciences; however the last world crisis showed their limited role. They differ both on a method, and on an object of research. Unites their object of the analysis — national economy.

Keywords: economic development, political economy, economic theory, information economy

Центр общественных наук Московского университета доказал своей деятельностью в течение 25 лет, что гуманитарное знание сохраняет свое мировоззренческое и научное значение во все периоды развития как отдельных стран, так и человечества в целом. Большое внимание в деятельности Центра уделяется экономической теории и ее базовой, опорной части — политической экономике. Остановимся именно на этой проблеме — роли политической экономики и структуре современной экономической теории.

Наступивший в 2015 г. 400-летний юбилей политической экономики совпал с заметным обострением противоречий по всему миру.

Особенно это ощущается в 37 развитых странах — лидерах мирового хозяйства [1, 147]. Поиск выхода, а возможно, и новой парадигмы общественного развития происходит повсеместно — в деловых и академических кругах, в государственных и международных учреждениях, на общественных форумах. Стало бесспорным, что выход находится не в частностях, а в системном решении. В сложной структуре современной экономической теории только политическая экономия дает системное видение экономического развития. Не случайно поэтому политико-экономический подход не только через «невидимую руку» А. Смита, но и благодаря целостному представлению современного национального и глобального развития получает все большее распространение в широких кругах ведущих стран. Однако сама политическая экономия трактуется порой столь разнообразно и широко, что возникла необходимость в академическом стиле еще раз остановиться на ее предметной области, методологии, истории возникновения, становления и перманентного развития, а также месте и роли в общей экономической теории, взаимосвязи с другими школами, программами, направлениями теоретико-экономических исследований.

Объективное и субъективное в рождении политической экономии

История многих наук, в особенности общественно-гуманитарного профиля, изобилует зигзагами, биографическими подробностями и особенностями поведения их создателей. Между тем выдающиеся люди стали известны не одному поколению не благодаря своим человеческим слабостям, а результатами своего исследовательского труда, который связан с определенным историческим периодом отдельной страны или даже эпохи. Если при оценке того или иного явления, в том числе появления первых работ по политической экономии, главное внимание уделять не самим работам, а подробностям личной судьбы авторов, то внимание читателей уводится от понимания того, насколько объективно отражены в указанных книгах тенденции и закономерности развития общества того времени [2]. Если для открытия и формулирования законов природы требуется накопление соответствующего научного знания, то для открытия законов хозяйства необходимо не только накопленное человечеством гуманитарное знание, но и сложившиеся и развивающиеся общественные тенденции. Получается, что появление политической экономии связано с конкретными именами, но эти люди жили как раз в те годы, когда созрели условия для формулирования их политэкономических выводов. Используя аналогию с рождением здорового ребенка, можно сказать, что

политическая экономия стала «доношенным дитем» человечества в Средние века, закрепив достаточные предпосылки для дальнейшего развития. Исторически она оказалась в нужное время и в нужном месте — в Западной Европе. Остановимся на этом подробнее.

Можно определить, что *политическая экономия* — это наука об экономических законах функционирования и развития общественного хозяйства, исторически первой формой которого стало рыночное хозяйство. Известно, что термин «политическая экономия» произошел от греческих слов *politicos* — государственный, общественный и *oikonomia* — управление домашним хозяйством (от *oikos* — дом, домашнее хозяйство и *nomos* — закон). Впервые сочетание «политическая экономия» было использовано французом А. Монкретьеном в его произведении «Трактат политической экономии» (1615). Этот год общепризнан в мире как дата рождения политической экономии и экономической теории и науки в целом.

Возникновение политической экономии стало возможным после формирования рыночного хозяйства на всей территории отдельного государства, что стало свидетельством рождения *национальной* экономики, внутренне связанной *общенациональным* рынком. Масштаб национального хозяйства, взаимодействие домохозяйств, изменение роли государства в обеспечении благоприятной среды для предпринимательства, наполнение казны и расширение общественного богатства вызвали потребность в выявлении и познании объективных экономических законов такого хозяйства. В результате политическая экономия своим появлением послужила основой для последующего развития экономической теории и экономической науки как отражения экономического и творческого потенциала человечества.

Задолго до возникновения политической экономии, в том числе и в Древнем мире, получили распространение такие явления и понятия, как товар, деньги, цена, ростовщический и купеческий капитал, частная собственность. Их происхождение связывалось с торговлей, носившей случайный характер при господстве натурального хозяйства. В ту пору жизнь большинства населения любого государства не зависела от торговли, производство для продажи только зарождалось. Подневольный ручной труд раба или крепостного работника слабо способствовал расширению производства в земледелии, животноводстве, ремесленничестве.

Постепенное углубление общественного разделения труда способствовало расширению сферы товарно-денежных отношений. Но рубежом в развитии товарного производства стали освобождение работника от личной зависимости и утверждение наемного труда, что

одновременно породило предпринимателей и предпринимательство как системное явление. Теперь уже известные категории «товар», «деньги», «капитал» стали приобретать адекватное капиталистическому рыночному хозяйству содержание. В мануфактурный период капитализма простая кооперация ручного труда наемных рабочих объединялась в предприятие отдельного хозяина — капиталиста. Капиталистическое производство становилось основой национальной экономики. Возникла задача обеспечения государством и обществом рыночного функционирования всей экономики страны. Не случайно поэтому именно в Великобритании, где мануфактурный капитализм утвердился раньше других стран, в 1776 г. был издан труд А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» [3], где впервые политическая экономия получила классическое систематизированное изложение применительно к мануфактурному периоду развития капитализма. К числу основоположников классической политической экономии относится также Д. Риккардо, который в своей книге «Начала политической экономии и налогового обложения» [4], вышедшей в 1817 г., развил представленные А. Смитом базовые положения политической экономии — теорию трудовой стоимости, капитала, ренты. Немало других исследователей в разных странах Европы публиковали свои книги об экономике, рассматривая ее отдельные стороны, не претендуя на цельную теорию.

Как видно, становление политической экономии самым тесным образом связано с развитием капитализма (см.: [5]). Решающее воздействие на рыночный прогресс оказала промышленная революция, сформировавшая в XIX в. индустриальную основу капиталистической экономики. Национальная экономика стала еще более взаимосвязанной и сложной. Первый общенациональный экономический кризис перепроизводства товаров в Великобритании в 1825 г. обнажил острую конкуренцию между капиталистами, обратил внимание на положения наемных работников и противоречия всей экономической системы.

Промышленный капитал и индустриальная революция

Изобретение и внедрение паровых, а затем и других машин существенным образом повлияли не только на рост производительности труда, но и на положение и роль предпринимателей, наемных работников, а также формы и виды капитала, организацию производства и экономики в целом. Изменился характер разделения труда на фабрике, основанной на системе машин, и во всем обществе, связанном рынком и конкуренцией. Наряду с рынком товаров и рынком труда получил распространение рынок капитала. С формальной точки зрения машина

выравнила значение факторов производства — труда, капитала, земли, а также фаз воспроизводства — производства и обращения. Это обстоятельство способствовало появлению теории предельной полезности наряду с теорией трудовой стоимости, свойственной политической экономии.

Таким образом, во второй половине XIX в. политическая экономия получила развитие по двум направлениям — на базе теории трудовой стоимости и на базе теории предельной полезности. Первое направление оформилось как марксистская политическая экономия, второе — как чистая политэкономия, или маржиналистская экономическая теория. Основу марксистской политической экономии составил «Капитал» К. Маркса [6], первый том которого вышел в 1867 г. Базу маржиналистского направления образовали работы У.С. Джевонса «Теория политической экономии» (1871) [7], К. Менгера «Основания политической экономии» (1871) [8] и Л. Вальраса «Элементы чистой политической экономии» (1974) [9].

Уже с 1875 г. начал входить в научный оборот термин «экономикс», который благодаря фундаментальной работе А. Маршалла «Принципы экономикс» (1890) [10] закрепился как выражение всего неоклассического направления экономической теории. И хотя историческими корнями экономикса являются классическая политическая экономия, теория факторов производства и маржинализм, по своим теоретическим предпосылкам, предмету и методу он обособился и составил новую, особую часть экономической теории. Впоследствии, особенно в XX в., экономикс получил бурное развитие в передовых странах капитализма и прежде всего в США, где в 1948 г. вышел первый учебник по экономиксу П. Самуэльсона, в котором был представлен синтез неоклассики и кейнсианства, получившего распространение в 1930-х гг. [11].

В России в XIX в. политическая экономия продолжала развиваться и как наука, и как учебная дисциплина. Уже в 1804 г. в Московском университете была открыта кафедра политической экономии, а затем было издано немало трудов, в том числе и учебников по политической экономии. Среди наиболее известных «Курс политической экономии» А.К. Шторха (1815) [12], А.И. Чупрова (1883) [13]. Российская ветвь политической экономии преимущественно опиралась на классическую политэкономия, привнося специфические экономические черты развития страны. В тот период экономикс не получил распространения в России.

Системное и аргументированное видение индустриального капитализма изложено в работах К. Маркса и Ф. Энгельса и их последо-

вателей. Сохранив родовой признак классической политической экономии — теорию трудовой стоимости — и раскрыв историю и логику становления и развития капиталистической рыночной экономики, Маркс сделал вывод о том, что основным экономическим законом капитализма является производство прибавочной стоимости, которое вытекает из отношений между капиталом и наемным трудом. И хотя при индустриальном капитализме наемный труд выглядел как физический труд рабочих в материальном производстве, впоследствии отношения между трудом и капиталом принципиально не изменились и в других сферах экономики.

Маркс намеревался представить политическую экономию в виде шести книг, посвященных соответственно капиталу, земельной собственности, наемному труду, государству, внешней торговле, мировому рынку. И хотя он успел подготовить лишь фундаментальную работу о капитале, но и в ней выражено системное видение воспроизводства капиталистической экономики, механизма ее функционирования и развития. Предлагая свой вариант развития теории трудовой стоимости, К. Маркс аргументировал возрастающую особую роль трудового фактора — наемного работника. Как и всякий живой организм, рыночное индустриальное хозяйство не застывает в своем состоянии, а имеет внутренние источники для развития и роста, что постепенно приводит не только к новым технологиям, видам разделения труда и повышению производительности труда, но и ставит на повестку дня вопрос о сути прогресса человечества — экономического, социального, духовного. Выводы Маркса формировались на основе закономерностей и тенденций индустриальной эпохи, когда материальное производство занимало ведущие позиции, преобладал физический труд, а личная независимость наемного работника с лихвой компенсировалась его экономической зависимостью от предпринимателя и капитала вообще.

XIX в. вошел в историю как век индустриального капитализма, век экономического, политического и военного доминирования Европы в мире. Не случайно поэтому именно европейские реалии в наибольшей степени повлияли на эволюцию политической экономии, что отразилось и в ее марксистской ветви.

Индустриальное развитие продолжилось и в XX в. вплоть до научно-технической революции, существенно изменившей экономику во второй половине столетия. Однако после победы Великой Октябрьской социалистической революции в России в 1917 г. возник СССР, а затем после завершения Второй мировой войны в 1945 г. появились и другие государства социалистической ориентации.

Особенности советской эпохи

Развитие советской плановой экономики в значительной мере происходило при чрезвычайных обстоятельствах. Немалые трудности создавали разруха после Гражданской войны, а затем восстановление страны после Великой Отечественной войны и гонка вооружений во время холодной войны. И все же экономический и социальный прогресс человечества в XX в. невозможно представить без СССР. Советский вариант политической экономии, опиравшийся на работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, а также отраслевые экономические науки, сыграл важную роль в обеспечении достижений советской экономики.

В то время политическая экономия вместе с другими общественными науками стала частью официальной идеологии и политики КПСС — единственной правящей партии. С одной стороны, политическая экономия стремилась опираться на марксистское наследие, диалектическое восприятие общественного развития, а с другой — учитывать и решать проблемы строительства национальной экономики, опирающейся преимущественно на общественную (государственную) собственность на основные средства и факторы производства. Во второй половине XX в., когда после Второй мировой войны на социалистический путь перешли страны Восточной Европы, а также КНР, КНДР, СРВ, объект изучения плановой экономики значительно расширился, что стало основой для формирования и выделения политической экономии социализма. Наряду с ней продолжалось изучение капиталистической рыночной экономики через систему законов и категорий марксистской политической экономии капитализма. Значительное влияние на формирование политической экономии социализма оказал И.В. Сталин.

Первое издание официального учебника по политической экономии под редакцией академика К.В. Островитянова вышло в 1954 г. [14]. В нем экономическая система социализма раскрывалась на базе общенародной собственности. Под редакцией Н.А. Цаголова в 1963—1964 гг. в МГУ имени М.В. Ломоносова вышло первое издание «Курса политической экономии», в котором планомерность общественного производства рассматривалась как исходная категория политической экономии социализма [15]. Известным продвижением в преодолении догматических представлений об экономическом развитии стал учебник «Политическая экономия» под редакцией В.А. Медведева, опубликованный в 1988 г. [16].

С распадом СССР в России и других бывших социалистических странах экономическое развитие строится на рыночных принципах, что предоставляет возможность для его традиционного политико-экономического анализа. Вместе с тем КНР продолжает строить социализм с китайской спецификой, что позволяет использовать как разные ветви политической экономии, так и экономической теории в целом. Это выражается в том, что в КНР «невидимая рука» рынка соединена с «видимой рукой» государства.

Исторические судьбы СССР и политической экономии социализма разные. КНР в своем развитии стремится не повторять ошибок и просчетов, допущенных в теории и практике в советский период, в то же время максимально используя советский опыт подъема экономики страны до уровня равноправного партнерства как в мировом хозяйстве, так и в сфере научно-технического прогресса. В 2014 г. ВВП КНР по паритету покупательной способности юаня составил 16,3% мирового ВВП, что позволило стране стать первой в мире, обогнав США [1].

Информационная революция и сервисная экономика

Формирование единого мирового рыночного пространства в конце XX в. совпало с началом бурного повсеместного распространения современных информационно-коммуникационных технологий, составивших ядро информационной революции. Широкая доступность информации разного рода в режиме онлайн для правительств, бизнеса, рядовых граждан вызвала небывалый интерес к сравнениям условий жизни и работы, сочетанию национальных и частных интересов, деятельности транснациональных компаний и финансовых институтов, роли отдельных стран в решении глобальных проблем, месту человека в формирующейся информационной экономике. Особо остро зазвучала проблема усиления социальной дифференциации и социального неравенства как в отдельных странах, так и во всем мире [17; 18]. Без рассмотрения данных вопросов на общенациональном уровне невозможно оценить происходящее и выявить тенденции для прогнозирования будущего. Все это предопределило первостепенное значение политико-экономического подхода к анализу современного развития под воздействием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

ИКТ стали важнейшим звеном новой инфраструктуры мирового хозяйства. Не только страны с развитой рыночной экономикой, в которых проживает всего 15% населения земли, но и развивающиеся страны, а также государства со становящимся рынком покрыты общей информационной сетью. Тем самым любая национальная модель экономического развития не может нормально функционировать без исполь-

зования Интернета [19], без учета мировых информационных потоков. Фактически уходит в прошлое время закрытых экономик, и теперь страны стремятся определить оптимальность открытости своей экономики при условии защиты своих национальных интересов, что неизбежно поставило вопрос о политической экономии мирового хозяйства. Расширение объекта политической экономии не означает нивелирования особенностей национального развития и существования политической экономии в рамках национальных экономик. Не следует забывать, что политическая экономия как наука непосредственно не задает вектор экономического развития, не влияет на степень открытости или закрытости той или иной экономики. Она выявляет объективные закономерности и тенденции функционирования и развития системы экономики при сложившихся внутренних и внешних реальных обстоятельствах. При этом не может быть механического перенесения экономических законов и категорий с национального на общемировой уровень. Если частные экономические интересы одинаково проявляются на любом уровне, то реализация национальных интересов, экономическая роль государства и международных экономических институтов, механизм конкуренции, функционирование рынков имеют разные проявления. Это также относится к цикличности воспроизводства, где на мировом уровне, как свидетельствует картина экономического кризиса в первой декаде XXI в., возникли специфические факторы, вызывающие усиление неравномерности развития и рост диспропорциональности в мировом хозяйстве. В этих условиях системное видение национальной экономики не может быть полным без системного видения мировой экономики. Решить эту научную проблему способна политическая экономия современного капитализма.

Наметившаяся в середине XX в. тенденция возрастания влияния сферы услуг в развитых экономиках ускорилась и расширилась с появлением и внедрением современных ИКТ. По статистическим данным, доля производства товаров в ВВП в последние годы колеблется вокруг 30%. По абсолютным показателям объем материального производства увеличивается, но темп его прироста меньше темпов прироста сферы услуг и ВВП в целом. В результате современную развитую рыночную экономику можно назвать *сервисной экономикой* [20]. Конкурентоспособность национальной экономики теперь во многом зависит от того, насколько сфера услуг способствует подъему производительности труда в материальном производстве. Вместе с тем в самой сфере услуг эффективность труда и капитала часто определяется степенью внедрения постоянно обновляющихся ИКТ. Поставленный А. Смитом вопрос

о производительном и непроизводительном труде в рыночной экономике в конце XVIII в. требует новых ответов в начале XXI в.

Вместе с тем не укладывается в традиционный подход и оценка фаз воспроизводства — прежде всего производства и обращения. Современная сфера услуг такова по своей структуре, что не может быть целиком отнесена к сфере обращения. Значит, необходимы политэкономические критерии определения отраслей сферы услуг с точки зрения их роли в производстве стоимости и возрастании капитала. Объективное увеличение распространения фиктивного капитала также является следствием расширения сферы услуг и воздействия ИКТ. Значительное усложнение механизма воспроизводства капитала в национальном и мировом масштабах ставит перед политической экономией задачу разработки современной теории воспроизводства.

Роль человека, или человеческого потенциала в широком смысле, в последние десятилетия возрастает не в арифметической, а в геометрической прогрессии. На практической ниве человеческий труд неоспоримо доказывает свое главенство среди других современных факторов производства при прочих равных условиях. По своей значимости человек в действительности находится в основе экономической системы и в то же время является ее продуктом. И в информационную эпоху современное общество остается обществом наемного труда. Занятость на государственной службе разного рода и в частном секторе остается основным источником существования абсолютного большинства трудоспособного населения. В годовом доходе граждан развитых стран доля заработной платы и связанных с ней выплат колеблется от 60% до 70%. Налицо сочетание разных тенденций в прогрессирующем повышении значимости человека и трудового фактора в экономике.

С одной стороны, сокращается доля отраслей материального производства, где преобладает физический труд. С другой — неуклонно расширяется сфера услуг, растет значимость образования, профессиональной подготовки и непрерывного повышения квалификации работников, где преобладает умственный труд. Везде ценность работника резко возрастает, от каждого человека зависят реализация громадных материальных и финансовых ресурсов, скорость оборота капитала и его возрастания. Расширение использования умственного труда выдвигает на передний план интеллектуальную частную собственность, экономическая реализация которой во многом отличается от реализации собственности на материальные и финансовые факторы. Доказав свою важность как главного фактора производства в целом и в информационной экономике в частности, труд предопределил роль социальной сферы как основополагающего элемента стабильности

общества, устойчивости прогресса. До сих пор теория трудовой стоимости не рассматривала указанные явления, хотя косвенно они подтверждают растущую значимость человека, его труда. Теоретический потенциал политической экономии позволяет ей системно ответить и на этот вызов практики.

Устойчивость и адаптивность предмета

Развитие политической экономии самым непосредственным образом связано с развитием индустриальной рыночной экономики на протяжении более чем двух столетий. Непосредственным предметом изучения выступают отношения между людьми по поводу производства, распределения, обмена и потребления товаров или услуг. Поскольку все, что может распределяться, обмениваться и в конечном счете потребляться, сначала должно быть произведено, постольку и сопровождающие их отношения получили название *производственные*. В реальной жизни ни один человек не может обойтись без потребления, в то же время не все люди заняты в производстве товаров и услуг. Порой распределение или обмен могут приобретать главенствующее значение в экономике. Поэтому производственные отношения называют еще *экономическими отношениями*, которые и являются предметом политической экономии.

Понятие «*экономические отношения*» дает более общее представление о предмете, сохраняя его *суть* — *отношения между людьми* в связи с их взаимодействием с окружающей средой, природой. Экономические отношения предстают в двух формах — организационно-экономических и социально-экономических отношениях. Первые представляют отношения, обусловленные разделением труда, структурой управления и организации в компаниях, фирмах, предприятиях. Вторые выражают социальные интересы людей в зависимости от их положения как собственников, наемных работников, предпринимателей, других слоев населения, общественных групп и классов. В рыночной экономике такие отношения получают количественное измерение в *денежной* форме. Но не всякие денежные отношения могут быть предметом политической экономии, ибо в обществе многое становится объектом купли-продажи, не являясь при этом результатом экономической деятельности людей. *Если экономические отношения имеют денежную форму, то денежные отношения не обязательно становятся экономическими.*

Хотя рыночная экономика возникла на базе ручного физического труда, однако именно машинное производство не только сформировало адекватную рыночным принципам основу, но и создало базу для

научно-технического прогресса. Система машин формировала разделение труда внутри фабрики, завода, создавала новые отрасли и рынки в национальной экономике, предпосылки для растущей роли образования и превращения науки в непосредственную производительную силу. Машинное производство, унифицировав индивидуальные навыки работника, формально уравнило значимость основных факторов производства — труда, земли, капитала. Тем самым возникла реальная экономическая проблема — рациональное использование имеющихся ресурсов при существующих в каждый момент времени ограничениях.

Общее понятие предмета изучения в политической экономии с годами не изменилось. Поскольку происходят изменения в самой экономике, постольку расширяется и сфера экономических отношений. Все большую значимость приобретают в экономике услуги. Одновременно с этим процессом качественно новое звучание получила информация, которая на основе современных информационно-коммуникационных технологий оказывает существенное влияние на все фазы воспроизводства — производство, распределение, обмен, потребление. Воспроизводство услуг отличается от воспроизводства товаров, хотя в рыночной экономике сами услуги имеют внешние признаки товаров.

Если в XIX в. к основным факторам производства относились труд, земля и капитал, то сегодня к ним добавились услуги и информация. Если прежде национальная экономика представляла собой в основном отрасли материального производства, то теперь преимущественное значение приобрели отрасли сферы услуг и в особую отрасль выделилась информация.

В развитых странах мира современную экономику называют экономикой знаний, или экономикой, основанной на знаниях. Хотя во все времена без знаний и навыков не мог обходиться ни один работник, в последние десятилетия образование и наука, уровень квалификации работников стали предопределяющим фактором прогресса. Все это требует адаптации механизма функционирования к новым условиям развития экономики, выгодной для общества субординации интересов работников, предпринимателей и нации в целом. Эффективной такая субординация может быть только при активной роли государства, которое становится выразителем общественных интересов.

Процессы, происходящие в самой экономике, а также усложнение взаимосвязей экономики с другими сферами общественной жизни, число которых растет, не могут не влиять на предмет политической экономии. Между тем родовые признаки товаров, наемного труда, ка-

питала сохраняют свои характеристики и при современных модификациях рыночной экономики.

Динамизм метода

Специфика предмета политической экономии предопределяет ее метод. Предмет политической экономии — это экономические отношения людей в их воспроизводственной связи. Теория трудовой стоимости предполагает учет затрат труда как среднеобщественных, что означает ориентацию на общественный интерес. Методологически политическая экономия исходит из общественного интереса, который в современной литературе часто называют национальным интересом.

Поскольку теория трудовой стоимости выделяет человека, его труд как главный фактор производства, постольку условия труда, социальное положение работника здесь не уходят на второй план, а находятся в центре внимания. Вместе с тем по мере развития экономики возникает все больше опосредующих звеньев между первичными затратами труда и теми товарами или услугами, которые подлежат купле-продаже по ценам, воспринимающим влияние самых разных обстоятельств. В обыденной жизни объяснение многих современных экономических явлений с позиции трудовой стоимости требует немалых теоретических усилий и даже открытий, которые до сих пор еще не совершены. Сегодня это связано с возрастающей ролью умственного труда, интеллектуальной собственности и развитием отраслей сферы услуг.

Стало активно употребляться в деловой и научной литературе словосочетание «человеческий капитал», которое выражает, с одной стороны, растущие затраты на подготовку современного работника, а с другой — прямую зависимость величины таких затрат и возможностей отдачи как для самого работника, так и для бизнеса и общества [21]. Тем самым в современной экономике, основанной на знаниях, труд стал играть вновь первостепенную роль.

Если в мануфактурный период труд выделялся из других факторов производства из-за своей уникальности как ручной, физический труд, зависящий в значительной мере от опыта и навыков работника, то в современной информационной экономике уникальность и значимость работника напрямую не связаны с характером труда, а зависят от уровня его образовательной подготовки и полученной квалификации, требующей регулярного обновления.

Политическая экономия относится к общественным наукам, объектом изучения которых выступает человеческое общество. Экономика — основополагающая часть общества. Естественные науки

изучают природу и используют для этого микроскоп, лабораторные и иные опыты и испытания, проводят разнообразные эксперименты. Для изучения экономики такие методы не подходят. Экономическая жизнь означает одновременное взаимодействие громадного числа людей, множества различных факторов. Чтобы исследовать этот предмет и построить теорию экономических отношений людей, политическая экономия использует *метод научной абстракции*.

Нередко абстрагирование понимается как отрыв от реальности, а сами абстракции — как плоды чистого мышления, целиком определяемые любым исследователем. Отличие научных абстракций от других состоит в том, что каждая такая абстракция отражает какую-либо конкретную сторону предмета исследования. И в этом смысле абстрактное выступает как конкретное, часть или сторона целого. Это обстоятельство накладывает и определенные ограничения для абстрактного в политической экономии — ни одно абстрактное понятие не должно терять связь с предметом изучения. Применительно к рыночной экономике к самой глубокой абстракции относится товар, который, во-первых, представляет всю совокупность товаров на рынке и, во-вторых, аккумулирует специфику именно производственных, экономических отношений рыночного хозяйства.

Если принять за абстрактное труд как один из факторов, создающих товар, то мы теряем непосредственную связь с рыночной экономикой, так как труд свойствен и другим типам хозяйства. Вот почему пределом абстрагирования в политической экономии является именно товар.

Как научная категория политической экономии товар безлик, безразличен ко множеству реальных товаров. Но при этом сама категория товара позволяет понять и разобраться в любом конкретном товаре, представленном на рынке. В научном поиске происходит движение от абстрактного к конкретному, вплоть до выяснения экономической природы любых явлений рыночного хозяйства, с которыми сталкивается человек.

Как и другие науки, политическая экономия оперирует категориями, имеющими однозначное толкование. Другими словами, политическая экономия опирается на свою систему координат, в которой любая сторона рыночной экономики имеет свое место, получает свою характеристику. В результате формируется соответствие между системой категорий политической экономии и системой рыночной экономики.

Метод научной абстракции позволяет исследователю раскрыть в каждом явлении его *сущность*, постепенно по отдельным частям вос-

становливать всю характеристику рассматриваемого предмета, т. е. использовать свойство *индукции*. Или наоборот, разложить на составляющие элементы целое явление, используя *дедукцию*. Если в теоретическом анализе абстрактное и конкретное разделены, то в действительности взаимосвязь *абстрактное — конкретное — абстрактное* не прерывается ни на мгновение. Этот процесс получил название *восхождение от абстрактного к конкретному*. В дополнение к этому использование в исследовании оптимального сочетания движения от частного к общему (*индукция*) и от общего к частному (*дедукция*), а также выявление существующих противоречий и путей их преодоления в процессе развития составляют основу диалектического метода.

Рыночная экономика развивается уже ни одно столетие. За это время появилось немало новых явлений, ушли в историю отжившие события, факты, технологии. Все это не могло не сказаться на системе категорий политической экономии, которая тоже не стояла на месте. Научный характер политической экономии состоит в том, что ее категориям чужд догматизм.

Метод научной абстракции, а также подход к динамике рыночной экономики как к историческому прогрессу не позволяют консервировать теоретическую систему политической экономии, которая, опираясь на базовые принципы рыночного развития, отражает новые явления и тенденции в своих категориях и взаимосвязях.

В экономических исследованиях для определения количественных взаимосвязей широко применяется математика. Среди естественных и общественных наук математика выделяется своим своеобразием, которое опирается на высочайший уровень абстракции как в категориальном аппарате, так и в предмете изучения. Математические абстракции — это абстракции особого рода. Они не имеют прямого отношения к *конкретному*. Они взаимосвязаны только в системе математических координат различного вида. Сами по себе математические величины и их взаимосвязи нейтральны к категориям любой науки, что и создает возможность для широкого применения математики. Известно, к примеру, как цифровые методы стали основой современных информационных технологий, которые в свою очередь нашли повсеместное распространение.

Количественные характеристики в экономике имеют важнейшее значение. В политической экономии выделению количественных параметров, как правило, предшествует содержательный, или качественный, анализ. Поскольку экономические отношения как предмет изучения имеют свою специфику, постольку использование математического аппарата сопровождается определенными предпосылками, которые,

с одной стороны, призваны ограничить число переменных величин, а с другой — найти наиболее подходящее для конкретной хозяйственной ситуации математическое выражение — функцию, модель, формулу и т. п.

В таком случае математически описывается какая-то часть или какая-либо отдельная функция экономической системы. Причем выбор предмета анализа зависит от исследователя, который и вводит данные предпосылки. Поэтому все выводы и заключения, полученные на базе математического аппарата, имеют свое значение только для оговоренных условий.

Математический аппарат позволяет добиться количественной определенности при безразличном отношении к социальному содержанию экономических отношений и при игнорировании интересов субъектов этих отношений. Это является результатом абстрактного характера самого математического аппарата, который выступает универсальным инструментом анализа, применяемым в разных науках. Субъективный подход исследователя, усиленный математическим абстрагированием, приводит к тому, что любые явления рыночной экономики (товар, деньги, доход, прибыль и т. д.) представляются на уровне обыденного восприятия и получают часто не взаимосвязанные и не взаимообусловленные определения. Такие определения удобны для принятия операциональных решений на практике, но не всегда формируют целостнее восприятие рыночной экономики или даже отдельного ее явления.

Надо ясно понимать, в чем состоят возможности математического инструментария в политической экономии. Для исследователя, предпринимателя и просто работника значимость количественных взаимосвязей велика, но еще более важным является содержательная обусловленность тех или иных количественных параметров на разных уровнях — домохозяйства, фирмы, отрасли, национальной или мировой экономики. Такую картину можно получить, если стремиться объединить все методы политической экономии в экономическом исследовании.

Без знания экономических законов не обойтись

Жизнь современного общества и его экономики базируется на национальном законодательстве. Юридические законы распространяются на все сферы жизни — политику, экономику, семью, экологию и др. Они формулируют права и обязанности гражданина, собственника, предпринимателя, корпорации, партии, общественной организации, государства в целом. Существует механизм исполнения законов, опи-

рающийся на равенство всех перед законом, открытость и гласность судебного разбирательства. Хозяйственное, или деловое, право содержит целый комплекс законов, обеспечивающих функционирование экономики — защиты прав собственности, конкуренции, коммерческой тайны, окружающей среды, потребителя, налогообложения, рынков, формирования и исполнения федерального, региональных и местных бюджетов.

Вместе с тем рыночная экономика имеет собственные, присущие только ей законы, по которым она функционирует и развивается. Такие законы не оформляются юридически, они действуют объективно, выражая *типичные, устойчивые, повторяющиеся причинно-следственные связи и зависимости и определяя главное направление развития*. Проявление таких законов происходит в виде господствующей тенденции, а не в отдельном событии или явлении. Действие экономических законов происходит через отношения между людьми. Ситуация рыночной экономики диктует людям определенное поведение в сфере производства, распределения, обмена и потребления товаров и услуг. Если человек осознает и понимает действующий экономический закон, то он может достигнуть своей цели. Наоборот, когда он игнорирует сложившиеся тенденции, то конкуренция выталкивает его из рыночной среды, он терпит убытки или полное фиаско.

Экономические законы действуют в каждой сфере рыночного хозяйства и во всех фазах воспроизводства, на микро- и макроуровнях. Есть экономические законы и на отдельных рынках, и в отраслях. Системе рыночного хозяйства соответствует система экономических законов. Чтобы познать экономические законы, надо изучить сферу их действия, выявить тенденции рыночного развития.

Экономические законы реализуются практически, а открываются теоретически. Формулировки правовых актов содержатся в юридических документах, а определения экономических законов — часть экономической теории. Среди всей совокупности экономических законов теория выделяет основной закон, который либо определяет вектор развития, либо стержень функционирования рыночной экономики.

Как уже отмечалось, классическая политическая экономия строится на базе теории трудовой стоимости. Развивая эту теорию, марксистская политическая экономия определяет основным экономическим законом капиталистической рыночной экономики *производство прибавочной стоимости*. Неоклассическая теория исходит из равнозначности факторов производства, обращая внимание на механизм *функционирования* рыночной экономики. Поэтому главное здесь

— обеспечение равновесия на рынке, что определяется *законом спроса и предложения*.

Как видно, исходные методологические позиции разных ветвей экономической теории приводят к различному обозначению основных экономических законов рыночной экономики. Реальная действительность имеет и те, и другие тенденции, которые и дают полную картину рыночного развития. В системе координат политической экономии закон спроса и предложения тоже имеет место, определяя отклонение рыночной цены от стоимости товара или услуги. А в системе координат экономикса производство подчинено рынку, поэтому все внимание обращается на динамику цен, которая как раз зависит от соотношения спроса и предложения. Если политическая экономия пытается проникнуть в сущность явлений и выявить их субординацию и взаимозависимость, то экономикс предпочитает анализировать явления таковыми, как они представлены в каждодневной жизни. Для рационального (с точки зрения домохозяйства или предпринимателя) использования ограниченных ресурсов такой подход оказывается достаточным, легко усваиваемым и применяемым в практике бизнеса.

«Новая политическая экономия»

Ни одна национальная экономика не может обойтись без активной роли государства. Государственная экономическая политика способна как тормозить, так и ускорять экономический рост, формировать единое национальное экономическое пространство. Экономически сильное государство выступает своеобразным гарантом рыночного развития, обеспечивает защиту всем участникам воспроизводственного процесса.

Между тем значительная часть деятельности государства, да и оно само, в рыночной системе относится к сфере политики. Государственные деятели получают власть через периодические выборы. Это уже политические отношения, которые формируют так называемый политический рынок, который все больше влияет на экономику, сам по себе являясь неэкономическим фактором. Политический процесс вовлекает большие денежные ресурсы. Все это способствует тому, что экономикс начал изучать также эту сферу общества. Принцип рационального использования ограниченных ресурсов перенесен в политические отношения и такой экономикс получил название политический [22]. Другим названием политического экономикса стал термин «политическая экономия», или *новая политическая экономия* [23].

Новая политическая экономия взяла от традиционной, классической политической экономии только название, придав термину «по-

литическая» его буквальный смысл, т. е. относящийся к политической сфере. Сам факт включения политики в предмет изучения экономика означает, во-первых, растущее влияние политики на экономику и, во-вторых, все большее распространение денежных отношений в сфере политики.

Как видно, в рыночной экономике не только экономические отношения имеют денежную форму. Денежная оценка так или иначе распространяется на различные сферы и самые разные отношения людей. Однако от этого суть экономических отношений не изменяется, хотя и возникает предмет изучения для междисциплинарных дисциплин. В этом смысле *новая политическая экономия есть теория, реализующая экономические методы для исследования сферы политики*. Поскольку в этой сфере исследуется взаимодействие частных и общественных интересов, постольку новая политическая экономия выступает своеобразным союзником политической экономии.

В ведущих университетах США и Европы в конце XX в. вновь начали преподавать политическую экономию как междисциплинарный курс, в котором делается упор на системное видение развития национальной и мировой экономики с позиции государственного деятеля высшего уровня или руководителя транснациональных компаний [24]. Комплексное рассмотрение современных проблем, выявление роли неэкономических факторов на экономическое развитие оказались невозможными без политико-экономического (в данном случае с позиции общенациональных интересов) подхода. В этом также выражается стремление оптимизировать взаимосвязи частных и общественных интересов. Опыт развитых стран свидетельствует о том, что реализация частных интересов возможна до тех пределов, пока это не противоречит общественным интересам, гарантирующим национальную безопасность в конкурентном мире. Не забывая упоминать А. Смита и даже К. Маркса, университетские курсы все же далеки от классической политической экономии. При этом учебные курсы предпочитают название «политическая экономия», обходясь без дополнительного, освежающего определения «новая».

Между тем новая институциональная теория, опирающаяся на методологию экономика, нередко претендует использовать сочетание «новая политическая экономия».

Неудовлетворенность распространенными в развитых странах методами экономического анализа породила так называемую неортодоксальную политическую экономию, которая примыкает к другим неортодоксальным экономическим теориям. Ни одно из возникающих научных направлений не отменяет и не заменяет политической эконо-

мии в ее историческом понимании, а лишь пытается по-своему реагировать на современные вызовы экономического развития, своеобразно дополняя политическую экономию.

Сложная экономика — сложная теория

Четырехсотлетняя история политической экономии отчетливо свидетельствует о том, что она, дав старт развитию экономической теории и составив ее основу, не покрывает своими категориями все стороны, аспекты и грани объекта исследования — экономики. Отражая систему экономики, система категорий и законов политической экономии не ограничивает другие теоретические подходы к изучению отдельных сторон и функциональных взаимосвязей в экономике. Поэтому в рамках экономической теории сосуществуют без права на научный монополизм политическая экономия, экономикс, институционализм, эволюционная теория, поведенческая экономика, другие направления и школы. Усложнение современной экономики и углубление общественного разделения труда способствуют появлению и развитию отраслевых и функциональных экономических теорий.

Объективность возникновения и развития политической экономии и других частей экономической теории не исключает отражения тех или иных экономических интересов различными теоретическими подходами. Однако опыт развитых стран и в XXI в. показывает, что любые теоретические постулаты, в конечном счете, отвергаются хозяйственной практикой и экономической политикой, если они противоречат общенациональным интересам. Тем самым воочию подтверждается актуальность общественного методологического подхода, свойственного политической экономии, которая продолжает отражать экономический и творческий потенциал человечества. Системные проблемы требуют системных решений.

Литература

1. World Economic Outlook (October 2015). Wash.: IMF, 2015.
2. Гловели Г.Д. Исторические лабиринты политической экономии: заметки по поводу неочевидного юбилея // Вопросы политической экономии. 2015. № 1.
3. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2007.
4. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное. М., 2009.

5. *Пороховский А.А.* Мудрость и энергия политической экономики: проверено столетиями // МАНЕКО, Bratislava. 2015. № 2.
6. *Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23 — 25.
7. *Джевонс У.С.* Об общей математической теории политической экономики. Теория потребительского поведения и спроса. Серия «Вехи экономико-математической теории». Вып. 1 / Под ред. В.М. Гальперина. СПб., 1993.
8. *Менгер К.* Основания политической экономики. Избранные работы. М., 2005.
9. *Вальрас Л.* Элементы чистой политической экономики, или Теория общественного богатства. М., 2000.
10. *Маршалл А.* Основы экономической теории. М., 2007.
11. *Samuelson P.* Economics. N.Y., 1948.
12. *Шторх А.К.* Курс политической экономики. М., 1815.
13. *Чупров А.И.* Курс политической экономики. М., 1883.
14. Политическая экономия: Учебник / Под ред. К.В. Островиянова. М., 1954.
15. Курс политической экономики / Под ред. Н.А. Цаголова: В 2 т. Т. 1. Досоциалистические способы производства. Т. 2. Социализм. М., 1973—1974.
16. Политическая экономия: Учебник / Под ред. В.А. Медведева. М., 1988.
17. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. М., 2015.
18. *Пороховский А.А.* Мир перемен без перемен // Мир перемен. 2015. № 4.
19. *Роговский Е.А.* Кибер-Вашингтон: глобальные амбиции. М., 2014.
20. Output Measurement in the Service Sectors / Zvi Griliches (ed.). Chicago: The University of Chicago Press, 1992.
21. «Человеческий капитал» и образование / Под ред. В.Н. Черковца, Е.Н. Жильцова, Р.Т. Зяблюк. М., 2009.
22. Политическая экономия России: динамика общественного договора в 2000-х годах / Сост. А.А. Аузан, А.В. Золотов, А.А. Ставинская, В.А. Тамбовцев. М., 2010.
23. *Persson T., Tabellini G.* Political Economics (Explaining Economic Policy). Cambridge, Mass; London, England: The MIT Press, 2000.
24. *Пороховский А.А.* Эволюция рыночной экономики в зеркале политической экономики // Российский экономический журнал. 2008. № 1 — 2.

В.М. КУЛЬКОВ

**Теоретическое отражение национальной экономики:
роль философии хозяйства**

Аннотация. В статье анализируется влияние философии хозяйства на развитие неортодоксальной линии экономической теории; подчеркивается особое значение этого влияния на политическую экономию; раскрываются содержание национально ориентированного подхода в экономической теории и его актуальность; показывается благотворное взаимовлияние теории национальной экономики и философии хозяйства.

Ключевые слова: философия хозяйства, экономическая теория, политическая экономия, теория национальной экономики.

Abstract. In the article the influence of the philosophy of economy on the development of heterodox economic theory is analyzed. The special significance of this impact on the political economy is underlined. Content of the national-based approach in economic theory and its relevance is revealed. The beneficial interaction between theory of the national economy and the philosophy of economy is shown.

Keywords: the philosophy of economy, economic theory, political economy, theory of the national economy.

Отмечающий свое 25-летие Центр общественных наук при МГУ вместе с лабораторией философии хозяйства и журналом «Философия хозяйства» сыграли важную роль в развитии отечественного обществоведения, включая экономическое знание, которому в данной статье уделяется приоритетное внимание. Особенно, если учитывать ту сложную атмосферу, в которой оказалась отечественная экономическая наука на рубеже 1990-х, в 1990-е, да и в последующие годы. Именно тогда встал вопрос: заниматься лишь ретрансляцией сложившихся на Западе научных направлений и учебных методик (чем занялось тогда большинство ученых-экономистов и что активно внедрялось и поощрялось) или отыскивать другие направления, отражающие и особенности национального экономического мышления, и научно-образовательные традиции, и весь комплекс национально-специфических условий, присущих России. И философия хозяйства в рамках упомянутого Центра сумела собрать единомышленников, которые стали развивать альтернативное направление, участвуя, по сути, в формировании неортодоксальной линии социально-экономической

науки в России. Можно сказать, что философия хозяйства — один из немногих самоценных и самобытных, оригинальных результатов современной отечественной мысли, хотя, конечно, не стоит забывать того, что она опиралась на историческое наследие С.Н. Булгакова (но это, прямо скажем, свое национально-духовное, интеллектуальное наследие).

Крайне важно и то, что философия хозяйства, помимо своей собственной предметной задачи, подпитывает и обогащает другие альтернативные мейнстриму направления. Прежде всего — политическую экономию, помогая ей выйти из того периферийного поля, куда оттесняет ее мейнстрим, и из того узкоэкономического поля, куда ее нередко подталкивали сами радетели чистоты предмета политэкономии, в котором, по их мнению, не должно быть ничего, кроме производительных сил и производственных отношений. Политэкономы, сумевшие вобрать в себя потенциал философии хозяйства, расширяют свой предмет за счет цивилизационных начал, факторов неэкономического характера, междисциплинарных соприкосновений — и тем самым открывают новые возможности политэкономического анализа. Такая подпитка очень важна для развития политэкономии, способна придать ей новое, недостающее дыхание.

Политэкономия, отметившая в 2015 г. свое 400-летие, нуждается в новых импульсах.

Во-первых, она может расширить действие своего арсенала в общем пространстве самой экономической теории. Здесь видится немало полей для приложения сил политэкономов. Стоит назвать некоторые из них.

В период обострения кризисных процессов в современной экономике важную объяснительную и практическую роль могла бы сыграть идущая из недр политэкономии воспроизводственная трактовка кризисов. Известное представление политэкономии о капитале как выражении социально-экономического господства позволяет раскрыть картину современных социальных противоречий, понять содержание утвердившейся в мировых масштабах гегемонии «глобального капитала». Политэкономия могла бы представить современную долговую экономику как специфическую сферу мультипликации фиктивного капитала. Инструментарий давно известной в политэкономии теории земельной ренты мог бы быть задействован при объяснении столь распространенного (особенно в России) ренто-ориентированного поведения. Хорошую подсказку для оценки характеристик современного «общества потребления» могла бы дать политэкономическая концепция товарного фетишизма с ее акцентом на «овеществление» экономи-

ческих отношений. Большие возможности открываются при объяснении экономических деформаций и широко распространившихся в современной общественной жизни всякого рода «симулякров» через призму известной из политэкономии идеи «превращенных форм». И таких примеров и сфер перспективного приложения сил политэкономов можно было бы найти немало.

Но политэкономия, во-вторых, способна реализовать себя и через экспансию во внешние сферы — это то, что можно было бы назвать «политэкономическим империализмом». Но для этого она должна смелее выходить на новые поля, которыми ранее пренебрегала, высокомерно считая их предметом других наук, кичась своей настойчивостью в борьбе за чистоту своего предмета и тем самым проигрывая здесь активному и масштабному наступлению неоклассического «экономического империализма». Для преодоления укрепившейся за многие годы в политэкономии закомплексованности следует больше внимания уделять междисциплинарным вопросам, уходить от узкоэкономического подхода, учиться использовать свой инструментарий для анализа разных сфер жизни, и здесь для политэкономии будет очень кстати внешняя (междисциплинарная) подпитка — в том числе от философии хозяйства.

Возьмем для примера проблематику «пространственной экономики», связанную с признанием особой роли географического (территориального) фактора. Мейнстрим сумел войти в эту сферу, вроде бы традиционно принадлежавшую конкретно-экономическим отраслям знания. В итоге возникли «новая экономическая география», концепции пространственной конкуренции, пространственного экономического равновесия и т. п. Политэкономы же здесь молчали, забыв даже о теоретическом потенциале учета фактора местоположения в концепциях земельной ренты, представленных в классической и марксистской политэкономии. Между тем для политэкономии здесь открывается широкий фронт работы — и в особенности в части трактовки «единого экономического пространства» через призму исповедуемого ею системного подхода. Тут возникают такие интересные для политэкономов вопросы, как время и пространство в экономике, однородность и пространственная модификация экономических отношений, плотность и насыщенность этих отношений на разных территориях, пространственная целостность и устойчивость национального воспроизводства, соотношение разных пространств (глобального, регионального, национального, местного и др.) и т. п. В целом появляются основания для конституирования пространственного ракурса экономической теории (см.: [1, 75 — 83]), надо прямо сказать, слабо представленного в по-

следней в отличие от временного ракурса. Развитие как указанной, так и других подобных ей характеристик (а среди них цивилизационные, социокультурные и другие, более предметно близкие философии хозяйства) позволили бы политэкономам выйти на важные и значимые выводы.

Все это свидетельствует о том, что «политэкономический империализм» мог бы принести богатые плоды. И в этом расширении координат анализа, более широкого взгляда на мир политэкономам очень могут помочь импульсы, идущие именно от философии хозяйства.

Особо следует выделить направление, с которым может наиболее плодотворно взаимодействовать философия хозяйства, — это теория национальной экономики (в другой терминологии — «национальная политэкономия», по Ф.Листу, или просто «национально ориентированный подход» в экономической теории).

В наиболее общем виде смысл этого подхода заключается в необходимости учета и теоретического отражения всей совокупности национально-специфических условий, присущих стране. Базовой характеристикой такого подхода выступает не просто стандартная экономическая система, а национальная экономическая система [2, 62 — 63], которая с самого начала берется в единстве с присущими стране национальными условиями: экономическими и неэкономическими факторами, жизненно необходимыми целями национального развития.

Понятна забота о чистоте предмета и о научном принципе универсализма, проявляемая многими политэкономом. Но нельзя уходить в крайность, закрывать глаза на реалии и особенности национальной экономики. Ретивая настойчивость в борьбе за «чистоту» теории, фанатичная приверженность универсалистским системам и законам могут способствовать тому, что при «торжестве» универсалистских законов в их приложении к национальной действительности произойдет подрыв устойчивости и безопасности страны и ее хозяйства. Такова возможная цена высокомерного невнимания к своеобразию национальной экономики и к его адекватному научному отражению.

Национально ориентированный подход в экономической теории в современных условиях актуален и востребован, что особенно выпукло проявляется в следующих аспектах.

Первый аспект отражает произошедшее усложнение мировых реалий, противоречивость и цивилизационное разнообразие современности. Под воздействием реальных процессов начинает затухать чрезмерный оптимизм относительно устойчивости мирового глобального порядка, налицо — появившиеся провалы глобализации, обострение противоречий между национальными и глобальными параметрами

развития, что, в частности, нашло свое отражение в росте числа «евроскептиков».

Другой аспект демонстрирует чисто российскую необходимость формирования адекватной национальной экономической системы страны. Экономические сложности России, усилившиеся с 2014 г., грубое давление, оказываемое сейчас Западом на Россию, объективно заставляют уделять повышенное внимание к национальным факторам развития, к специфике национального воспроизводства, к безопасности экономики страны, к поиску возможностей импортозамещения и усиления самодостаточности национального хозяйства. Какая система экономики наиболее соответствует этим характеристикам и обладает при этом высокой эффективностью — этот вопрос стал для современной России сверхактуальным, а, по сути, вопросом самовывживания.

Еще один аспект связан с самой сферой экономической теории. Все более слышны критические оценки со стороны желающих видеть ее практически более осязаемый потенциал и преодоление отрыва от реальности. Звучат все сильнее призывы к созданию «корректной экономической теории» или к «развороту к реальности», а ведь национальная хозяйственная жизнь — это и есть наиболее очевидное выражение экономической реальности.

Можно утверждать в итоге, что национально ориентированный подход востребован сегодня по целому ряду причин, и он может быть предметно реализован в рамках возрождения того направления, которое когда-то получило название «национальной системы политической экономии» (кстати, в 2016 г. исполняется 175 лет со дня выхода в свет книги Ф. Листа под одноименным названием, ставшей своего рода исходным кредо указанного подхода в экономической теории). Такие попытки предпринимаются и в наше время, и даже возник термин «новая национальная экономическая теория», который, как представляется, отражает еще одну самобытную линию развития отечественной экономической мысли (наряду с философией хозяйства и теорией трансформационных процессов).

Выделение теории национальной экономики (в более понятной форме — «экономической системы России») в качестве относительно самостоятельной части экономической теории можно было бы считать наиболее концентрированным и комплексным способом выражения национально ориентированного подхода в экономической теории и экономическом образовании. К сожалению, попытки девальвировать это направление весьма велики, касается ли это учебных курсов, исследовательских грантов или ваковских специализаций. Складывается впечатление, что жизнь, остро востребовавшая ныне, как было показа-

но выше, усиления национальной ориентации, идет одним путем, а учебно-научные реалии — другим путем. Впрочем, подобного рода дихотомии — не редкость для России, имея в виду, прежде всего, слабую адекватность проводимой экономической политики стратегическим целям национального развития.

Теория национальной экономики, как она была представлена здесь, и философия хозяйства дополняют и развивают друг друга.

Философия хозяйства дает теории национальной экономики широту координат, междисциплинарность подхода, раскрывает метасмыслы экономического бытия, формирует определенное духовно-интеллектуальное поле экономического анализа. Она предотвращает уход этой теории, с одной стороны, в политэкономическую ортодоксию, а с другой стороны, в национально-хозяйственную эмпирию (чем отчасти страдала в свое время немецкая историческая школа).

Но есть и обратное благотворное влияние, поскольку, в свою очередь, теория национальной экономики предотвращает философию хозяйства от опасности ухода в схоластическое теоретизирование, когда бытовавшая в свое время абстрактно-логическая схоластика сменится схоластикой трансцендентальности, софийности как таковых. Но это может быть преодолено именно выходом философии хозяйства на проблематику национальной экономики, на российский контекст жизни. И, как представляется, именно во взаимодействии этих двух направлений во многом состоит залог теоретических и практических успехов российской экономической мысли. К этому следует добавить и то, что указанное взаимодействие усиливает фундаментальность экономического образования (см.: [3, 8 — 16]). Последнее не может быть сведено к подготовке рафинированных экономистов-прикладников, не может исходить только из узкопрагматических критериев и ориентироваться лишь на внешние (зарубежные) образцы. Российские университеты (по крайней мере, ведущие) должны готовить таких экономистов, кто не просто освоил современные экономические знания и компетенции, но и приобрел фундаментальную подготовку, системный подход, междисциплинарный взгляд, мыслит в определенных социокультурных координатах, дорожит отечественными общественными и научно-образовательными традициями, умеет сочетать универсальные знания со спецификой России и с ее национальными интересами.

Литература

1. Евразийская интеграция: геостратегический аспект / Под ред. Ю.М. Осипова, А.Ю. Архипова, Е.С. Зотовой. М., 2014.
2. *Кульков В.М.* Национальная спецификация экономических систем // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6: Экономика. 2014. № 4.
3. Фундаментальность университетской подготовки экономистов: роль экономической теории / Под ред. К.А. Хубиева, М.Ю. Павлова. М., 2011.

Г.А. АХИНОВ, К.А. ЗИМАРИН

Вопросы формирования в Европейском Союзе региональной финансовой системы

Аннотация. Статья посвящена вопросам формирования региональной финансовой системы в условиях европейской интеграции. В частности, рассмотрены важнейшие этапы ее создания, дано определение и показаны основные тенденции в ее дальнейшем развитии. Особое внимание уделено деятельности Европейского центрального банка (ЕЦБ), а также вопросам, связанным со становлением и формированием единого европейского фондового рынка еврооблигаций и развитием в Еврозоне платежных систем. В статье обозначена роль национальных финансовых подсистем в современном интеграционном процессе в Европе, что в условиях формирования в ЕС единого экономического и социального пространства связано с унификацией политики в сфере бюджетных доходов и расходов.

Ключевые слова: региональная финансовая система, двухуровневая модель европейской финансовой системы, Европейский центральный банк (ЕЦБ), Евросистема.

Abstract. In the article entitled the definition of the «regional financial system». The authors considered four basic stages of formation the two-level model of the European financial system and the trends of its further development. Special attention is paid to the activities of the European Central Bank (ECB), and also the formation of a single European stock market (Eurobonds) and development of the Eurozone payment systems. The article outlines the role of the national fiscal subsystems in the integra-

tion process in the EU that relate to issues of harmonization of policy in the sphere of budget revenues and expenditures.

Keywords: regional financial system; the two-level model of the European financial system; the European Central Bank (ECB); the Eurosystem.

Вхождение Европейского Союза в новую фазу развития, его продвижение на восток и юг Европы, расширение его влияния предполагают особое внимание рассмотрению и анализу как позитивных, так и негативных аспектов состояния европейской экономики. Следует подчеркнуть, что основополагающим аспектом экономической интеграции в рамках ЕС является интеграция финансовых рынков, что стимулирует развитие национальных рынков капитала и обеспечивает предприятиям доступ к финансовым ресурсам. Актуальность проблемы изучения вопросов, связанных с формированием региональных финансовых систем, определили выбор темы исследования, целью которого стало изучение экономической природы явлений, особенностей, форм, методов и результатов формирования европейской финансовой системы.

По результатам проведенного исследования нами был сформулирован ряд положений, которые можно разделить на четыре группы. К первой группе относятся положения, связанные с разработкой концептуальных основ и выделением основных этапов формирования в ЕС региональной финансовой системы, которая представляет собой необходимое средство проведения общей экономической политики. Данная система включает в себя органы управления, регламентирующие конкретный порядок формирования финансовых ресурсов, их распределение и использование. Движение финансовых потоков в рамках европейского экономического пространства обеспечивается интенсивно функционирующей системой рынков и развитой инфраструктурой, которая использует передовые технологии и инновации.

Особо хочется подчеркнуть, что в контексте европейской экономической интеграции и формирования еврозоны представляется целесообразным ввести понятие «региональная финансовая система» применительно не к субфедеральному, а к наднациональному уровню, охватывающему определенную тесно интегрированную группу стран на общем для них экономическом и социальном пространстве. Региональная финансовая система — это совокупность рынков и институтов денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики, которые обеспечивают функционирование финансовых активов, что предполагает

проведение структурной, антиинфляционной, социальной, конъюнктурной политики и политики в области валютного регулирования. Европейская региональная финансовая система в процессе своего формирования обрела достаточно четкую организационную форму и институциональную структуру, строго закрепленную официальными межгосударственными договорами и юридическими соглашениями, которая поддерживает ее устойчивое развитие и непрерывное интенсивное взаимодействие с другими подсистемами и сегментами экономики. Поэтому институциональная структура европейской финансовой системы включает в себя не только межгосударственные и государственные институты (центральные банки, международные финансово-кредитные организации, различные фонды), но и негосударственные финансово-кредитные учреждения, компании со смешанным участием. Среди глобальных финансовых институтов прежде всего отметим МВФ, который призван содействовать «международному сотрудничеству в валютной сфере, а также в обеспечении экономической и финансовой стабильности государств-членов» [1, 21].

Используя набор инструментов денежно-кредитной политики, наднациональные органы ЕС в краткосрочном или среднесрочном периодах стремятся к достижению макроэкономического равновесия. При этом они оказывают воздействие на уровень и динамику инфляции, инвестиционную активность, способствуют экономическому росту, регулируют денежное обращение и обеспечивают экономических агентов кредитными ресурсами, а также стабильность валюты и банковское обслуживание платежного оборота. В рамках бюджетно-налоговой политики национальные правительства собирают налоги и расходуют средства государственного бюджета для регулирования уровня деловой активности, решают задачи обеспечения устойчивого экономического роста, реструктуризации экономики через механизмы структурной политики либо посредством поддержания платежеспособного спроса через конъюнктурную политику. Важной частью бюджетно-налоговой политики является социальная политика.

В рамках проведенного исследования раскрыта историческая обусловленность европейского интеграционного процесса. Выделено четыре этапа формирования в ЕС региональной финансовой системы. На первом этапе (с 1947 г.) 17 западноевропейских стран подписали соглашение о Европейском платежном союзе и образовали зону свободной торговли. На втором этапе в Риме (с 1957 г.) был подписан договор об образовании Европейского экономического сообщества (ЕЭС), который был поэтапной программой экономической и валют-

ной интеграции. На третьем этапе был подготовлен проект создания Экономического и валютного союза (ЭВС с 1989 г.), большинство стран — членов ЕС перешли на единую валюту евро, что привело к созданию еврозоны и двухуровневой модели региональной финансовой системы.

Модель европейской финансовой системы предполагает, что часть стран — членов ЕС, образовав валютный союз и делегировав наднациональным институтам полномочия на проведение кредитно-денежной политики, перешли на единую валюту и вошли в еврозону. Вошедшие в еврозону страны — члены ЕС должны осуществлять согласованную бюджетно-налоговую политику. Вторая группа стран — членов ЕС, которые не вошли в еврозону, должны проводить согласованную с ЕЦБ кредитно-денежную политику, но сохраняют за собой право на реализацию относительно независимой бюджетно-налоговой политики.

В ходе проведения исследования особое внимание было уделено анализу современного этапа интеграции, который характеризуется усилением наднациональной составляющей в макроэкономических инструментах и методах регулирования, а также явным обострением внутренних противоречий модели европейского объединения. Подписание Лиссабонского договора (2007) — начало четвертого этапа. По этому договору усиливалась роль наднациональных институтов: к их компетенции отнесены вопросы функционирования таможенного союза, внутреннего рынка, монетарной политики стран — членов еврозоны, общей коммерческой политики и т. д.

Являясь частью мировых финансов, региональная финансовая система должна находиться в тесном взаимодействии и взаимосвязи с различными национальными финансовыми системами, внешними по отношению к ней. При этом регулирование региональной финансовой системы осуществляется как с помощью рыночных (экономических, косвенных) механизмов, так и нерыночными (административными, прямыми) методами.

На наднациональном уровне к административным методам относятся прежде всего механизмы контроля над доходами, ценами, учетными ставками, налогами, квотирование, лицензирование, оказание финансовой помощи, выделение субсидий, различные формы целевого и проектного финансирования.

К рыночным механизмам регулирования относится проводимая наднациональными органами власти политика в области денежно-кредитных, валютно-финансовых, внешнеэкономических отношений.

Для характеристики европейской региональной финансовой системы большое значение имеет ее взаимодействие с национальной финансовой системой США. Данное взаимодействие носит характер не только сотрудничества, но и конкуренции европейских банков и финансовых компаний с их американскими коллегами. Ярким примером и наглядным следствием такой конкуренции является дискуссия в Европе и США по поводу внедрения новых стандартов Базельского комитета по банковскому надзору («Базель III»). При этом важно отметить, что в условиях современной глобализации для эффективного и устойчивого развития финансовых отношений необходимо дальнейшее усиление соответствующих рыночных институтов [2].

В эпоху глобализации, которая обуславливает, по мнению А.Т. Богомолова, прежде всего активно растущую взаимозависимость и взаимосвязь стран, экономик, культур и народов [3, 13], мир трансформируется в целостную экономическую систему. И в этой экономической системе национальные хозяйства постепенно становятся составными элементами единого всемирного экономического организма [4, 4].

Вторая группа рассматриваемых вопросов связана с анализом деятельности Европейского центрального банка и его ролью в консолидации европейского экономического пространства. Он является главным институтом, ответственным за проведение кредитно-денежной и валютной политики ЕС, опирающимся на Европейскую систему центральных банков (ЕСЦБ), включающую в себя национальные центральные банки стран — участниц ЕС. ЕЦБ осуществляет мониторинг и анализ экономической ситуации в еврозоне, ЕС и остальном мире, разрабатывает и реализует денежно-кредитную политику, проводит валютные операции в отношении третьих стран, хранит международные ликвидные резервы стран ЭВС и управляет ими, способствует бесперебойному функционированию платежных и расчетных систем. При реализации кредитно-денежной политики ЕЦБ оценка перспектив ценовой динамики дополняется информацией о движении денежной массы и такими характеристиками хозяйственного развития, как динамика заработной платы, обменных курсов, цен на долгосрочные государственные облигации, показателей производственной активности и потребительского спроса, индексы цен и издержек производства, изменение налоговых ставок.

Совет управляющих ЕЦБ определяет единую денежно-кредитную политику, которую реализуют национальные центральные банки. В основном для проведения денежно-кредитной политики ис-

пользуются те процедуры и инструменты, которые применялись большинством центральных банков до образования Европейского экономического и валютного союза. Взнос каждого национального центрального банка определен в соответствии с его долей в капитале Европейского центрального банка, который и осуществляет хранение официальных золотовалютных резервов стран — участниц ЭВС и управление ими. Валютные резервы, остающиеся в распоряжении национальных банков, используются ими для выполнения их обязательств по отношению к международным организациям. Проведение иных операций с этими резервами сверх лимита, устанавливаемого Советом управляющих, должно быть согласовано с ЕЦБ. Это считается необходимым для обеспечения согласованной валютной и денежной политики в рамках ЭВС.

Важно отметить, что поскольку не все члены ЕС входят в еврозону, были созданы две структуры, задача которых — регулирование кредитно-денежных операций как в еврозоне, так и в рамках всего Евросоюза — соответственно Евросистема (Eurosystem) и Европейская система центральных банков (European System of Central Banks). Евросистема объединила ЕЦБ и национальные центробанки тех членов ЕС, которые используют единую европейскую валюту. Органами управления Евросистемой является Совет директоров ЕЦБ и Совет управляющих ЕЦБ. Национальные центральные банки Дании, Швеции и Великобритании, не участвующие в единой европейской валютной зоне и продолжающие проводить независимую денежную политику, не входят в Евросистему.

В осуществлении своих надзорных функций Евросистема исходит из четырех основных принципов. Во-первых, обеспечения высоких стандартов транспарентности. Во-вторых — разделения операционной и надзорной функций: внутри Евросистемы задачей надзора занимается самостоятельное подразделение. Тот же принцип действует и в национальных центральных банках стран еврозоны. Он направлен на то, чтобы избежать потенциального конфликта интересов, который может быть вызван тем, что центральный банк выполняет одновременно функции оператора и надзорного органа. В-третьих, для обеспечения равноправия всех участников рынка единые принципы надзора применяются ко всем системам, будь то частные системы или системы самих центральных банков. В-четвертых, Евросистема исходит из того, что владельцы и операторы систем несут основную ответственность за обеспечение надежного функционирования инфраструктуры, предоставление безопасных и эффективных платежных и расчетных

услуг, поэтому одна из главных задач Евросистемы — обеспечение надлежащего функционирования платежно-расчетных систем еврозоны.

К третьей группе вопросов относятся положения о становлении и формировании единого европейского фондового рынка еврооблигаций, а также развития в еврозоне платежных систем. Исторически зарождение рынка еврооблигаций относится к концу 1950-х — началу 1960-х гг. Бурное развитие рынок еврооблигаций получил в конце 1960-х — начале 1970-х гг., как реакция участников финансовых рынков на законодательные ограничения, введенные правительством США на вывоз капитала, привлечение иностранными эмитентами средств на американском фондовом рынке и ужесточение налогового режима для инвесторов по доходам, полученным по зарубежным облигациям типа «янки».

Регулирование рынка еврооблигаций отличается высокой степенью либеральности, что обусловлено международным характером облигаций, которые выпускаются и обращаются сразу в нескольких странах, поскольку ни одно из государств, где выпускаются облигации, не вправе требовать соблюдения законодательных норм, принятых в этой стране. Поэтому существует межнациональный орган регулирования рынка еврооблигаций, созданный самими участниками этого рынка, — Ассоциация участников международного рынка ценных бумаг (ISMA). Отметим, что с введением евро правительства всех стран еврозоны фактически вышли на рынок еврооблигаций. Если раньше национальные правительства выпускали государственные ценные бумаги исключительно на внутреннем рынке, то теперь ценные бумаги эмитируются в масштабе всего ЕС. И делается это в соответствии с правилами и стандартами европейских фондовых рынков. Нами была проведена оценка, как менялась доходность 10-летних государственных облигаций стран еврозоны в период с 2009 по 2012 г. Очевидно, что наибольшую остроту кризис в проблемных странах еврозоны приобрел в 2011 — 2012 гг. В самом тяжелом положении находились Греция и Кипр. При этом при нарушении равновесия, в частности, из-за увеличения эмиссии и размеров долговых обязательств, возникает угроза повышения нагрузки на бюджеты разных уровней, что может привести к росту бюджетного дефицита и нехватке средств на выполнение других государственных обязательств.

В то же время важно подчеркнуть, что стабильность в работе платежных систем обеспечивает стабильность финансовых институтов и рынков. Надежность, эффективность платежных систем и безопас-

ность платежных инструментов оказывают решающее влияние на обеспечение доверия к единой европейской валюте. Поскольку ЕЦБ и центральные банки стран ЕС традиционно принимали самое активное участие в работе платежных и расчетных систем в Европе, выступая в качестве операторов и участников этих систем, иницилируя важнейшие изменения и контролируя действия участников рынка, Евросистема одновременно является оператором платежных систем, органом надзора и катализатором реформ.

Платежи в ЕС осуществляются с помощью двух общеевропейских систем расчетов: TARGET (Trans-European Automated Real-time Gross settlement Express Transfer system), на смену которой затем пришла система второго поколения TARGET2, и EURO1 (система Европейской банковской ассоциации). TARGET представляет собой систему межбанковских расчетов в евро, функционирующую в режиме реального времени. TARGET состоит из связанных между собой национальных автоматизированных систем оптовых расчетов — RTGS (Real Time Gross Settlements), размещенных в каждой из стран — участниц ЭВС. Центры RTGS спланированы как расчетные палаты, где дебетовые и кредитовые зачисления обрабатываются по мере поступления.

К четвертой группе относятся положения, связанные с формированием в ЕС единого экономического и социального пространства и вопросами унификации политики в сфере бюджетных доходов и расходов. При формировании западноевропейской модели региональной экономической и социальной интеграции была создана сложная и разветвленная институциональная структура, включающая Совет министров, Комиссию европейских сообществ, Европейский совет. Каждый из этих органов сформировал многочисленные учреждения и подразделения. Европейский суд и Европейский парламент, в свою очередь, были призваны обеспечивать политическую и политико-правовую интеграцию.

Поскольку основными источниками формирования доходных статей бюджетов стран ЕС являются налоги на доходы (личный подоходный налог и налог на корпорации), взносы на социальное страхование и потребительские (косвенные) налоги (НДС и акцизы), то для дальнейшего движения по пути формирования в ЕС единого социально-экономического пространства требуется единство или, по крайней мере, высокий уровень согласованности бюджетно-налоговых политик.

Важно также отметить, что в перспективе ЕС стремится к реализации проекта построения социальной Европы, что предполагает

формирование общего социального пространства, включая создание универсальной системы социального обеспечения, проведение единой социальной политики на базе универсальных стандартов и унифицированного законодательства. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что на наднациональном уровне не была создана целостная система единой социальной политики, не была осуществлена гармонизация национальных законодательств в социальной сфере. Социальные системы разных стран ЕС содержат заметные отличия, а национальные правительства проводят социальную политику, ориентируясь, прежде всего, на внутригосударственные приоритеты. При этом формирование общего социального пространства ЕС крайне затруднено, поскольку страны и регионы существенно отличаются друг от друга по уровню экономического развития, социальным стандартам, уровню жизни населения, и более богатые страны не стремятся за счет своих налогоплательщиков финансировать повышение уровня жизни населения более бедных государств.

С учетом отмеченных выше основных положений можно обосновать принципиальный вывод, что на фоне возрастающих социальных обязательств серьезной проблемой бюджетной политики стран ЕС является рост государственной задолженности. Создание двухуровневой модели региональной финансовой системы и отказ от унифицированного подхода к членству предполагают, что страны — члены ЕС будут согласовывать и выбирать свой статус и формат участия в региональной финансовой системе. Это особенно важно для России в контексте развития сотрудничества со странами ЕС, в том числе и в финансовой сфере. Данное сотрудничество будет способствовать модернизации российской финансовой системы, совершенствованию ее инфраструктуры и позволит использовать значительные финансовые ресурсы ЕС для привлечения инвестиций в российскую экономику посредством долгового и акционерного капитала.

Литература

1. Кулаков М.В. Первый кризис глобальной финансовой системы — сигнал к переменам. М., 2011.
2. Stiglitz J.E. Globalization and its Discontents. N. Y., 2002.
3. Богомолов А.Т. Мировая экономика в век глобализации. М., 2007.
4. Шишков Ю.В. Интернационализация производства — новый этап развития мировой экономики. М., 2009.

А.З. НОВАК, К. РЫЧЬ

Что после евро?*

Аннотация. Статья посвящена проблемам вхождения Польши в еврозону, приводятся различные мнения относительно этого дискуссионного вопроса.

Ключевые слова: Евросоюз, еврозона, Польша, евро.

Abstract. The article presents to the problems of Poland's joining the European Union, shows different opinions on this issue discussion.

Keywords: European Union, Poland, Euro.

В дискуссиях, проходящих в Польше относительно еврозоны, преобладают два крайних мнения: вступать в еврозону как можно скорее, поскольку со временем ситуация может быть сложнее и стране может угрожать членство в Евросоюзе второй категории; вступать тогда, когда мы выровняем уровень развития с богатыми странами еврозоны и станем равным партнером, а не периферийной страной, т. е. практически никогда, так как богатые страны статуса Великобритании или Швеции отнюдь не стремятся в еврозону.

В сложившемся положении преобладает третье мнение: а именно, ждать и смотреть — может, Экономический и валютный союз исправится, а быть может, развалится — тогда «наша хата с краю».

Сейчас о евро сложилось плохое мнение. Когда несколько лет тому назад Р. Дорнбуш писал, что это плохая идея и ее осуществление приведет к пагубным последствиям [1; 2], мало кто ему верил. Сейчас такие голоса слышны со всех сторон. Дж. Стиглиц пишет: «...были ожидания, что общая валюта принесет несомненную выгоду, но в докризисный период трудно заметить ее значимый положительный эффект для еврозоны в целом. Зато ее отрицательные последствия в более поздний период огромные», и далее: «...сама конструкция еврозоны склоняет к дивергенции, а не к конвергенции: если из экономики, находящейся в кризисе, вытекают капитал и люди — тогда сокращается способность погашать долги» [3].

*Перевод с польского Д. Столярек (Варшавский университет).

Еще более отрицательное мнение выразил Дж. Фридман [4]. Его критическое отношение касается не только еврозоны, но также всего Евросоюза. В своем интервью он сказал: «...Евросоюз не вправе функционировать в таком виде, в каком был создан. Свыше 50 процентов немецкого ВВП происходит от экспорта. Не может существовать зона свободной торговли, в центре которой размещен самый крупный экспортер». Согласно предпосылкам Евросоюза, страны-члены должны все поровну пользоваться свободным рынком. И дальше: «...Европа создала зону свободной торговли вокруг черной дыры Германии. Германия настолько эффективна, что никто не в состоянии ее догнать». Германия — четвертая экономика мира, напоминает Фридман.

Эти три приведенных мнения, быть может, кроме самых крайних, как в случае Фридмана, преобладают среди опасений, выражаемых на разных форумах. Относительно роли Германии в еврозоне сомневаются не только «неблагодарные греки». Европейский центральный банк отмечает, что странам, создававшим монетарный союз, общая валюта не принесла пользу, не произошло выравнивания различий в уровне жизни — эти различия даже углубились [5]. Так называемый раппорт пяти президентов Евросоюза сообщает о создании новых евросоюзных институтов, которые будут строго следить за расходами и предотвращать кризисы в будущем. Еврозона будет существовать. Членство Греции в еврозоне, несмотря на суровые условия, которые она должна выполнить, чтобы продолжать получать помощь, показывает все опасности, которым подвергнется экономически слабая страна, если захочет или будет вынуждена покинуть еврозону. Остаться в еврозоне невозможно, если страна неконкурентоспособна, выйти из зоны «дикого капитализма», или так называемого «казино-капитализма», — катастрофа. Как повысить конкурентоспособность в условиях отсутствия суверенной монетарной политики и невозможности девальвации денег, когда так называемая внутренняя девальвация — путем ограничения расходов и снижения заработной платы — политически невозможна или неэффективна? Для слабоконкурентных стран движение в обе стороны — в зону или из зоны — невозможно. Возникает проблема — как предлагают некоторые — разделить еврозону на части, внутри которых близкие друг к другу страны, или же упорядоченно демонтировать ее.

Недостаточная конкурентоспособность и отставание могут касаться не только периферийных государств, но и основного ядра еврозоны. Это относится к богатой Италии, которая до вступления в еврозону повысила конкурентоспособность по отношению к Германии,

допуская депрециацию национальной валюты, а сегодня отстает от основного ядра развитых стран Евросоюза. Такой же случай может произойти с Францией, т. е. с главным столпом Евросоюза, поддерживающим не только еврозону, но и все европейское содружество. В результате появился польско-немецко-французский проект (в соответствии с государственной принадлежностью авторов) упорядоченного демонтажа еврозоны. Авторы: Стефан Кавалец, Ганс Олаф Генке, Бригитте Гранвилле. Концепция такого демонтажа была представлена в газете «Жечпосполита» в интервью «Еврозона к роспуску» [6].

Если Франция окажется в затруднительном экономическом положении из-за недостаточной конкурентоспособности по отношению к Германии и к другим странам основного ядра еврозоны, это станет драмой всей зоны. Соотношение политических сил этой страны может исключать эффективную внутреннюю девальвацию. Общая валюта крепка благодаря высокой конкурентоспособности немецкой экономики и ее высоким экспортным излишкам. Действия ЕЦБ в пользу депрециации евро в данном случае не стали бы ни целесообразными, ни эффективными. Выход Франции из еврозоны, оставшейся в роли слабого партнера, стал бы катастрофой как для нее, так и для всей зоны, в результате произвола спекулятивного капитала. Этого можно избежать, как считают авторы концепции, если из еврозоны выйдет главный участник, определяющий силу общей валюты. Оттуда вывод или просьба к Германии — о ее выходе из еврозоны. Тогда станет слабым евро, депрециация евро повысит конкурентоспособность не только французской экономики, но и других стран зоны. Сбудется мечта о девальвации как о методе улучшения конкурентоспособности, потерянной вследствие установления общей валюты. В свою очередь чрезмерную апresiasi немецкой марки должен предотвратить проект системы валютной координации, имевший место в прошлом — невозможный для воссоздания в условиях полной свободы перелива капитала.

Итак, возникает вопрос: оправдывает ли демонтаж еврозоны девальвацию — а по существу депрециацию собственной валюты — как инструмент повышения конкурентоспособности? В этом вопросе мы считаем тщетным расчет на выгоду: девальвация не лучший способ повышения конкурентоспособности. На нынешнем этапе глобализации и финансизации мировой экономики нет также шансов на восстановление системы стабильных приспособляемых курсов, соответственно Бреттон-Вудской системе.

Говоря о девальвации, мы также думаем о депрециации, о снижении стоимости отечественных денег по сравнению с валютами тор-

говых партнеров вследствие как пассивной позиции отечественного ЦБ, так и активной политики, ведущей к таким последствиям. Какова же выгода от девальвации?

С точки зрения отечественных предприятий девальвация считается самым дешевым и эффективным псевдоновшеством, повышающим конкурентоспособность. Прибыль от экспорта поступает в более сильной валюте, отечественные издержки определяются отечественной валютой. В этом случае выгодно увеличивать экспорт, так как выручка, рассчитываемая в отечественных деньгах, с избытком превышает издержки получения валюты. Если вследствие инфляции, вызванной этой девальвацией, случится рост издержек, тогда очередная девальвация станет дешевым новшеством и т. д. Но если правительство решится противодействовать инфляции и усилит фискальную и монетарную политику, тогда оно само будет нести ответственность за последствия навязанных обществу лишений, также как и в случае так называемой внутренней девальвации. Однако так должно быть не всегда. Нет обеда «на халяву», и кто-то за это псевдоновшество должен заплатить, причем внутри страны, а не за рубежом, за счет конкурентов, которым мы якобы экспортируем безработицу. Отечественную цену девальвации деформируют и скрывают процессы перераспределения, но на короткий срок. Они могут снизить реальную зарплату, т. е. сохранят и даже повысят занятость. В результате роста издержек импорта ухудшится структура поставок инвестиционных благ и потребительских товаров, увеличится количество суррогатов.

Итак, увеличится объем антиимпортного производства, сократится зарубежная конкуренция для отечественных производителей и т. д. Однако полную цену в течение более продолжительного срока заплатить придется. Такого типа процессы не улучшают структуру отечественной продукции, не способствуют формированию производительных специальностей, создающих возможность достижения полной выгоды от международного разделения труда.

Поиск спасения в такого типа псевдоновшествах ради повышения конкурентоспособности приводит к тому, что они становятся врагом настоящих новшеств, на основании которых страна может построить экономику, конкурентоспособную структурно, а не только в ценовом отношении. В результате таких практик «оподленные» деньги не позволят расцвести экономике, что скорее всего приведет к долгосрочной стагнации и ловушке так называемого среднего дохода.

Однако, средний уровень дохода не всегда следует считать ловушкой. Является ли он ловушкой или же удовлетворительным состоянием — зависит от общественных предпочтений. Некоторые страны,

регионы, общества могут высоко ценить достигнутый экономический уровень, образ жизни, привычность общественных отношений, своеобразную локальность. Критическое отношение к экономическому росту в этом случае можно понять. Однако, если этот рост считается важным, тогда следует избегать слишком простых способов повышения конкурентоспособности, а таким способом является девальвация. Если в еврозоне не хватает только возможности девальвации для повышения конкурентоспособности отдельных стран, тогда не стоит предпринимать попытку ее демонтажа. Миру известны другие способы повышения конкурентоспособности, и их можно использовать. Отсутствие суверенной монетарной политики государства — члена еврозоны и в связи с этим возможности влиять на курс обмена собственных денег является наиболее ощутимым этого членства в еврозоне. Ведь суверенная денежная политика должна поддерживать суверенную фискальную политику страны. И это понятно. Несложно привести теоретические доказательства: если даже девальвация не является безопасным способом повышения конкурентоспособности, по крайней мере в среднепродвинутой стране, то такое положение не исчерпывает других возможных выгод от монетарного суверенитета.

Однако дело в том, что в современной мировой экономике не все страны могут пользоваться этим монетарным суверенитетом, даже если формально им располагают. Зависит это от объема экономики данного государства и от степени открытости в отношении торгового обмена и перелива капитала. Если бы, например, Германия вышла из еврозоны, тогда немецкая экономика не слишком бы пострадала. Снизилась бы ценовая привлекательность ее экспорта, из-за apreciации немецкой марки подешевел бы импорт, и это означало бы приближение этой экономики к состоянию внешнего равновесия, которое мог бы нарушить только внезапный прилив спекулятивного капитала, ожидающего apreciации марки. В более сложном положении оказались бы страны, оставшиеся в еврозоне из-за вероятного стремительного оттока капитала и снижения курса евро ниже уровня, соответствующего основам экономики. Однако, это была бы не депрециация, повышающая конкурентоспособность стран еврозоны, а очаг нового финансового кризиса. Опыт Греции — хотя в данном случае это не аналогия — показал, как действует «дикий капитализм» (казино-капитализм) финансовых рынков.

Многое указывает на то, что в малой открытой экономике оказываются недействующими финансовая триада и впоследствии возможность выбора между суверенной политикой и политикой курса валют. Эту возможность заменяет альтернатива: свобода перелива ка-

питала или свобода обеих политик, совокупномонетарной и курсовой (см.: [7]). Так как в рыночной экономике, открытой к торговому обмену, отсутствует возможность введения эффективного контроля за переливом капитала, невозможно вести действенную денежную и курсовую политику. Если данная страна ради торгового обмена хочет сохранить фиксированный курс национальной валюты по отношению к одной из мировых валют, она должна, во-первых, сохранять соответствующие и дорогостоящие валютные резервы, чтобы противодействовать спекулятивным атакам, во-вторых, наблюдать за денежной политикой своего лидера, т. е. страны, выпускающей данные деньги. Такая страна особенно сильно подвергается так называемому эффекту заражения в денежной и курсовой политике. Этому подвергаются и другие — менее открытые — экономики, экономически связанные со странами, выпускающими резервные деньги мирового масштаба, даже если они не ограничивают национальную валюту фиксированным курсом. Итак, можно с некоторым преувеличением констатировать, что денежную и курсовую политику за страну с малой открытой экономикой осуществляют лидеры группировки государств, экономически связанных друг с другом, к которой ей повезло принадлежать. На пепелище же еврозоны мировыми деньгами опять окажется немецкая марка, как это было до образования еврозоны, но в условиях, менее благоприятных для средних стран.

На вопрос: что после евро? Наш ответ: ничего лучше...

Еврозона, как мы об этом уже писали, не сказочная Аркадия (см.: [8—12]). Надо провести в ней многие преобразования, допустить более активную экономическую политику, способствующую реальной конвергенции, потому что проводимая до сих пор политика невмешательства в механизм рыночной алокации, серьезно ее осложняла. Политика ЕЦБ должна быть менее экзогенной по отношению к национальным государствам, в результате чего нужно добиться трудного компромисса между независимостью и ролью банка последней инстанции.

Какова должна быть позиция Польши по отношению к опасности демонтажа еврозоны? Польша — страна с малой открытой экономикой. В условиях глобализации и финансиации мировой экономики место Польши должно быть в еврозоне. Лучше быть соучастником лидера, чем оставаться аутсайдером и клиентом другого лидера. И поэтому Польша должна доброжелательно поддерживать преобразования в способе функционирования как еврозоны, так и всего Евросоюза, надеясь, что проведенные реформы сделают их более благоприятными

для менее продвинутых стран, способствующими реальной конвергенции.

Литература

1. *Dornbusch R.* Euro Fantasies // Foreign Affairs. 1996. Vol. 75. No. 5. Sept. — oct.
2. *Dornbusch R.* Euro troubles // MIT Department of Economics Editorial, 2000.
3. *Stiglitz J.* Globalizacja. Warszawa, 2011.
4. *Friedman G.* Europa staje się niebezpiecznym miejscem // Rzeczpospolita. 2015. 5 mar.
5. *Kawalec S., Henke H.-O., Granville B.* France Must Lead Breakup of Euro // Bloomberg. 2013. May 16.
6. *Sławiński A.* Spóźnione narodziny europejskiego QE // Rzeczpospolita. 2015. 17 luty.
7. *Rey H.* Comments on «The Euro's Three Crises» by Jay Shambaugh. // Brookings Papers on Economic Activity. 2012.
8. *Новак А.З. Рыч К.* Европа нуждается в либеральном Кейнсе // Философия хозяйства. 2014. № 5.
9. *Новак А.З. Рыч К.* Злотый или евро? // Философия хозяйства. 2014. № 3.
10. *Рыч К.* Евро будет позже — издержки или выгоды? // Проблемы национальной стратегии. М., 2010.
11. *Nowak A., Ryć K.* Tendencje na finansowych rinkach i polskij zlotyj — jakisnij pidchid // Regionalni wimiri globalnoj ekonomicznoj sistemi. Warszawa, 2009.
12. *Новак А.З.* Конец еврозоны? // Философия хозяйства. 2012. № 2.

А.В. КУЗНЕЦОВ

Глобальные дисбалансы: институциональный подход

Аннотация. Рассматривается институциональная основа формирования глобальных дисбалансов, анализирующая этапы установления англо-американского контроля над мировой финансовой системой.

Ключевые слова: англо-американские институты, золотодолларовый стандарт, нефтедолларовый стандарт, международная финансовая система, финансомика.

Abstract. The article deals with institutional aspects of global imbalances. The evolutionary role of Anglo-American institutions in establishing control over the global financial system is studied.

Keywords: Anglo-American institutions, gold-dollar standard, petro-dollar standard, the international financial system, finansomika

Глобализация, в самом широком смысле, явилась инструментом, устранившим препятствия для интеграции стран в мировую экономику. Однако она стала и причиной образования глобальных дисбалансов. Страны, эмитирующие резервные валюты, выступают поставщиками глобальной ликвидности. Остальные страны для получения доступа к дефицитным валютным ресурсам должны проводить политику, ориентированную на экспорт, постоянно сокращая издержки производства для обеспечения конкурентоспособности своей продукции. Это нередко происходит за счет снижения реальных доходов, что ведет к падению реального ВВП и росту внешней задолженности в тех странах, которые не имеют доступа к сфере высоких технологий и чей экспорт сводится в основном к продаже сырьевых товаров.

Ответственными за создание глобальных дисбалансов являются англо-американские институты, осуществляющие контроль над мировой финансовой системой (МФС). К этим институтам в частности, можно отнести:

- бумажно-валютный (долларовый) стандарт, позволяющий США получать непомерные привилегии за счет эмиссии мировой резервной валюты и служить центром мировой финансовой системы, перекачивая капиталы с ее периферии;
- международные финансовые институты (Бреттон-Вудские «сестры» и их региональные аналоги в виде банков развития), служащие механизмами перераспределения глобальных ресурсов в пользу англосаксонского мир-системного ядра;
- рейтинговые агентства, при помощи которых США поддерживают дискриминационный дифференциал процентных ставок между центром и периферией глобальной экономической системы;
- мировой валютный рынок (годовой оборот которого в 100 раз превышает международный товарооборот), контролируемый из Лондона, который сдерживает амбиции США и Европы по установлению единоличного контроля над глобальной финансовой системой и одновременно получает сверхприбыли на трансатлантическом финансовом посредничестве;

- англосаксонские офшорные юрисдикции, через которые проходит значительная доля финансового капитала в обход национальных фискальных систем его происхождения;

- англо-американское право, служащее основой заключения большинства транснациональных сделок и разрешения коммерческих споров.

Следует подчеркнуть, что своему сегодняшнему центральному положению в мировой финансовой системе англо-американский альянс обязан установлению послевоенной гегемонии доллара. Этот процесс проходил в два последовательных этапа: золотодолларового стандарта (1944 — 1971) и «нефтедолларового стандарта» (1975 — по сегодняшний день). Термин «нефтедолларовый стандарт» взят в кавычки, поскольку никаких официальных документов по его введению на международном уровне подписано не было. Ныне действующий официальный формат регулирования международных валютных отношений известен как Ямайская валютная система. Однако данный термин существует главным образом в русскоязычном обороте¹ и относится к соглашению, подписанному странами — членами МВФ в январе 1976 г. в Кингстоне (Ямайка). Ямайское соглашение юридически завершило демонетизацию золота и предоставило странам право выбора любого режима валютного курса [1, 85]. Однако именно «нефтедолларовый стандарт» сделал возможным продолжить мировую гегемонию доллара после прекращения его конвертации в золото в 1971 г. Рассмотрим особенности функционирования этих стандартов.

Золотодолларовый стандарт

Институциональные основы англо-американского контроля над современной МФС были заложены в 1944 г. на Бреттон-Вудской конференции. Тогда в соответствии с теоретическими проектами британского экономиста Дж.М. Кейнса и его американского коллеги Г.Д. Уайта была создана система институтов (МВФ, Всемирный банк, ГАТТ/ВТО), которые по сегодняшний день выступают основой международной торговли и финансов. Посредством данных институтов Кейнсу впервые в мировой истории удалось на практике внедрить модель глобальной макроэкономики. Основную цель данной модели Кейнс видел в устранении дисбалансов международной торговли путем установления одновременно внутреннего (полная занятость) и

¹ Ямайская валютная система. Wikipedia.org (https://ru.wikipedia.org/wiki/Ямайская_валютная_система).

внешнего (платежный баланс) равновесия. Уже в 1944 г. Кейнс пришел к заключению, что в регулировании международной экономики количеству поставленных целей должно соответствовать такое же количество политических инструментов. Как отмечают профессор экономики Массачусетского технологического института П. Темин и профессор экономики Оксфордского университета Д. Вайнс, схему, которая представляла эту идею, Кейнс набросал на обороте почтового конверта в 1944 г. во время «особо утомительного заседания в министерстве торговли» (табл. 1). Затем он передал конверт своему коллеге Дж. Мида со словами: «Наконец-то я перестал сомневаться». Модель глобальной макроэкономики получила известность только в 1952 г., когда была опубликована в работе Дж. Мида «Платежный баланс», за которую он был удостоен Нобелевской премии [2, 172 — 176].

Таблица 1

**Международная политическая система
по проекту Дж.М. Кейнса**

Цель	Инструменты	Ответственный орган
Полная занятость	Средства управления спросом (в основном — фискальные)	Национальные правительства
Корректировка платежного баланса	Привязанные, но регулируемые валютные курсы	Международный валютный фонд
Поощрение международной торговли	Снижение тарифов	Международная торговая организация
Экономическое развитие	Официальное международное кредитование	Всемирный банк

Источник: [2, 173].

Таким образом, в 1944 г. на Бреттон-Вудской конференции был установлен послевоенный мировой валютный порядок. Доллар был наделен исключительным правом конвертации в золото, а валюты всех остальных стран — членов МВФ могли обмениваться на золото только посредством доллара. Для этого эти страны должны были накапливать долларовые резервы, тем самым создавая обеспечение своей денежной массе. Итак, США фактически превратились в поставщика глобальной ликвидности. Функционально же выполнение этой задачи было возложено на Международный валютный фонд (МВФ), который стал кредитовать страны, испытывающие проблемы с финансированием дефицитов своих платежных балансов. Причем первыми клиентами Фонда были развитые страны, в частности Франция.

Основная проблема золотодолларового стандарта заключалась в противоречии между национальной эмиссионной природой доллара и его использованием в качестве валюты расчетов в международной торговле, а также основного резервного актива. США необходимо было поддерживать постоянный дефицит своего платежного баланса для удовлетворения глобального спроса на доллары. Вступление в международную конкурентную борьбу новых глобальных игроков (стран Западной Европы и Японии), а также необходимость решения внутренних проблем США (удовлетворение быстро растущего потребительского спроса, обслуживание дорогостоящей системы социального обеспечения, финансирование гигантских военных расходов) обусловили чрезвычайный рост долларовой массы, многократно превысивший запасы золота в США. В целях предотвращения оттока золота из США, ведущего к обесценению американской денежной единицы, в августе 1971 г. США прекратили обмен долларов на золото, а в 1973 г. страны — члены МВФ отказались от второго ключевого элемента Бреттон-Вудской системы — фиксированных валютных курсов.

«Нефтедолларовый стандарт»

Отмена конвертируемости доллара в золото и упразднение системы фиксированных валютных курсов поставили под вопрос валютную гегемонию США. Кроме того, в начале 1970-х гг. США превратились в чистого импортера нефти, что еще больше обострило проблему финансирования американского дефицита платежного баланса. В результате первого нефтяного кризиса (1973) цены на нефть выросли на 500%. В условиях свободно плавающих курсов это неизменно вело к резкому падению стоимости доллара, в котором рассчитывались цены на нефтяном рынке (хотя с 1920-х гг. британский фунт стерлингов использовался в международных расчетах по поставкам нефти, по крайней мере, также часто, как и доллар). Для подстраховки от рисков обесценивания доллара страны ОПЕК стали привязывать цену нефти к корзине валют и продвигать идею выставления нефтяных счетов в недавно созданной коллективной резервной валюте МВФ — СДР². Та-

² СДР — специальные права заимствования (special drawing rights — SDR) — коллективно созданные (1969) международные кредитные расчетные и платежные средства, предназначенные для пополнения официальных валютных резервов, урегулирования сальдо платежных балансов, расчетов с МВФ и сравнения стоимости национальных валют стран, участвующих в этом механизме. Участниками системы СДР могут быть только органы, отвечающие за проведение валютной политики стран — членов МВФ, сам МВФ, а также некоторые международные институты — такие, как Всемирный банк, Банк меж-

ким образом, уже в 1970-х гг. СДР могли прийти на смену доллару как глобальный резервный актив. Чтобы не допустить этого, США инициировали заключение секретных соглашений с Саудовской Аравией и Объединенными Арабскими Эмиратами о покупке ими американских казначейских бумаг сверх объемов, размещаемых на публичных аукционах [3]. Тем самым валюты стран Ближнего Востока неформально привязывались к доллару. Далее между США и Саудовской Аравией была достигнута договоренность об оплате всех нефтяных поставок исключительно в долларах США. К этому решению присоединились также страны ОПЕК. Как отмечает известный американский экономист Ф. Энгдаль, на встрече министров ОПЕК в 1975 г. было принято решение «не принимать к оплате за поставки нефти ничего, кроме доллара США, не принимать даже британский фунт стерлингов» [4, 187 — 188]. С целью окончательного закрепления нефтедолларового стандарта американская администрация приняла решение о создании новых нефтяных бирж в Лондоне и Нью-Йорке. (Эти биржи по сегодняшний день служат основными торговыми площадками и механизмом ценообразования на мировом нефтяном рынке.) С тех пор не только нефть, но и другие сырьевые товары котируются на биржах в долларах США. Из 92 сырьевых товаров, учитываемых международной финансовой статистикой, 87 товаров имеют цены, номинированные в долларах [5, 16].

Парадигма финансовой глобализации

Результатом стратегических соглашений США с ОПЕК стало повышение спроса на доллары как средство международных расчетов. Однако этого было недостаточно. Теперь США нужно было привлечь дешевые финансовые ресурсы из других стран для финансирования дефицита своего платежного баланса. И снова на решение этой задачи были подвигнуты богатые нефтью страны Ближнего Востока, которые в обмен на американские гарантии международной безопасности согласились размещать всю свою валютную выручку от продажи нефти в американских банках, а также на евродолларовом рынке Лондона. Привлекательность последнего была обусловлена тем, что в начале 1960-х гг. Банк Англии недвусмысленно дал понять, что он не будет контролировать и регулировать потоки иностранной валюты на лондонском евродолларовом рынке. Это явилось одним из ключевых элементов перестройки лондонского Сити в центр глобальных финансов.

дународных расчетов и Европейский центральный банк. Размещение СДР среди частных институтов, например, банков, не допускается.

В результате второго нефтяного кризиса (1979 — 1981) цены на нефть увеличились еще на 350%, что обеспечило внушительные поступления нефтедолларов в англо-американские банки.

Нефтедоллары проходили вторичную переработку (рециклирование) в развивающихся странах (прежде всего странах Латинской Америки), которые получали их в кредит от англо-американских банков для потребления продукции западных ТНК (в первую очередь североамериканских). Ставки по евродолларовым займам фиксировались с заранее оговоренной надбавкой к текущей лондонской ставке межбанковского кредитования ЛИБОР, которая была «плавающей» и изменялась в зависимости от краткосрочных ставок в Нью-Йорке и Лондоне. Для борьбы с инфляцией в 1980-х гг. ФРС и Банк Англии резко подняли процентные ставки. Это привело к моментальному росту стоимости обслуживания кредитов, когда ставки на лондонском евродолларовом рынке повысились со средних 7% в начале 1978 г. до почти 20% в начале 1980 г. [4, 222—223]. Развивающиеся страны оказались на грани объявления дефолта.

Таким образом, уже в 1970-х гг. произошел переход от модели получения прибыли в производственном процессе к ее извлечению из фиктивной (финансовой) экономики. В данной связи ведущий американский социолог, один из основателей школы мир-системного анализа И. Валлерстайн отмечает: «США, Европа и Япония больше не могли позволить себе стимулировать модернизацию (девелопментализм). Им было необходимо обеспечить большой приток капитала из стран “третьего мира” на Север. Результатом стало рождение новой идеологии: неомонетаризма, оправдываемого тем, что называли “глобализацией”. Согласно установленной норме, не существовало альтернатив открытию границ развивающегося мира для экспорта на Север и свободного перетекания капитала обратно на Север» [6, 27].

Для преодоления долгового кризиса развивающихся стран снова были задействованы механизмы МВФ. Тем самым Фонд (целесообразность дальнейшего существования которого после краха Бреттон-Вудской системы была поставлена под сомнение) фактически обрел свое второе дыхание, но уже в качестве гаранта по выплатам задолженности развивающихся стран западным (в первую очередь американским) банкам. Отныне предоставление МВФ финансовой помощи было обусловлено набором требований к стране-заемщику, которые стали известны как Вашингтонский консенсус. Обусловленность кредитования предусматривала сокращение социальных обязательств государства, приватизацию, снижение заработной платы, девальвацию валют, открытие границ для иностранных товаров и капитала, дерегу-

ляцию финансового сектора. Политика МВФ не только привела к снижению реальных доходов в развивающихся странах, но и упрочила их хроническую зависимость от экспорта сырья (цены на которое отныне регулировались на подконтрольных англосаксам товарных биржах) как основного источника валютных поступлений для обслуживания возрастающей стоимости внешнего долга.

Однако нефтяные пертурбации 1970-х поспособствовали не только долговому закабалению развивающихся стран и укреплению позиций доллара на международной финансовой арене; в ходе начатых в Великобритании («тэтчеризм») и продолженных в США («рейганомика») реформ финансового сектора произошла также смена экономической парадигмы — кейнсианская экономика «стимулирования спроса» была заменена фридмановской экономикой «стимулирования предложения». Последняя стала реализовываться путем развития продуктов потребительского кредитования, сопровождающегося стремительным ростом денежной массы. Избыточная ликвидность «утилизировалась» за счет раздувания финансовых пузырей путем резкого увеличения доли финансовых инструментов в общем объеме активов. Такие пузыри регулярно лопались (фондовый рынок в 1987 г., рынок дот-комов в 2000 г.).

Заложником новой финансовой парадигмы оказались сами США. Основной проблемой развития американской экономики на современном этапе является наличие «избыточной» ее части, которая «наросла» за последние 35 лет за счет постоянного внеэкономического, эмиссионного стимулирования потребительского спроса. По мнению М.Л. Хазина, ликвидация этого структурного «нароста» невозможна по политическим причинам, поскольку это означало бы сокращение ВВП США, как минимум, на 25%, а то и на 35%. Такое масштабное падение крупнейшей экономики мира сделало бы абсолютно невозможным для США не только сохранение статуса единого мирового лидера, но и продолжение существования мировой финансовой системы на базе американского доллара [7, 42 — 45].

Итак, после краха Бреттон-Вудской системы в конце 1970-х гг. мировая капиталистическая система вступила в свою новейшую фазу — стадию финансового капитализма. Вот как характеризует данную трансформацию профессор финансов Йельского университета, лауреат Нобелевской премии по экономике 2013 г. Р. Шиллер: «В последние несколько десятилетий мы были свидетелями развития *финансового капитализма* — системы, в которой на передний план выходят финансы. Если в прошлом они были “служанкой” промышленности, то теперь, они превращаются в движущую силу развития капитализма» [8, 26].

Р. Шиллер описывает финансовый капитализм как некую будущую универсальную панацею от всех недугов глобального общества, как незавершенный процесс «изобретения» новых финансовых продуктов, создание и внедрение которых «будет наилучшей тактикой в борьбе с экономическим неравенством» [8, 12]. Данный взгляд представляется довольно оптимистичным, но эти визионерские пророчества должны еще пройти проверку временем. На нынешнем же этапе, на наш взгляд, именно финансовый капитализм является главной причиной современных глобальных дисбалансов, связанных с непропорциональным перераспределением ресурсов между паразитирующим центром и производительной периферией мирового хозяйства. Финансирование фиктивного хозяйства является той ловушкой, в которую угодила глобальная экономика. Ю.М. Осипов пишет: «Не капитал, как было раньше, порождает финансы, а финансы порождает капитал» [9, 66]. Для преодоления этого порочного круга необходимо создание антисистемы, основу которой должны составить институты, представляющие собой реальную альтернативу глобальной системе неэквивалентного обмена.

Литература

1. Международные валютно-кредитные отношения: Учебник для вузов / Под ред. Л. Красавиной. М., 2014.
2. *Темин П., Вайнс Д.* Экономика без лидера. Почему рассыпалась мировая экономическая система и как ее собрать. М., 2015.
3. *Leverett F., Leverett H.M.* The Rise of the Petrodollar and the Slow Erosion of Dollar Hegemony // *The World Financial Review*. 2014. July 28 // <http://www.worldfinancialreview.com/?p=2621>.
4. *Энгдаль Ф.У.* Столетие войны: англо-американская нефтяная политика и Новый мировой порядок. М., 2014.
5. Международные валютно-кредитные отношения: Учебник и практикум / Под ред. Е.А. Звоновой, М., 2014.
6. *Валлерстайн И.* Ускорение падения. Наступление эпохи многополярности // *Закат империи США: кризисы и конфликты*. М., 2013.
7. *Хазин М.Л.* Теория кризиса // *Философия хозяйства*. 2008. № 6.
8. *Шиллер Р.* Финансы и хорошее общество / Под ред. Т. Дробышевской, А. Смирнова. М., 2014.
9. *Осипов Ю.М.* Восхождение. Четверть века в походе за истиной. 25 лет Центру общественных наук при МГУ. 1990 — 2015. М., 2015.

В. ДРАШКОВИЧ

Против неграмотной науки

Аннотация. Рассматриваются кризисные проблемы современной науки, поднимаются вопросы профессионального уровня ученых-экономистов, а также перспектив развития экономической науки.

Ключевые слова: экономическая наука, кризис, образование.

Abstract. The article shows crisis problems of modern science, raises questions of professional level of academic economists, as well as prospects for the development of economic science.

Keywords: economic science, crisis, education.

После длительного вторжения тематической и методологической формализации в область экономики (математической, статистической, технической, инструментальной и др.), а также игнорирования политической экономии, многие ученые задаются вопросом: находится ли экономическая наука в кризисе? Или иначе — потеряла ли экономическая наука свою душу, критическое лезвие и основное профилирование?

Похоже, что современной экономической науке необходимы фундаментальный ремонт и глубокая трансформация, особенно в связи с применением Болонской декларации, окончательно превращающей экономическую науку в «неграмотную науку».

Экономика потеряла ключевую красную нить, которая называется критической мыслью. С внезапным переходом к доминированию формализованной математической и статистической методологии резко обедняется когнитивный горизонт экономики, ее методологический арсенал.

Никому не приходит в голову сознательно приуменьшать научное значение математики и статистики в качестве серьезных и проверенных дисциплин, но избыточная их абсолютизация привела к формализации предмета и содержания экономической науки.

Этому же весьма способствовало доминирование политики над экономикой — ради привилегированных интересов новой общественной «элиты». Фундаментальная наука стала подменяться технологическими знаниями, нередко искусственно выведенными в образе наук (маркетинг, менеджмент и т. д.). Однако теоретическая наука не умерла, что произошло за счет циркуляции альтернативных направлений, таких как институциональная экономика, региональная экономика,

философия хозяйства и некоторых других. Но и им тяжело выживать: современные «эффективные собственники» воспринимают их для себя как тревожный фактор.

В ведущих международных научных журналах экономическая наука сведена к глобальным, единым, стандартизированным образцам. Из социальной (условно: национальной) науки она преобразована в запрограммированное и формализованное «инстант»-учение, которое не понимают даже профессиональные экономисты, не говоря уже о простых людях. Ответы на повседневные жизненно важные человеческие вопросы замещены слишком абстрактными, оторванными от реальности, непонятными и селективными моделями, структурами и анализами.

Дискурсным сокращением предмета экономической науки нарушена неоспоримая истина: нет никакой универсальной экономической теории (для всех времен и для всех случаев). Создана новая теоретическая догма в сфере экономики, что лишь усугубило уже пошатнувшуюся гуманитарную репутацию, уровень и значимость фундаментальной экономической науки. Эта догма базируется на недопустимом экономическом редукционизме, который вгоняет науку в нейтральный и бесплодный нигилизм. Сознательно наложенное математическое и статистическое моделирование социальных отношений не только нейтрализовало редкую критическую мысль, а по сути вероломным способом подорвало неоспоримое право людей на свободный выбор видов своей деятельности и форм экономического поведения.

Конечно, каждому здравомыслящему человеку ясно, что это не что иное, как обман, затуманивающий реальные экономические и социальные проблемы (эксплуатацию, отчуждение, монополизацию, нерыночное накопление, подчинение, долговое рабство, разрушительные кризисы, антинародные реформы и т. д.).

Картина не очень веселая, но не все так уж плохо, о чем свидетельствует существование некоторых научных журналов, в которых нет пиетета по отношению к различным выборочным спискам и индексам цитирования. Они по-прежнему публикуют статьи, написанные в духе чистой экономической науки, могущей быть названной либо литеральной экономикой, либо философией экономики. Может, это как раз поможет найти реальную дорогу к социальному и экономическому прогрессу.

Презентация новых и уже существующих экономических идей — тяжелая работа, особенно в условиях поляризации и острых кризисов. Здесь требуется творческая коммуникация экономистов из

разных стран, способствующая раздвижению границ экономических знаний и продвижению этих знаний к широкому читателю.

«Настоящие» экономисты должны прикладывать немалые усилия для того, чтобы вернуть экономической науке потерянную душу, создавать искренние и оригинальные научные статьи — для своей души, без идеологических переоценок и недооценок, без вынужденной апологетики.

Этот текст — не пустая и болтливая «философия». Это реакция на пугающую практическую феноменологию. Процесс приватизации, к примеру, находится в ведении людей, которые не имеют ни малейшего представления о собственности, об отношениях собственности, имущественных правах и полномочиях собственника. Где же тогда экономическая наука? И разве критерий для нее — публикация в журналах, которые находятся в каком-то международном списке (Scopus, SSCI)? Отменены все воистину весомые критерии: научные монографии, учебники, участие в научных конференциях и т. д. Отменено все то, что не имеют сами лидеры зловещего антисистемного процесса.

Что же дальше? «Учеными» будут становиться неграмотные и полуграмотные люди, нередко с купленным дипломом, диссертацией, статьей, книгой. Доказательства? Однажды один из таких «ученых» оказался в ситуации с потушенным в аудитории светом, так он сразу отменил лекцию, потому что не мог использовать презентацию, которую с упоением читал студентам. Дискуссионные конференции игнорируются и отменяются. Студентам не разрешается задавать вопросы. Сессии проводятся в электронном виде... Ужас!

Э.П. ДУНАЕВ

Некоторые соображения по поводу планирования в современной России

Аннотация. Главная мысль статьи состоит в том, что планирование в условиях социализма и капитализма подчинено различным целям. В условиях современного капиталистического общества планирование подчинено монополиям, получению наиболее высокой прибыли. Очевидно, что планирование в условиях современной России будет в таком же положении. Заранее зная это и умело действуя при разработке планов, можно ослабить отрицательное влияние монополий при разработке перспективных российских планов.

Ключевые слова: планирование, социальное содержание, антикризисный план, промышленная политика.

Abstract. The main idea of the article is that in the circumstances of socialism and capitalism planning is subordinated by different goals. Under modern capitalism planning is determined by monopolies and deriving the highest profits. Obviously planning in the circumstances of modern Russia will be the same. Considering this fact and acting properly while developing plans make it possible to weaken the negative influence of monopolies in the process of developing long-term russian plans.

Keywords: planning, social content, anti-recessionary plan, industrial policy.

В последнее время постоянно звучит призыв к созданию и развитию системы стратегического планирования. Вместе с тем реальных шагов не делается. Это частично можно объяснить влиянием либеральных экономистов, которые всячески содействовали разрушению системы планирования, хотя было ясно, особенно на примере перестройки в Китае, что моментальное разрушение народнохозяйственного планирования и передача всех функций управления рынку неоправданно и вредят экономике. Сегодня встает вопрос о создании народнохозяйственного планирования в России. При этом целесообразно рассмотреть возможности полноценного народнохозяйственного планирования в рамках капиталистической экономики. Некоторые экономисты придерживаются мнения, согласно которому как бы ни развивались отношения планомерности в рамках капитализма, единый народнохозяйственный план невозможен. Очевидно, что в условиях социализма создаются наиболее благоприятные социально-экономические возможности планирования народного хозяйства. Речь идет о господстве одной формы собственности, о единстве в выборе основных социально-экономических целей развития. При капитализме это не может быть достигнуто.

Планомерность в условиях империализма имеет своим направителем монополию, интересы которой ограничены и противостоят, как правило, интересам большинства членов общества. Если же речь идет о полной, народнохозяйственной планомерности социалистической экономики, то здесь предполагается ее осуществление за счет и на благо всего общества. Направителем народнохозяйственной планомерности выступает общество в целом. При условии же сохранения власти в руках буржуазии даже развернутая система государственного

регулирующая, охватывающая все народное хозяйство, не может осуществляться во имя всего общества и не будет им направляться.

Государственно-монополистическое программирование в тот или иной период времени может быть полезным большинству общества. Однако специфический, классовый характер, как правило, направляет его в пользу меньшинства общества вопреки большинству. Таким образом, здесь не может возникнуть народнохозяйственная планомерность.

В этих условиях возможно создание планов развития экономики, но это по существу форма монополистического регулирования. Такой подход, с одной стороны, объясняет возможность планирования экономики в буржуазном обществе, с другой — показывает истинную суть планирования в этих условиях как форму государственного монополистического регулирования. Чтобы подтвердить вышесказанное, обратимся к практике планирования во Франции, где имеется богатый опыт планирования.

Первый такой план вступил в действие в 1947 г. Предусмотренный вариант социально-экономического развития содержался в программах; главная роль принадлежала среднесрочным программам, разработанным на срок от четырех до пяти лет. Характерной чертой первого плана являлась его структурная направленность. Все подчинялось структурной перестройке производства и первоочередному развитию новых отраслей. Второй план предусматривал развитие всех секторов экономики, а также всех экономических районов и заморских территорий. Наряду с решением экономических и социальных проблем все более дает о себе знать монополистическое регулирование через планирование. Профессор Ю.М. Осипов, специально изучавший планирование во Франции, пишет: «Противовес предшествующим среднесрочным программам третий план отличается особой буржуазно-монополистической направленностью. В нем ясно проводилась мысль о необходимости сокращения внутреннего потребления. Это означало плановое наступление на жизненный уровень трудящихся» [1, 244].

Мы видим систему французского планирования в действии — тем самым опровергается вывод, который делали некоторые ученые, что как бы ни развивались элементы планомерности при капитализме, это не предполагает создания планирования экономики. В то же время речь шла о планомерном развитии всего народного хозяйства в интересах всего общества. Планирование при капитализме остается в пределах государственно-монополистического регулирования. Оно подчиняется цели получения наивысшей прибыли. Сейчас важно обратить

внимание на то, что планирование в России будет испытывать все те же трудности и недостатки, которые определяются капиталистическим строем. Разумеется, на первых порах можно избежать превращения планирования в орган монополистического регулирования — надо иметь это в виду и принимать соответствующие меры. В частности, необходимо сохранить практику широкого обсуждения в печати цели и основных параметров плана как это ранее делалось. Думается, что на первых порах удастся предотвратить превращение государственных органов в государственно-монополистическую организацию. В то же время необходимость планирования в России ощущается во все большей степени. На 2015 г. был разработан антикризисный план. И хотя общая ситуация оставалась прежней, удалось все же незначительно снизить объем производства промышленности, а в сельском хозяйстве получить 90 млн т. зерна. Поэтому, думается, что планирование в России — как годовое, так и перспективное — целесообразно возродить. Отсутствие разумной промышленной политики, несомненно, отрицательно сказывалось на модернизации экономики, в частности потому что было неясно, что необходимо делать.

Необходимость перспективного планирования ощущается все явственнее. К сожалению, сейчас нет соответствующих условий для введения перспективных планов. Правительство временно отменило планирование бюджета на три года. Возврат к однолетнему бюджету объясняется постоянными и значительными колебаниями мировых цен на сырье, которое формирует половину федерального бюджета. Имеющееся время можно использовать для выработки промышленной политики, без которой перспективного плана не будет.

Промышленная политика должна иметь несколько направлений. Прежний курс догоняющего развития не дает положительного результата. В современных условиях, видимо, необходимо перейти от догоняющего к опережающему развитию для новинок и производства шестого технологического уклада. Только в этом случае мы сможем оставаться на плаву. Совершенно очевидно, что в первую очередь разработка новинок шестого уклада будет связана с военно-промышленным комплексом и государственными инвестициями. Здесь необходимо развивать в едином комплексе изобретения, создавать новые производства. В то же время для реализации новинок шестого уклада необходимо обеспечить передачу новых подходов частному производству. Это одно из условий широкого развития производств шестого уклада и получения средств для научных разработок, финансирования изобретений и их достаточно быстрой реализации и окупаемости. Разумеется, для опережающего развития шестого технологи-

ческого уклада должны быть созданы наиболее благоприятные условия.

Совершенно очевидно, что правильный подход к определенному предприятию, соответствующему технологическому укладу, приведет к наибольшей результативности и отдаче. В настоящее время наиболее целесообразным является создание плана выхода из кризиса и перестройки структуры экономики. При создании системы перспективного планирования следует иметь в виду превращение планирования в составную часть государственно-монополистической организации. По возможности это должно произойти через не продолжительный период времени.

Литература

1. *Осинов Ю.М.* Хозяйственный механизм государственно-монополистического капитализма. М., 1987.

Т.И. КОПТЕЛОВА

Логика органического как основа методологии изучения устойчивого экономического развития

Аннотация. В статье раскрыты важнейшие законы логики органического, разработанной преимущественно евразийством 1920 — 1930-х гг. и Л.Н. Гумилевым. Показаны возможности применения логики органического в формировании методологии изучения устойчивого развития. Отмечены перспективы дальнейшего научного исследования логики органического как методологической основы устойчивого развития, способствующей не только теоретическому переосмыслению экономических достижений западной цивилизации, но и практическому предотвращению социально-экономических катастроф как регионального, так и глобального масштаба.

Ключевые слова: глобальная экономика, логика органического, устойчивое развитие, евразийство, методология, наука.

Abstract. In article the most important laws of logic organic, developed mainly by eurasianism of the 20 — 30th of the XX century and Lev Gumilev are opened. Possibilities of application of logic of organic studying of a sustainable development in formation of methodology are shown. Pro-

spects of further scientific research of logic organic as the methodological basis of a sustainable development promoting not only to theoretical reconsideration of economic achievements of the western civilization, but also practical prevention of social and economic accidents of both regional, and global scale are noted.

Keywords: global economy, logic organic, sustainable development, eurasianism, methodology, science.

Рукотворные кризисы и катастрофы, порождаемые европейской цивилизацией, все чаще и чаще заставляют современных ученых задумываться о будущем, которое невозможно без прошлого и настоящего. В связи с этим в начале XXI в. особенно популярной стала концепция *устойчивого развития*. Вектор социально-экономической политики Запада, как известно, в последние четыре столетия исходил из установок господства и приобретения все большего материального богатства [1, 193 — 196]. Возможно ли, опираясь на этику эгоизма (эгоцентризма), построить альтруистическую модель глобального устойчивого экономического развития? На этот вопрос и предстоит ответить современным ученым.

Под устойчивым развитием в настоящее время понимается поддержание в течение длительного времени расширенного воспроизводства социально-экономических и биолого-географических ресурсов, равновесие между экономической, социальной сферой и окружающей природной средой. Идеи устойчивого развития человечества стали особенно актуальными в 1960 — 1970-х гг., когда к ученым-экологам и экономистам пришло четкое осознание угрозы жизни современных и будущих поколений. К этому времени стали очевидны следующие проблемы: деградации окружающей среды, использования ресурсоразрушающих технологий, гуманитарных катастроф, продовольственных кризисов, истощения минерально-сырьевых и энергетических ресурсов, межэтнических и религиозных конфликтов и др. Стремительно меняющийся мир в начале XXI в. приводит современных экспертов к выводу, что состояние глобальной социоэкологоэкономической системы нестабильно, о чем свидетельствуют уничтожение биосферы, переселение народов, международный терроризм, перекраивание политических границ, угрозы очередных экономических кризисов регионального и мирового масштабов. При этом с точки зрения системного подхода, господствующего в европейской методологии, причины неустойчивости кроются в том, что национальные интересы преобладают над общечеловеческими, продолжается рост населения планеты, особенно за счет стран с низким уровнем развития, многими народами

используется экстенсивный путь экономического роста и т. д. [2, 130 — 154].

Господствующая научная методология исследования экономических проблем современности, к сожалению, не позволяет увидеть такие причины неустойчивости развития, как проект глобализации, предлагаемый Западом всем национальным экономикам мира, унификация национальных культур и миф о бесконечном прогрессе. С точки зрения синергетики главной причиной неустойчивого развития является обострение внутренних противоречий системы, связанное с возможностями ее разрушения или перехода в новое качество (более высокий уровень самоорганизации). Каковы критерии этого более высокого уровня самоорганизации? Стабильность и порядок? Сложность и «обуздание», или эффективное использование, больших объемов энергии? Современной науке придется ответить на эти вопросы.

Утверждая «широкомасштабные модели устойчивого экономического роста», ученые и политики лишь усугубляют неустойчивость и катастрофичность отдельных национальных экономик. А «справедливое» и «недискриминационное» распределение выгод, появляющихся за счет роста мировой экономики, определяется главными ее участниками: странами ЕС и США. Возможно ли взаимодействие «рыночных сил», когда сам рынок предполагает жесткую конкуренцию и постоянную борьбу [3, 3 — 14]?

Изначально понятие «устойчивое развитие» (sustainable development) было связано с экологией. И Международная комиссия по окружающей среде и развитию в 1987 г. дала следующее определение: «устойчивое развитие — это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [4].

Современные ученые часто говорят об универсальной, общей для всех народов, концепции устойчивого развития, которая предполагает механическое, но не органическое, формирование, а не рождение, и последующую эволюцию (усложнение системы), а не увеличение многообразия. При этом европейской цивилизации трудно отказаться от идеи бесконечного технического совершенствования и социального прогресса. В настоящее время в науке преобладает представление о глобальной эволюции, где развитие выступает как атрибут всех форм реальности, а не только как приоритетная характеристика живого. Но все же в современной науке появляются и тенденции перехода от антропоцентризма к биосферецентризму, где, кроме человека, рассматриваются биосфера и космос — все как единое целое, хотя представ-

ления о целостности и ее отражении в логике познания пока еще достаточно туманны. И альтернативный европейскому стиль мышления, предложенный русской философией конца XIX — XX вв. (В.И. Вернадский, евразийство 1920 — 1930-х гг., теория этногенеза Л.Н. Гумилева), предлагает нам логику органического, фиксирующую особенности и ритм жизни природных биогеоценозов, этносов и отдельного человека, без чего, собственно, и невозможно никакое развитие.

Логика органического — особый характер связей, последовательности между явлениями и процессами живой природы, который обнаруживает человеческое сознание. Поэтому близким по смыслу для названия такого стиля мышления, отражающего закономерности постоянно меняющейся действительности, может быть «логика живого». Именно течение жизни из века в век, смена поколений говорят нам о возможной устойчивости и непрерывности развития.

В области политической и социально-экономической логика органического способствует осознанию и практической реализации в деятельности государств идеи многополярного мира, права на национальную самоидентификацию и самобытный способ организации хозяйственной жизни. Логика органического — это препятствие на пути унификации национальных экономик через включение их в интенсивную систему хозяйственной деятельности, организованную по западному образцу [5, 188 — 190]. При этом разработка методологии устойчивого развития с позиций логики органического должна ориентировать современных исследователей прежде всего на сохранение и увеличение многообразия, что невозможно без внимательного отношения, «благоговения» перед жизнью. Такой «благоговенный», органический, подход всегда существовал в глубинах самых разных национальных интеллектуальных традиций. Он представлен и в витализме XVIII — XIX вв., теории порядка Г. Дриша, в русском космизме и учении В.И. Вернадского о биосфере, в теории ортобиоза И.И. Мечникова, в геософии евразийцев 1920 — 1930-х гг. и теории этногенеза Л.Н. Гумилева [6, 67 — 69]. На основе логики органического А. Швейцер формулирует этический принцип — «благоговение перед жизнью». Но логика органического, сопряженная с этикой альтруизма, оказалась мало востребованной в определенный момент европейской истории (с XVII по XX в.). А знание важнейших законов существования и развития живой природы особенно актуально сегодня при разработке основных методологических принципов изучения устойчивого развития [7, 132 — 140].

Законы логики органического в большей степени способствуют формированию методологии устойчивого развития, чем системный подход, нацеленный на абстрагирование и унификацию. Так, закон саморазвития предполагает, что жизнь любого организма всегда начинается с целого и цельность — это неотъемлемый признак жизни. Второй закон логики органического (закон многообразия) любого естественного развития можно сформулировать следующим образом: полноценная жизнь всегда создает предпосылки для появления нового многообразия. А жизнь деградирующая, напротив, отрицательно влияет на окружающее ее многообразие и способствует унификации и неустойчивости. Еще один закон логики органического говорит о том, что целое предшествует частям, определяя их назначение, но каждая часть в абстрактной форме воспроизводит целое, поэтому долгое время сохраняется возможность регенерации. Именно в этом кроется важнейшая особенность устойчивости. Взаимодействие целого и частей здесь существенно отличается от тех моделей, которые на протяжении последних трехсот лет предлагает европейская философия. В органическом целом это взаимодействие происходит как нелинейный, многомерный процесс, где благополучие целого определяет функции частей, а от состояния, казалось бы, совсем незначительных элементов зависят жизнь и развитие всего организма. Поэтому от согласованного взаимодействия «низов» и «верхов» через свободу исполнения своего предназначения зависит их полноценное состояние и определяется будущее всего органического целого, к которому относятся и те и другие. Согласно логике органического, индивид отдает свою свободу семье, а семья — роду и т. д. В социальном организме именно «идеальные» представления о «добре», «истине», «красоте», «справедливости» способствуют преодолению индивидуальной ограниченности, создавая цели, находящиеся за гранью существования отдельного элемента и даже за пределами той или иной национальной культуры. Поэтому именно духовные ценности создают возможность для адаптации этноса или народа в постоянно меняющихся природных и культурных условиях. И другой закон логики органического (сформулированный Г. Дришом) говорит о том, что индивидуальное развитие организмов — это не реализация экстенсивного пространственного разнообразия, как считали многие механицисты, а переход интенсивного индивидуального развития в экстенсивное. И без этого закона трудно представить свободную творческую личность, ее естественность и необходимость для полноценного развития социума, понять, что творческий характер мышления — это природная данность, которая разрушается искусственными социальными отношениями.

Другой закон логики органического — проявление одновременно двух детерминаций: детерминации, идущей от прошлого (причинной), и детерминации будущего (целевой), где целевая детерминация первична по отношению к причинной, — важен для осознания ложности сиюминутных экономических целей и установок (изменчивой конъюнктуры), претендующих на универсальность. Современному обществу необходимо знать и помнить, что будущее осуществляет свой «отбор», открывая дорогу самым активным и творческим членам коллектива. Будущее возможно только там, где есть многообразие. Настоящее хранит память о героях и выдающихся деятелях искусства и науки. Память в сознании новых поколений выступает как одна из причинных детерминаций, как необходимость сохранения традиций жизни, а последующее альтруистическое творчество молодежи — целевая детерминация, без чего нельзя представить будущее человечества.

Глобальная экономика как гармоничное целое возможна лишь при многообразии. Этот вывод не знаком диалектическому способу мышления, где все многообразие сводится к двум противоположностям, да и те могут превращаться друг в друга. Но заслугой немецкой классической философии является то, что она признала сочетание двух компонентов, необходимое для рождения нового, и создала перспективы для соединения разнородного, несовместимого, что в области техники дает человеку «положительные» результаты, а в живой природе порой ведет к катастрофам, к уничтожению естественных ландшафтов и массовой гибели живых организмов.

Логика органического утверждает, что для обеспечения устойчивого экономического развития необходимо множество народов и культур, которые занимают свои особые ниши в системе организации мировой хозяйственной деятельности. В настоящее время особенно важны различные этнические традиции организации хозяйственной жизни, выработанные в процессе адаптации к тем или иным природным и социальным условиям. «Традиции жизни», их множество, и все они имеют свой конкретный пространственно-временной и культурный (особенность творческой адаптации) характер. Поэтому логика органического, позволяющая понимать, сохранять общее и индивидуально-национальное в экономиках различных стран, представляется наиболее удачным теоретическим и практическим основанием для методологии устойчивого развития.

Литература

2. *Коптелова Т.И.* Экономика и православие — евразийский вариант «капиталистического духа» // *Философия хозяйства*. 2014. № 5.
3. *Розенберг Г.С., Черникова С.А., Краснощеков Г.П., Крылов Ю.М., Гелаивили Д.Б.* Мифы и реальность «устойчивого развития» // *Проблемы прогнозирования*. 2009. № 2.
4. *Левашов В.К.* О социальной сущности концепции устойчивого развития // *Ежемесячный научный и общественно политический журнал РАН*. 1997. № 4.
5. *Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР)*. М., 1989.
6. *Коптелова Т.И.* ГМО в интенсивной системе экономики: риски и альтернативы (Анализ проблемы с точки зрения евразийства) // *Философия хозяйства*. 2015. № 4.
7. *Коптелова Т.И.* Унификация — основа глобальной экономики или самоуничтожение человечества? Ответ с точки зрения евразийской философии истории // *Философия хозяйства*. 2015. № 2.
8. *Коптелова Т.И.* *Логика органического. Наука для жизни или жизнь для науки?* Н. Новгород, 2015.

Е.В. ТРИФОНОВ

Социально-экономическая концепция развития России

Аннотация. Господствующая в теории и на практике неоклассическая экономическая концепция в условиях современной России показала, что она не способна обеспечить развитие и процветание страны. Существует настоятельная необходимость разработки новой концепции экономического развития. В статье представлено содержание социально-экономической концепции развития общества. Сущность концепции заключается в необходимости формирования демократической общественно-экономической системы, направленной на становление творческого человека, обладающего неограниченными интеллектуальными ресурсами развития экономики и общества.

Ключевые слова: неоклассическая экономическая концепция, социально-экономическая концепция, демократизация системной экономической собственности, демократическая цивилизация, творческий человек, экономика дарения.

Abstract. Dominant in theory and practice the neoclassical economic concept in the conditions of modern Russia has shown that it is not able to ensure the development and prosperity of the country. There is an urgent need to develop a new concept of economic development. The article presents a socio — economic concept of development of the society. The essence of the concept lies in the need to form a democratic social and economic system aimed at the formation of the creative person, with unlimited intellectual resources for the development of economy and society.

Keywords: neoclassical economic concept socio — economic concept, democratization of the system of economic ownership, democratic civilization, creative people, the economy of gift.

Неоклассическая концепция развития

Современная господствующая неоклассическая экономическая теория провозглашает, что для решения всех общественных проблем достаточно обеспечить экономический рост на основе технических и технологических нововведений. С такой постановкой вполне можно согласиться, но вот достаточно ли одних только технико-технологических нововведений?

За последнее столетие достигнут небывалый экономический рост, произошло многократное повышение эффективности и производительности труда на основе крупных научно-технических достижений. Согласно неоклассической теории, мир должен был решить все свои социально-экономические и общественно-политические проблемы. Однако реальность такова, что мир людей испытывает возрастающее число трудностей.

В экономической теории существуют два противоположных подхода к решению экономических проблем: индивидуалистический, частный подход и коллективистский, общественный подход. Два подхода сопровождают всю историю развития человеческого общества. На отдельных этапах развития преобладал частный, на других — общинный, или общественный, подход. В современных условиях неоклассическая теория в наибольшей степени выражает преимущества частно-индивидуалистического подхода к решению экономических проблем. Можно сказать, что неоклассики абсолютизируют пре-

имущества частного подхода. Коллективистский, или общественный, подход к решению экономических проблем развития выражают марксистская и неомарксистская экономическая теории. Относительно марксистской экономической теории можно сказать, что она полностью исключает частный подход и абсолютизирует общественное решение экономического развития.

Таким образом, в области теории существуют крайне полярные подходы к решению экономических проблем. Неоклассики утверждают, что только частный собственник, руководствуясь своим частным интересом, способен эффективно решать проблемы экономического развития. Марксисты и неомарксисты придерживаются противоположного мнения и утверждают, что абсолютизация частного интереса в экономическом развитии вызывает глубокие противоречия и ведет к появлению «провалов» экономики, которые разрушающе воздействуют на общественный прогресс. Они считают, что на основе общественной собственности методами общественного управления экономикой можно преодолеть противоречия частнособственнического капитализма.

На наш взгляд, в настоящее время востребован плюралистический подход к решению экономических проблем. Он предполагает использование как частного, так и общественного подхода в экономике.

Большинство экономистов, оценивая современное состояние России, приходят к выводу, что главной причиной перманентного кризисного состояния страны является господствующее положение неоклассической экономической теории. Эта теория используется как основной инструмент практического управления экономикой. Причем управление экономикой происходит не столько в интересах общенационального развития, сколько в узкоэгоистических интересах абсолютного меньшинства общества — собственников капитала. Отражая интересы меньшинства за счет и в ущерб интересам большинства населения, неоклассическая теория игнорирует общенациональные интересы. В этом заключается коренная особенность неоклассической экономической теории. «...Система неконтролируемого олигархического капитализма ввергла страну в “бермудский треугольник” деструктивных отношений...» [1, 52].

Теоретическое и практическое превращение большинства населения в средство благополучия меньшинства делает неизбежными экономические кризисы, инфляцию, безработицу, полярное неравенство социально-экономического и общественно-политического положения противоположных социальных групп населения. Выражение и

защита экономических интересов абсолютного меньшинства свидетельствуют, что неоклассическая экономическая теория не способна выражать общие интересы коллективов предприятий, общенациональные интересы граждан страны и глобальные интересы человечества.

В результате рыночных реформ по рецептам неоклассиков экономика России стала инфляционной, перераспределительной и спекулятивной. Идея ослабления государства оказалась несостоятельной, а идея саморегулирования рынка провалилась. Получили распространение такие деформации экономической системы, как офшоризация, теневая и криминальная экономика, занижение заработной платы и завышение прибыли, неуплата налогов, коррупция и другие изъятия.

Все чаще в литературе выдвигается требование разработать новую цивилизационную парадигму развития страны. И.В. Манахова прямо пишет, что стране необходима «...разработка новой парадигмы социально-экономического развития, которая способна обеспечить благосостояние общества...» [2, 186].

В современных условиях уровень решения задач, стоящих перед обществом, существенно возрос. Сейчас уже недостаточно надеяться на стихийное развитие процессов на уровне отдельного предприятия. Решение экономических задач поднимается на уровень общенациональных и даже общепланетарных задач. Общество стремительно приближается к необходимости решения задач космического масштаба. В этих условиях частноэгоистическая парадигма развития экономики и общества на основе только неоклассического подхода оказывается безнадежно устаревшей. Решение экономических проблем на уровне народного хозяйства в целом предполагает выделение общих общественных интересов, а неоклассика призвана решать частные интересы, в силу чего она оказывается малоэффективной при решении экономических проблем общенационального масштаба. Макроэкономика образовалась путем перенесения принципов микроэкономики в общенациональную экономику. Макроэкономика призвана решать общенациональные проблемы в интересах общества в целом, а практически решает частные интересы меньшинства в масштабах всего национального хозяйства.

Социально-экономическая концепция развития России

Общенациональные интересы обуславливают преимущественное развитие социально-экономической концепции наряду с развитием неоклассической экономической концепции. Неоклассическая экономическая теория призвана решать эффективный экономический выбор на уровне предприятий и корпораций, а социально-экономическая тео-

рия имеет цель решать общенациональные, общепланетарные проблемы развития человеческой цивилизации. Предлагаются фундаментальное изменение руководящей роли неоклассической экономической теории и замена ее новой социально-экономической теорией, выражающей интересы всех работников предприятий, общенациональные интересы граждан и глобальные интересы человечества.

Социально-экономическая, гуманистическая концепция развития, с одной стороны, дополняет, с другой — поглощает неоклассическую концепцию. Она придает гуманистический, демократический характер неоклассической теории. Социально-экономическое направление развития отличается совокупностью положений, выражающих интересы и потребности всего общества, каждой социальной группы и каждого человека. Только новая экономическая парадигма, прямо настроенная на общенациональные интересы, гарантирует прямой практический путь к оздоровлению экономики.

Экономика есть единство частных интересов, реализуемых на уровне предприятий и компаний, и общенациональных интересов, реализуемых в масштабах всего народного хозяйства. Частный экономический интерес проявляется на основе частной собственности в рамках отдельных предприятий. Общенациональный интерес проявляется на основе государственной и муниципальной собственности в государственном и муниципальном секторах экономики.

Основой социально-экономической концепции развития российского общества является демократическая система отношений экономической собственности. Реализация положений демократизации системной экономической собственности образует демократическую экономическую систему, далее — демократическую политическую надстройку, единство которых образует демократическую цивилизацию. Демократическая цивилизация — это совокупность общественных отношений, особенностью которых является создание условий для развития и благоустройства каждого человека.

Процветание и совершенствование общества возможны, если отношения собственности будут развернуты в интересах каждого человека. Перспективы совершенствования общества гарантированы, если отношения собственности способствуют развитию творческих способностей каждого человека.

Возможности демократизации собственности некоторые ученые подвергают сомнению. Примером нереализуемости названных подходов является положение, выдвинутое С.С. Слепаковым. Он пишет, что «в стране, эксплуатируемой бюрократией, госкорпорациями и олигархатом в качестве площадки собственного бизнеса, поставить политику

и экономику на службу национальным интересам невозможно. Достижение этой цели требует сильного государства, свободного от бремени “либерального” лобби» [3, 138]. Действительно, сильное государство необходимо в эпоху перемен и выбора стратегического пути развития страны. Однако сильное государство может выражать интересы как прогрессивных слоев общества, так и тех слоев, которые не заинтересованы в прогрессивных переменах.

Опираясь на устойчивые закономерности экономического развития, реально существующие в современном обществе, можно назвать генеральное условие прогрессивных перемен. Таким условием является демократизация системной экономической собственности, уже доказывавшая свои преимущества в стимулировании общественного производства.

Неоклассическая экономическая теория основными объектами критики избрала государственную экономику и государственное вмешательство в систему экономических отношений. Государство объявляется не эффективным в области управления экономикой, утверждается, что оно является основной причиной возникающих противоречий в экономике. Некоторые экономисты-либералы считают, что максимально возможный размер государства для высокоразвитых стран составляет 24% ВВП. Эта величина доли государства в экономике не соответствует сложившейся практике государственного вмешательства в экономику. В развитых странах в последние десятилетия резко возросли доля государства в экономике и его роль в управлении хозяйственными процессами. Так, доля государства в экономике США достигла 30%, Великобритании — 40%, а во Франции — 50% ВВП этих стран.

Многие экономисты считают, что стабильное развитие экономики, реализующей общенациональные интересы, невозможно без активной роли современного государства. Повышение роли государства в экономике становится устойчивой закономерностью общественного развития. Потребность в инновационном развитии экономики невозможно осуществить без активной роли государства. Государственное вмешательство особенно актуально в переходный период, который переживает сейчас наша страна. В целях реализации общенациональных интересов следует расширить государственную собственность в России. «В качестве ключевого шага назрело признание базисного значения государственной собственности и государственного сектора экономики...» [4, 19].

Требование увеличения доли государственного сектора экономики России не сопровождается предложениями трансформации госу-

дарственной собственности, а это важнейший момент трансформационных процессов. Многие исследователи отмечают антидемократический характер современной государственной собственности в России. С.С. Слепаков пишет, что «...государство рассматривается как частное владение (патримониум) правящих групп — носителей государственной власти» [3, 136 — 137]. Требуется расширение государственной собственности нового качества. Государственная собственность институциональным путем должна быть преобразована в государственную долевую гражданскую собственность действительных граждан страны.

Государственная гражданская собственность в наибольшей степени способствует превращению современной экономики в инновационную, обеспечивающую неиндустриальное развитие страны на качественно новой технической и технологической основе. Государственная гражданская собственность формирует качественно новую экономическую систему, реализующую общенациональные интересы, интересы отдельных социальных групп и каждого человека.

В условиях демократической государственной собственности в качестве критерия общественного прогресса принимается не максимизация прибыли, как это обосновывает неоклассическая экономическая теория, а благополучие и совершенствование человека, преобразование экономического человека в творческого человека, как это определяет социально-экономическая теория.

Творческий человек — человек, «открывший» себя, нашедший свое предназначение и призвание, самореализующий себя в результатах, продуктах своей творческой деятельности. Конечное предназначение отношений собственности — служить человеку, способствовать раскрытию способностей, талантов и самой гениальности каждого человека. Отношения собственности способствуют процветанию общества через посредство создания общественно-экономических условий, обеспечивающих развитие многообразных творческих способностей бесконечного числа членов общества.

Современный экономический человек является исторически преходящим явлением. Экономический человек как совокупность общественно-экономических отношений перестает быть актуальным в условиях практического превращения науки и научных исследований в важнейшую производительную силу. Актуальным становится появление творческого человека. Преобразование экономического человека и становление творческого человека характеризуют новый исторический этап развития человеческого общества. Становление массового творческого человека соответствует появлению массового творческого

труда в обществе. Формирование массового творческого труда сопровождается многократным повышением общественной и индивидуальной производительности труда по сравнению с современными высшими достижениями в передовых странах.

Производительность труда творческих членов общества позволяет получать продукцию, многократно превышающую пожизненно потребляемые блага каждым участником. Массовое распространение творческого труда в обществе сопровождается появлением экономики дарения. Человечество выходит на новый исторический уровень своего развития, когда приступает к решению не только общепланетарных, но и космических проблем своего существования.

Появление творческого человека — многогранный процесс. Он предполагает исследование биологической природы человека, в том числе развитие возможностей многократного увеличения памяти, а также распространение и использование общественных центров, развивающих творческие способности человека.

Развитие творческих способностей человека — весьма серьезный и ответственный общественный феномен. В частности, он предполагает нравственную ответственность человека за результаты своей творческой деятельности. Высокие творческие способности человека в сочетании с низкой моральной ответственностью за результаты творческой деятельности может породить чудовище с атомной дубинкой в руках. Массовое творчество возможно на основе господства гуманистического мировоззрения, порождаемого гуманистической системой общественно-экономических отношений. Современная система общественно-экономических отношений способна породить только мизантропа, настроенного против общества в целом.

Массовый творческий труд образует особенность будущего состояния общества. В основе этого общества отношения собственности выражают экономические и общественно-политические интересы не меньшинства, как сегодня, а большинства населения, каждого человека. Это собственность, выражающая системную демократизацию отношений присвоения произведенной продукции и услуг, совокупных доходов и богатства. Системная демократизация отношений собственности формирует демократическую экономическую систему, демократическую политическую систему, единство которых образует демократическую цивилизацию. Демократическая цивилизация — это система общественных отношений, целью которых является всемерное развитие способностей, талантов и самой гениальности каждого члена общества. Творчество каждого становится отличительной чертой обще-

ства, а творческий труд приобретает массовый характер, обеспечивая прогресс и процветание человечества.

Демократическая цивилизация отличается формированием экономики дарения, которую следует принять в качестве стратегического направления совершенствования современного общества. Это задача демократизации и гуманизации, неоиндустриализации и инновации, преобразования экономического человека в творческого человека, многократного повышения производительности труда в интересах процветания экономики, общества, государства и человека.

Вместо заключения

Экономические исследования в основном определяют содержание ближайшего будущего, немногие исследования пытаются установить черты экономического развития в краткосрочной перспективе и почти полностью отсутствуют исследования экономики в долгосрочной перспективе. Однако то, что считается далекой перспективой, уже завтра может стать актуальной проблемой. В нашей статье делается попытка обосновать состояние экономики в долгосрочной перспективе. Основаниями экономического будущего являются современные экономические закономерности, в том числе последовательная и реальная демократизация экономической собственности, экономической и политической систем и образование демократической цивилизации общества.

Возрастающая ограниченность экономических ресурсов создает непреодолимые трудности в будущем. Всесторонняя демократизация общества на основе демократизации экономической собственности открывает источник неограниченных экономических ресурсов — формирование массового творческого человека, способного к безграничному совершенствованию своих способностей и сверхспособностей. Неограниченными ресурсами экономического развития становятся разнообразные способности многочисленных участников экономической деятельности. Проблема численности людей в условиях демократической цивилизации уже не будет носить отрицательный характер. Наоборот, чем больше творческих людей, тем больше возможностей решения проблем развития и благополучия общества. Массовое творчество становится объективной необходимостью дальнейшего прогресса общества.

Условиями массового творчества становятся: собственность, распространенная среди неограниченного числа членов общества; общественные отношения, благоприятствующие развитию способностей людей; система воспитания, формирующая высшие ценности мира,

жизни и творчества в жизнедеятельности каждого человека. Все эти условия создает системная демократизация экономической собственности, коренным образом меняющая мировоззрение миллионов.

Литература

1. *Наймушин В.* Развитие корпоративных отношений и формирование инновационной культуры — важные факторы перехода к инновационной экономике // *Экономист.* 2015. № 3.
2. *Манахова И.В.* Повышение устойчивости благосостояния на основе новых моделей потребления // *Философия хозяйства.* 2015. № 1.
3. *Слепаков С.С.* Движущие силы политико-экономического развития современной России // *Философия хозяйства.* 2015. № 1.
4. *Кучуков Р.* Безальтернативность плановой неоиндустриальной модели // *Экономист.* 2015. № 4.

Д.А. АНТИПОВ

Основные этапы становления неолиберальной модели развития

Аннотация. Исследуется история развития неолиберальной экономической модели; устанавливается, что в процессе своего становления неолиберализм прошел ряд последовательных этапов — от теоретической доктрины до практического воплощения в процессе глобализации в конце XX — начале XXI в. Результаты исследования могут быть использованы при анализе сложившихся глобальных противоречий, неразрешенность которых порождает кризисные явления в глобальном мире. В ходе исследования были использованы методы социально-философского анализа, позволившие установить этапы и их последовательность в развитии неолиберальной модели.

Ключевые слова: глобализация, неолиберализм, монетаризм, экономическая теория, идеология глобализма, экономический кризис.

Abstract. The study of the history of the development of the neoliberal economic model is established that in the process of its formation, neoliberalism underwent a series of successive stages from theoretical doctrine to practical implementation in the process of globalization in the late XX — early XXI centuries, the Results of the study can be used in the glob-

al analysis of the prevailing contradictions, the insolubility of which generates the crisis phenomena in the global world. During the research there were used methods of socio-philosophical analysis, allowed to establish the stages and their sequence in the development of the neoliberal model.

Keywords: globalization, neoliberalism, monetarism, economic theory, ideology of globalism, economic crisis.

Конец XX в. ознаменовался победой неолиберальной модели социально-экономического развития в мировом масштабе. Этот процесс включал в себя экономические, политические и социальные составляющие. Экономическая составляющая включала в себя программы, проводимые в жизнь политикой М. Тэтчер в Великобритании и Р. Рейганом в США. Исходя из монетарной доктрины правящие круги этих стран приступили к реализации экономических преобразований, суть которых сводилась к минимизации роли государственного регулирования в экономике и обеспечению регулярной денежной эмиссии как залога постоянного экономического роста. Эти меры совпали с изменениями, произошедшими в глобальной политической сфере: распад социалистического блока и его центральной силы — Советского Союза — вызвал несоответствие между структурой мировой политики (основы которой были заложены после окончания Второй мировой войны) и реальной политической ситуацией. Международные институты, прежде всего ООН, выступавшие механизмом балансировки сил и взаимодействия двух сверхдержав (США и СССР), оказались не в состоянии эффективно функционировать в изменившейся ситуации. Это отразилось в уменьшении их роли при принятии важных международных решений [1]. В результате политическое лидерство закрепилось за сохранившейся сверхдержавой — США. Гибель «реального социализма» оказала влияние не только на сферу глобальной политики — она послужила причиной возникновения кризиса в социальной сфере, прежде всего, кризиса «социальной перспективы», проявившегося в уменьшении численности профсоюзов, спаде рабочего движения и девальвировании социалистических ценностей. Именно в этот период и при таких экономических, политических и социальных условиях получает широкое распространение неолиберальная модель развития, которая синхронизируется с уже идущим процессом глобализации, порождая на практике неолиберальную глобализацию, в которую включается практически весь мир.

Теория неолиберализма

Рождение неолиберальной теории произошло в 1930—1940-х гг. Появление неолиберализма связано с именами Людвиг фон Мизеса и Фридриха Августа фон Хайека, основавшими международную организацию «Общество “Мон Пелерин”» для разработки и популяризации своих социально-экономических воззрений. В 1912 г. Л. Мизес опубликовал работу «Теория денег и кредита» (первое изд. 1934 г.), в которой средствами математических доказательств обосновал наличие взаимосвязи между возникновением денег в экономике и спросом на них. Деньги обладают таким товарным свойством, как спрос, — следовательно, необходимо поддержание определенного баланса между спросом и предложением денег в экономике, иначе возникает инфляционный кризис [2]. Идея, сформулированная Мизесом, выступила обоснованием для развития денежно-кредитной политики на основе принципа предельной полезности и ценности денег.

Идеи Мизеса получили дальнейшую разработку в работах его ученика — Фридриха Августа фон Хайека. Именно Хайек сформулировал основополагающие принципы неолиберальной модели экономического и социального развития [3 — 6]. Согласно Хайеку, существует несколько базовых принципов рационального функционирования общества и экономики. Опора на эти принципы позволяет создать эффективную социально-экономическую модель, устойчивую к внутренним потрясениям.

Первым базовым принципом является *индивидуализм*, который позволяет выстроить общество «равных возможностей», т. е. человек, живущий в индивидуалистической культурной среде (обществе, свободном от коллективистской идеологии), исходит из личного набора представлений и идей, которые, в свою очередь, соперничают с представлениями окружающих. Как следствие, формируется конкуренция на индивидуальном уровне и уровне *микросообществ*. В ходе конкуренции побеждает наиболее жизнеспособная идея, приносящая пользу всему обществу в целом. Из данного принципа вытекает второй базовый принцип — *конкуренция* как необходимое условия развития. Третьим принципом является *свободный рынок* (рынок без государственного контроля). Именно свободный рынок способствует экономическому прогрессу посредством снижения издержек за счет рыночных механизмов и создания новых продуктов, появляющихся в ходе конкуренции. Четвертый базовый принцип — *абсолютизация частной собственности*, придание беспрецедентной значимости институту собственности. Появление собственности стало причиной возникнове-

ния государства, сохранение этого института гарантирует сохранение государства и общества в целом. Пятый принцип — *ценовой механизм*. Пожалуй, именно принцип ценового механизма стал революционной идеей для классического либерализма. В рамках ценового механизма Хайек обосновал закономерность формирования рыночной экономики в процессе развития общества. Он исходит из того, что свободная ценовая система не была изобретением человека, а сложилась как самопроизвольный порядок в процессе человеческого развития. Такой подход поставил законы экономики в один ряд с «естественными законами», т. е., однажды сложившись, ценовой механизм начал детерминировать деятельность людей и определять формы развития общества. Для того чтобы не вступать в противоречие со сложившимся самопроизвольным порядком, необходимо избегать форм социальной организации, в которых индивидуальная свобода может быть ограничена — в связи с тем, что наличие «свободы» гарантирует соблюдение базовых принципов, отстаиваемых Хайеком. Как следствие, идеологи и последователи неолиберальной модели отрицали любые ограничения в экономике, стремясь создать максимально «свободную» экономическую ситуацию. Идеи Людвиг фон Мизеса и Фридриха Августа фон Хайека получили дальнейшее развитие в работах М. Фридмана и чикагской экономической школы, они легли в основу количественной теории денег, суть которой можно свести к одному правилу: поступательное развитие экономики осуществляется путем регулирования стоимости денег через постоянное наращивание денежной массы.

«Консервативный поворот»

После своего оформления неолиберальная теория прошла несколько этапов институционального становления. Первым этапом можно считать «консервативный поворот», ставший поздним ответом на экономические проблемы, возникшие еще в конце 1960-х гг. Появление кризисных явлений в этот период связано с растущими противоречиями между институциональной финансовой системой (положения которой регулировались Бреттон-Вудскими соглашениями) и ее реальным положением. После окончания Второй мировой войны была сформирована «договорная» финансово-экономическая система. Суть «договора» состояла в признании бизнес-элитой социальных гарантий для работающих граждан — взамен же получали снижение рабочего протестного движения, руководимого профсоюзами. Арбитром выступало государство, которое гарантировало перераспределение сверхприбылей компаний в целях реализации социальных программ. Широко использовалась фискальная и монетарная «кейнсианская» политика

для обеспечения высокого уровня занятости и развития социальных гарантий. Достижение и реализация подобного «соглашения» позволили получить стабильный экономический и социальный рост на протяжении почти тридцати послевоенных лет. Ситуация начала меняться в конце 1960-х гг. Изменения были вызваны накоплением капитала у финансовой и промышленной элиты. Так, масса нерепатрированного и неинвестированного капитала в Европе увеличилась с 4,5 млрд дол. в 1960 г. до 160 млрд в 1973 г. [7, 30]. Основная часть этого капитала приходилась на американские ТНК, которые не могли свободно перемещать и инвестировать капитал в связи с лимитированием операций в долларах США из-за его привязки к золоту. Сложившаяся ситуация вызвала противоречия между правилами и реалиями финансовой жизни. Попытка разрешить ситуацию была предпринята в августе 1971 г., когда доллар США был «отвязан» от золотого обеспечения. Этот шаг привел к свободному перемещению капиталов, а американский доллар окончательно закрепил за собой статус лидирующей валюты. Отход от золотого стандарта позволил на непродолжительное время снять остроту нарастающего финансового кризиса.

Дальнейшее развитие ситуации привело к возникновению глобальных финансовых, экономических и социальных коллапсов. Рост цен на нефть более чем в шесть раз в 1974 г. [8] привел к возникновению значительных финансовых активов у ТНК нефтегазовой отрасли; полученные сверхприбыли были ими перенаправлены в активы кредитных организаций (прежде всего МВФ), которые, в свою очередь, развернули масштабную программу кредитования стран «третьего мира». Возникла ситуация замкнутого круга — кредиты, полученные развивающимися странами, расходовались на создание и развитие инфраструктурных и социальных программ, что повышало покупательную способность населения в этих странах; как следствие, они становились рынками сбыта для стран и компаний кредиторов. Для дальнейшего стимулирования покупательной способности кредиторы давали новые кредиты.

Параллельно изменился рынок ценных бумаг: государственные облигации США стали главными активами на финансовой бирже, что позволило развивающимся странам неограниченно прибегать к внешним займам, так как теперь не требовалось выпускать национальные государственные облигации, гарантированные реальным ВВП страны. Ситуация начала меняться в 1982 г. с появлением положительных процентных ставок по кредитам. Возник глобальный долговой кризис, когда страны-заемщики оказались неспособными оплачивать проценты по займам. В сложившейся ситуации резко сократился уровень до-

ходов государств и компаний-кредиторов. Ответом на возрастающие финансовые и экономические проблемы стала политика внедрения «программ экономии», получившая название «консервативный поворот». Консервативность заключалась в отказе от курса по поддержанию «договорной» послевоенной системы с целью перенаправления средств из социальной сферы в финансовую, а точнее, обеспечения прежнего уровня прибыли государства и корпораций нефтегазового комплекса. Данная политика вызвала небывалую для послевоенных Европы и США стагнацию [9], что грозило социальным взрывом. В такой непростой ситуации в Великобритании и США начинаются кампании по перестройке социально-экономической модели на принципах неолитерализма. Их проводниками стали М. Тэтчер в Великобритании и Р. Рейган в США. Политику этих лидеров можно свести к нескольким ключевым положениям: отмене госрегулирования в экономике и финансах, масштабной приватизации, ликвидации всех ограничений для движения капитала, ставке на крайний индивидуализм, ограничению власти профсоюзов, сворачиванию социальных программ, регуляторной денежной эмиссии [10].

Ямайская валютная система

Вторым этапом институционального закрепления неолитеральной модели стали окончательный уход от Бреттон-Вудской финансовой системы в 1978 г. и приход ей на смену Ямайской валютной системы, принципы которой состояли: в отказе от золотого стандарта (золото приравнивалось к сырьевому товару); в введении системы специальных правил заимствования (виртуальные финансовые активы, выпускаемые МВФ); в официальном закреплении за долларом США статуса международной резервной валюты; в ведении системы плавающих курсов (курс национальной валюты формируется на основе биржевого спроса и предложения). По своей направленности Ямайская валютная система полностью соответствовала идеям финансово-экономической теории, выдвинутой участниками «Мон Пелерин», а следовательно, закрепляла эти идеи на практике в глобальном масштабе.

«Вашингтонский консенсус»

Следующим этапом институциональной оформленности неолитерализма стал период с 1989 по 1991 г., когда формировалась экономическая политика, известная как «Вашингтонский консенсус», проводимая США, ЕС и Японией. Она включает в себя ряд рекомендаций со стороны МВФ и Всемирного банка, которые, по мнению этих орга-

низаций, способствуют преодолению экономических трудностей. Положения, вошедшие в данный свод рекомендаций, базируются на монетарной теории и сводятся к следующему: поддержание фискальной дисциплины; приоритетность здравоохранения, образования и инфраструктуры среди государственных расходов; снижение предельных ставок налогов; либерализация финансовых рынков для поддержания реальной ставки по кредитам на невысоком, но все же положительном уровне; свободный обменный курс национальной валюты; либерализация внешней торговли; снижение ограничений для прямых иностранных инвестиций; приватизация; дерегулирование экономики; защита прав собственности. Принятие «Вашингтонского консенсуса» в качестве ведущей экономической доктрины стало окончательной победой неолиберальной теории во всем мире. Причиной безоговорочного принятия «Вашингтонского консенсуса» послужило изменение в политической картине мира. Распад социалистического блока снял имеющиеся ограничения для продвижения этой теории в глобальном масштабе и долгосрочной перспективе.

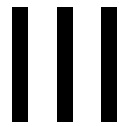
Окончательное закрепление гегемонии принципов неолиберальной доктрины в общемировом масштабе отразилось в создании Всемирной торговой организации 1 января 1995 г. ВТО возникла как преемница Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ). Цель ее заключается в либерализации международной торговли через минимизацию национальных барьеров в сфере экономического и финансового взаимодействия стран-участниц [11].

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что в своем становлении неолиберальная модель прошла ряд этапов — от теоретической доктрины до реального институционального и практического воплощения в ряде международных организаций и принципов, реализуемых этими организациями. Возникнув как альтернатива социалистической и кейнсианской экономическим моделям, неолиберализм предложил свои способы решения возникавших финансовых и экономических противоречий капитализма.

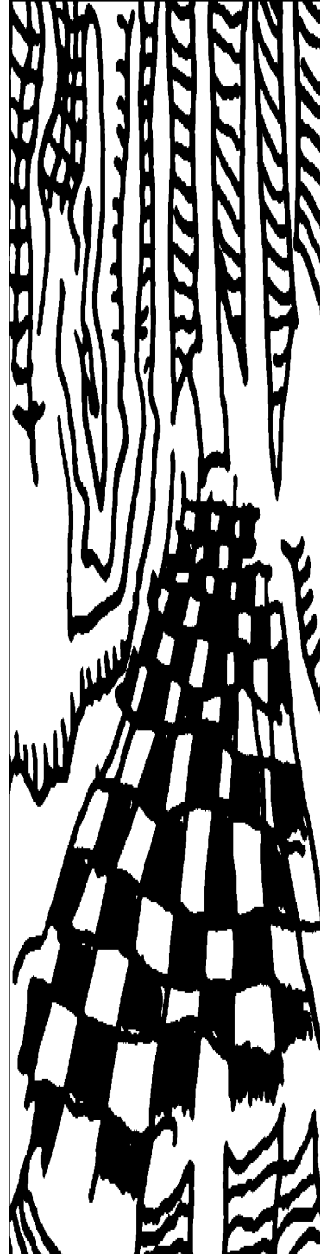
Литература

1. Урсул А.Д., Урсул Т.А. Глобализация в перспективе устойчивого будущего // Вопросы права и политики. 2013. № 5 // http://e-notabene.ru/lr/article_794.html (дата обращения: 23.12.2015).
2. Mises L. The Theory of Money and Credit. // https://mises.org/system/tdf/The%20Theory%20of%20Money%20and%20Credit_3.pdf?file=1&type=document (дата обращения: 23.12.2015).

3. *Hayek F.* Monetary Theory and the Trade Cycle // <https://mises.org/library/monetary-theory-and-trade-cycle> (дата обращения: 23.12.2015).
4. *Hayek F.* The Pure Theory of Capital // https://mises.org/system/tdf/Pure%20Theory%20of%20Capital_4.pdf?file=1&type=document (дата обращения: 23.12.2015).
5. *Хайек Ф.* Цены и производство. Челябинск, 2008.
6. *Хайек Ф.* Индивидуализм и экономический порядок. М., 2000.
7. *Агитон К.* Альтернативный глобализм. Новые мировые движения протеста. М., 2004.
8. *Миркин Я.* Анатомия цены на нефть: она только на треть зависит от спроса и предложения // <http://www.forbes.ru/ekonomika-column/rynki/74807-tsena-nefti-tolko-na-tret-zavisit-ot-sprosa-i-predlozheniya-cto-eshche> (дата обращения: 23.12.2015).
9. *Акаев А.А., Коротяев А.В., Фомин А.А.* Динамика темпов глобальной инфляции: закономерности и прогнозы // http://cliodynamics.ru/download/Akaev_Korotayev_Fomin_Booklet_PDF.pdf (дата обращения: 23.12.2015).
10. *Харви Д.* Краткая история неолиберализма // http://revbel.org/wp-content/uploads/Дэвид_Харви_-_Краткая_история_неолиберализма.pdf (дата обращения: 23.12.2015).
11. Официальный сайт ВТО // <https://www.wto.org> (дата обращения: 23.12.2015).

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

Ф.И. ГИРЕНОК

Что значит «смерть автора» с точки зрения антропологии?

Аннотация. Анализируется идея Барта о смерти автора и делается вывод о том, что Барт деантропологизирует процесс творчества, поставив на место автора безличное письмо скриптора. Особое внимание в статье уделено понятию двусмысленности, которое ведет к оппозиции концепта структуры и концепта самости.

Ключевые слова: смерть автора, смысл, человек, самость, слово, язык, письмо, автор.

Abstract. In article Bart's idea about death of the author is analyzed and the conclusion that Bart deprives of humanity creativity process, having put the impersonal letter of a skriptor to the place of the author is drawn. The special attention in article is paid to concept of an ambiguity which conducts to opposition of a concept of structure and a concept of egoism.

Keywords: death of the author, sense, person, egoism, word, language, letter, author.

В 1967 г. Ролан Барт сочинил небольшой текст под названием «Смерть автора». Этот текст принес Барту известность. В нем он заявил о себе как о левом мыслителе.

Барт, конечно, не Маркс. Хотя и он тоже нашел свой «пролетариат», свою социальную группу, которую решительно принялся освобождать от оков литературной буржуазии, т. е. от автора. «Рождение читателя, — заявил Барт, — приходится оплачивать смертью автора» [1, 391].

Автор

Любое творчество можно, в конечном счете, свести к вопросу о том, что есть автор. Чтобы объяснить произведение, нам так или иначе нужно будет обратиться к тому, кто его создал. В устройстве человеческой субъективности мы найдем ответы на многие метафизические вопросы.

В искусстве, в литературе нет ничего анонимного. За всяким произведением всегда стоит автор, как за всяким человеком стоят его родители.

Барт — лингвист. А лингвисты любят препарировать мертвый язык. Кто им мешает это делать? Автор. Сам факт его существования. Почему? Потому что он дает языку жизнь, соединяя реальное с воображаемым. Но автор далеко, и онтология его субъективности не понятна, а язык близко. И Барт решил упростить ситуацию, взяв язык вне связи с автором, вне связи с тем, что говорит человек. Он хочет дать голос чему-то безликому. Так появляется запрос на возможность существования новой фигуры, именуемой Бартом читателем.

Читатель

Писатель пишет, читатель читает. Кто такой этот читатель? Это не человек, которого воспитывает автор на чтении своих произведений. Кто же он? Это, говорит Барт, «человек без истории, без биографии, без психологии, он всего лишь некто...» [1, 390]. Читатель читает произведение искусства вне связи с тем, что существует онтология человеческой субъективности, его не интересует смысл, его интересует обезличенная техника письма, правила дискурса. Творчество для такого читателя — формальность или, как говорит Барт, «пустой процесс», который совершается автоматически, сам собой, без отсылки к человеку. Писатель и читатель — это теперь, согласно Барту, субъекты без субъективности. Высказывания, которые они делают, нельзя отличить от того, что делает машина. Бог отвергнут Бартом, человек десакрализован, а текст лишен тайны. И в качестве примера нового образца чтения Барт использует Бальзака.

Бальзак

В начале своего текста Барт цитирует новеллу Бальзака «Сарразин». Почему он цитирует именно ее, не совсем ясно. Для Барта эта новелла как барометр для Флобера в «Эффекте реальности». Она ничего не значит. Незначимый элемент в тексте может быть чем угодно, чтобы в итоге стать той случайностью, в которой всегда присутствует реальность. Автор — это не что иное, как способ, окно возможностей, которое используется реальностью для того, чтобы дать знать о себе в художественном произведении. Нет автора — нет в произведении и реальности. Произведение без реальности становится просто текстом, смещением цитат. Новелла Бальзака «Сарразин» в сочинении Барта «Смерть автора» — реальность, которая делает Барта автором, а не скриптором. О чем рассказывает Бальзак?

«Сарразин»

Влюбленный мужчина, воспользовавшись любопытством, которое его возлюбленная, случайно попав на бал, проявила к загадочному старику и к таинственному портрету, предлагает ей контракт: истина в обмен на ночь любви, рассказ — в обмен на тело. Попытавшись поторговаться и улизнуть, молодая женщина, влекомая любопытством, все же соглашается с этим предложением. Хотя следует заметить, что соглашение в полном объеме так и не было выполнено.

Что же молодая женщина узнала? То, что один талантливый скульптор полюбил девушку. Девушка оказалась мужчиной. Мужчина — кастратом. Кастрат погубил скульптора. Его охрана убила художника.

Истинная женщина

Бальзак рассуждает в «Сарразине» об истинной женщине и подводит читателя к мысли о том, что мир человека полон призраков обмана и самообмана. Например, истинная женщина может оказаться мужчиной, а тот — кастратом. Бальзак всем своим нутром предчувствует приближающееся будущее культуры Франции. Он интуитивно ловит ритм того, что им может быть сказано только между строк, помимо слова, и поэтому он в своей новелле убивает обманувшего себя художника, с грустью отдавая его прошлому, чтобы оставить кастрата будущему.

Барт

Барт читает «Сарразина» Бальзака и не чувствует приближения этого будущего. Он спрашивает: «Кто говорит?». Он не спрашивает: «Кто пишет?», — потому что ясно, что пишет Бальзак. Не ясно, кто говорит: Бальзак-писатель, Бальзак-человек, герой новеллы, анонимный наблюдатель, традиция или язык? Конечно, говорить — это не значит писать, а писать — не значит говорить. Но что значит говорить? Это значит в центр ставить самого себя. Что значит писать? Это значит в центр ставить Другого. Чтобы что-то сказать, автору нужно соединить язык и воображаемое. Чтобы что-то написать, нужен не автор, а скриптор. Нужно, чтобы знак отсылал к знаку, слово цеплялось за слово, с тем чтобы удержать мысль, если она появится у читателя.

Писать — значит оставлять следы, т. е. быть немного зайцем и одновременно немного охотником, идущим по следам зайца. Барт не понял, что говорить — это соединять реальное и воображаемое, а не просто объяснять слово при помощи слова.

Перформатив

«Письмо, — пишет Барт, — та область неопределенного, неоднородности и уклончивости, где теряются следы нашей субъективности, черно-белый лабиринт, где исчезает всякая самотождественность и в первую очередь телесная тождественность пишущего» [1, 384].

Письмо ради письма, рассказ ради рассказа совершаются как бы сами собой, не по правилам субъективности, а по правилам языка. Знаковое поле «исходит только из языка как такового» [1, 388]. Барт без колебания ставит язык на место сознания. Но язык — это великий немой. Он ничего не говорит. Он ничего не говорит даже Барту. В нем нет ни одной мысли, хотя в нем может быть много разных текстов, вернее языков. Барт хочет развязать язык читателю. Но что это значит? Ответ можно найти у Платона в мифе о пещере.

Пещера

На языке Платона это значит развязать руки людей, живущих в пещере самообмана. Однако освобождение узников не породит новой мысли, не возбудит новое чувство. Оно приведет к рассеиванию смысла, к убийству автора, того, кто поведет их к свету солнца, кто захочет связать идеальное и реальное. Жителям пещеры достаточно бытия в языке. Им не нужно быть в сознании.

Барт убивает автора, чтобы дать место читателю, слово которого не отправляет к мысли, а отправляет к слову. Читатель — потребитель того, что производит автор. Для читателя думать — значит самому себе показывать априорные картинки своих мыслей и чувств. Пещера — это и есть то, что можно назвать подлинной онтологией ума скриптора, наблюдающего за своими читателями. В чем же антропологический смысл «смерти автора»?

Самость или структура

«Смерть автора» Барта — это миг торжества структуры над человеком. Возможны два подхода к пониманию человека. Первый подход связан с самостью, второй — со структурой. В первом случае человек рассматривается сам по себе. Во втором он понимается как функция структуры, как некое пустое место, которое он занимает в структуре. В структуре человек несубстанциален. В ней он конструируется, поэтому структурализм абсолютно противопоставлен антропологии. Согласно Барту, человек получается не тогда, когда он рождается, а тогда, когда он заполняет функциональное место в структуре. Барт

не обращает никакого внимания на то, что человек грезит в одиночестве, а живет социально.

Слова

Рассуждения о смерти автора Барт заканчивает замечанием о двусмысленности слов греческого языка. У каждого слова есть два значения, но человеку открывается только одно из них. Односторонне понятое слово создает в отношениях между людьми то, что греки назвали трагическим. Согласно Барту, услышать слово во всей его двусмысленности может только читатель. Почему? Потому что читатель — это языковая машина, вернее склад, где хранятся все до единой цитаты, из которых составляются тексты.

Но двусмысленность слов в греческой трагедии имеет другой смысл — эти слова обращены не к машине, а к человеку, способного к метаноюе ума. Греки различали слово-миф и слово-логос. Об этом свидетельствует драма Софокла «Филоктет». Слово—миф никогда не обманывает. Оно всегда истинно и доносится до нас как бы из потустороннего мира. Как логос слово происходит из этого мира, оно земное, посюстороннее. Оно может обманывать и вводить в заблуждение. Двум типам слова соответствует два типа говорения и два типа слушания. Говорить изнутри мифа — значит вещать. Слушать миф — это значит внимать. Слушать слово-логос — это значит слушать ухом, слышать простые человеческие слова. Логос слышат, мифу внимают до тех пор, пока существуют Бог, автор и человек.

Литература

1. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.

С.В. СИНЯКОВ

Обществознание как идеология

Аннотация. Обсуждаются проблема идеологической обусловленности обществознания, гносеологические последствия идеологизации социальной науки, политологии, социологии, истории; исследуются возможности сочетания идеологической природы обществознания с его научным статусом, ценности и истины.

Ключевые слова: обществознание, культура и цивилизация, идеология, идеологизация науки, история, политология, социология.

Abstract. The article shows the problem of ideological conditioning of social science, the epistemological implications of indoctrination of social science, political science, sociology, history; investigates the possibility of a combination of the ideological nature of social science with its scientific status, values and truth.

Keywords: social science, culture and civilization, ideology, ideologization of science, history, political science.

Выявление места обществознания в разнообразных контекстах идеологического процесса продолжает оставаться актуальной задачей. Обществоведческие идеи, концепции, теории находят свое применение в различных сферах человеческой деятельности, где они могут быть поняты, усвоены и использованы. Они участвуют в формировании общественного сознания, политических идей и программ, функционируют в педагогическом процессе. Именно в этой области с наибольшей полнотой проявляются природа и особенности социального познания. Идеологическая сфера функционирования общества постоянно востребует новые идеи, выводы и концепции. Обществознание производит такие знания и таким образом активно воздействует на идеологию и политику. Политически активная часть общества опирается на обществоведческие идеи, и они становятся в разных общественных ситуациях деятельным фактором политического процесса. Использование социальных знаний не ограничивается только составлением политических программ партий и общественных движений. Обществознание формирует политическое и национальное сознание, мотивирует общественные действия. Обществознание нередко становится основой жизненных установок ведущих политических деятелей, президентов, лидеров политических сил и движений, выступает в качестве опорных точек их действий, обеспечивает целенаправленность и осознанный характер принимаемых решений. *Обществознание не просто включает в себя идеологическую составляющую и посредством этого выполняет идеологическую функцию, оно имеет ценностно-идеологическую природу.* Но указанный атрибут общественных наук — идеологическая нагруженность такого типа знания — не тождествен его идеологизации. Результатом идеологизации становятся полное подчинение науки идеологии и политике и, как следствие, деформация знания. Социальное познание является творческим, активным процессом деятельности ученого, заинтересованного в его результатах. Следствиями та-

кой активности становятся идеологическая интерпретация и оценка социальных фактов и явлений. Но вместе с тем в содержательном плане реализация идеологической составляющей общественных наук не обязательно ведет к выявлению действительной значимости и объективному отображению общественных феноменов. Вследствие этого возникают трудноразрешимые вопросы: можно ли и, если можно, то как совместить неизбежный идеологический атрибут обществензнания с его научным статусом, каким образом сочетать идеологию и научную объективность? Можно ли полностью соединять или абсолютно противопоставлять идеологию, оценку и социальную истину?

Задачами статьи является как обсуждение этих вопросов, так и поиски возможных вариантов и компромиссов в решении проблемы идеологической обусловленности обществензнания и эпистемологических последствий данного обстоятельства.

Изучение вопросов соотношения, «переплетения» идеологии и науки, воздействия идеологии на обществензнание следует проводить так, чтобы этот анализ позволил извлечь уроки из опыта развития естественных и общественных наук. Термин «идеология» применялся французскими философами-сенсуалистами конца XVIII — начала XIX в. П. Кабанисом, В. Вольнеем, Дестютом де Траси для наименования своих взглядов и представлений.

В 1801 г. Дестют де Траси опубликовал книгу под названием «Элементы идеологии», в которой идеология трактовалась им как учение о причинах и путях возникновения человеческих идей и взглядов, формируемых в виде политических, правовых, религиозных, моральных, эстетических, философских и других воззрений и концепций. В марксистской философии под понятием «идеология» подразумевалась совокупность определенных идей, зависящих от экономического базиса общества. Причем, по мнению ее представителей, в идеологических формах, феноменах сознания находили свое отражение материально-экономические структуры общества.

В постмарксистской литературе (Антонио Грамши, Луи Альтюссер, Дьердь Лукач) закрепилось понимание идеологии как систематизированного, теоретически осмысленного знания, источником которого служат общественные интересы, возникающие на основе общественных потребностей и служащие консервации или изменению общественных отношений. Основоположники Франкфуртской школы — Макс Хоркхаймер и Теодор Адорно — переняли и развили Марксов концепт «критики идеологии». С их точки зрения, различные идеологические системы абсорбируются и адаптируются в общепринятых мыслительных шаблонах, применяемых большинством. Идеология, по

Карлу Мангейму, — предвзятое отражение социальной действительности, выражающее интересы определенных групп или классов, находящихся у власти и, тем самым, стремящихся сохранить существующий порядок вещей. Она противопоставляется утопии как потенциальной идеологии в этом смысле.

Действительно, под идеологией можно понимать совокупность идей, в которых осознаются этнические, национальные, экономические, государственные, партийные, культурные, групповые и другие интересы людей. Но это еще не все источники идеологии. В современном обществе находятся дополнительные концептуальные и политтехнологические ресурсы идеологии. На их существование указал еще Эрих Фромм, по мнению которого, идеология — готовый «мыслительный товар», распространяемый прессой, ораторами, идеологами для того, чтобы манипулировать массой людей с целью ничего общего не имеющей с объективной истиной и часто ей противоположной. Здесь, по сути, повторяется известное понимание идеологии как ложного или иллюзорного сознания, продиктованного собственными измышлениями и иррациональным сознанием.

Социальное познание не просто испытывает воздействие идеологических воззрений, оно пропитано идеологией на всем протяжении исследования — от постановки проблем до создания всеобъемлющих теорий. Нередки ситуации, когда цели и задачи научных поисков противоречат идеологическим устремлениям правящей элиты и бюрократической системе. Идеология в таких случаях оказывает деструктивное влияние на процесс социального познания, подменяет заложенные в науке стремления к идеалу, достоверности и правде интересами общественных корпораций, политических партий, выдавая их за объективный результат. Наиболее близка к идеологии политическая наука; можно даже сказать, что политология и идеология — вполне соотносимые формы сознания и понятия. Между ними нередко возникает как альянс, так и противоречия: с одной стороны, они находятся в единстве и многообразном взаимодействии, с другой — поскольку они связаны с различными общественными интересами, трудно говорить об объективной истинности их выводов. Огромную роль играют здесь личные приоритеты и интересы ученых, каждый из которых является продуктом своего воспитания, образования, нации или социальной группы. Политическая наука как сфера социально-гуманитарного знания имеет идеологическое измерение, которое прослеживается в научных исследованиях. Любой, даже самый либеральный и беспристрастный ученый — политолог, подвержен влиянию идеологических ценностей и пристрастий. В процессе выяснения, осмысления и оценки по-

литических фактов и общественных феноменов его идеи и концепции, как правило, обуславливаются идеологическими установками и культурными факторами.

Большинство интеллектуалов-политологов не скрывают своей связи с идеологическими ориентациями, симпатиями и антипатиями и квалифицируются как либералы, консерваторы, социалисты, националисты, марксисты, правые, левые и др. Несмотря на реализацию идеологической функции, оставаясь все же наукой, политология в лице ее представителей претендует на поиск истины. Но если в естественной науке в ситуации, когда конкретные факты не соответствуют положениям теории, последняя пересматривается, в сфере политологии и политической идеологии ученые и политические деятели предпочитают ориентироваться только на такие факты, которые вписываются в их концепции, и одновременно стараются не замечать фактов, которые им противоречат. Достаточно вспомнить наделавшую много шума политологическую концепцию «конца истории» американского политического философа и сотрудника Института международных отношений Стенфорда Ф. Фукуямы, созданную им еще в 1989 г. Его книга стала символом той эйфории, которая охватила западный мир в 1990-е гг. после дискредитации коммунизма, распада СССР, падения берлинской стены и др. Основная идея западного философа тогда состояла в том, что либеральная демократия показала себя лучшим из всех политических режимов, известных от начала мира. И его «конец истории» интерпретировался в том смысле, что дальше искать уже нечего. Западная образованная общечеловечность тогда смотрела на будущее через розовые стекла и верила в неизбежность глобализации демократии.

Несколько лет спустя, после активизации исламского фундаментализма, политического экстремизма, наступления радикального ислама, терактов в Нью-Йорке и США настроения в обществе существенно изменились. Эйфория закончилась! Это обстоятельство нашло отражение в последующих трудах ученого. В других, более поздних, книгах и, особенно, в последней книге «Политическое устройство и политический упадок от индустриальной революции до глобализации демократии» (2012) Ф. Фукуяма отказывается от идеи, согласно которой либеральная демократия является универсальной формой правления. Его высказывания по этому поводу становятся все более осторожными.

Отрезвленный недавними историческими событиями, Фукуяма пишет о своей концепции уже не в таких триумфальных тонах, как это было в первой книге. Он признает, что сейчас у демократии появились признаки упадка — такие, в частности, как рост экстремистских пар-

тий в Европе, сопротивление политики США на Ближнем Востоке и в других регионах мира. Не может не согласиться Фукуяма и с очевидными провалами Запада в попытках привить демократию тем странам, где раньше ее не было. «Либеральную демократию, — пишет он, — нельзя пока назвать универсальной для всего человечества, поскольку этот режим существует всего два последних века» [1]. Вместе с тем Ф. Фукуяма не делает из своего анализа последовательного вывода, что и в обозримом будущем огромное количество людей во всем мире по разным причинам будут обходиться без демократии. Очевидно такое суждение идет вразрез с мнением, преобладающим в западном научном сообществе. Этот честный вывод противоречит также первоначальному тезису Фукуямы о глобализации демократии.

По тем же причинам другой американский профессор С. Хантингтон, опубликовавший в 1993 г. «Столкновение цивилизаций», также претерпевает трансформацию своих политических взглядов. Его политологическая теория являлась отражением интересов тех общественно-политических сил, которые стремились к обеспечению в мире лидирующего положения одной из мировых цивилизаций, а именно западной во главе с США. «Западные ценности и институты, — подчеркивает он, — привлекали людей из других культур, потому что они рассматриваются как источник западной мощи и благополучия» [2, 132]. «Запад — единственная из цивилизаций, которая оказала огромный и временами разрушающий эффект на все остальные цивилизации. Следовательно, взаимоотношения между властью и культурой Запада и властью и культурами других цивилизаций — вот наиболее всеобъемлющая характеристика мира цивилизаций» [2, 281]. Но в современных условиях, связанных с экологией, демографией, дефицитом ресурсов, наличием ядерного оружия и средств его доставки, мир, как никогда, нуждается в единстве и сплоченности всех стран и народов. В этой обстановке одностороннее стремление одной страны, или нескольких стран, или отдельно взятой цивилизации к достижению мирового лидерства и навязыванию своей системы ценностей может привести к катастрофическим последствиям. Сам Хантингтон признает это обстоятельство и отмечает необходимость международного диалога. Будущее мира, и цивилизации, — подчеркивает он, — зависит от понимания и сотрудничества между политическими, духовными и интеллектуальными лидерами главных мировых цивилизаций. Кроме того, общеизвестно, что большая часть конфликтов в новейшее время происходит не между цивилизациями, а скорее внутри общностей с близкой религией, культурой и историей (Сирия, Ирак, Афганистан). А большое число военных столкновений в Африке и некоторых регио-

нах Азии происходит чаще всего между этническими или племенными группами, исповедующими одну и ту же религию. И идут они не между разными культурами, а за ресурсы, территории, скот, пастбища, воду. Таким образом, теория столкновения цивилизаций не во всех местах является результатом объективного анализа явлений и процессов, происходящих в мире. Она может интерпретироваться также в качестве средства идеологической манипуляции сознанием людей. Недостатки подобных теорий состоят в том, что они мифологизируют сознание людей.

Неудивительно, что в своей последней крупной работе «Кто мы?» (2004), Хантингтон признается в поставленных целях и причинах массовой раскрутки его концепции. Он пишет, что если у Америки не будет существовать определенного «образа врага», то единству общества может быстро придти конец. Чтобы не потерять единство и национальную идентичность, Америке необходимы враг и война за пределами страны [3].

Идеологические задачи концепции столкновения цивилизаций очевидны, они еще раз наглядно демонстрируют степень политизации и идеологизации новейшей политической науки. Политология, в этом аспекте более пристрастна, чем другие общественные науки; она часто выполняет апологетическую, конформистскую функции. При помощи ее выводов и идей весьма удобно воздействовать на общество и обрабатывать массовое сознание. Рассмотрение темы цивилизаций и противоречий между ними позволяет сделать следующий вывод. С одной стороны, сегодня нельзя не видеть существование полицивилизационного мирового пространства и не учитывать необходимость взаимодействия между цивилизациями, с другой стороны, нельзя не признать тот факт, что ныне складываются новые, еще более острые противоречия и конфликты, угрожающие миру. Но если в мире параллельно сосуществуют несколько цивилизаций, каждая из которых обладает своей самобытной культурой, традицией и историей, то имеет ли право одна из них, пусть даже уверенная в том, что она самая лучшая, передовая и прогрессивная, демократичная и гуманная, навязывать свой образ мироустройства и свои институты другим цивилизациям? Очевидно нет.

Ю.М. Осипов отмечает: «Есть вещи в геополитике, которые никак и ни при каких обстоятельствах делать нельзя: захватить весь мир, управлять всем миром; насаждать всему миру одну — единственную идеологию...» [4, 24]. Закономерными последствиями такого положения вещей могут быть политические столкновения, социальные конфликты, насилия и войны, а возможно — и мировой апокалипсис.

Обратимся теперь к другим общественным наукам, не настолько тесно связанными с реальной политикой, как политология, например, к социологии. Оказывается, такая далекая от реальной жизни и политики наука, которой является теоретическая социология, также подвержена идеологической детерминации. Фундаментальные теории в социологии были созданы в основном в XX в. Т. Парсонсом, Р. Мертоном, Р. Дарендорфом, Л. Козером. Рассматривая их в идеологическом контексте, исследуя, например, влияние идеологического фактора на развитие и результаты концепции структурного функционализма, можно прийти к некоторым выводам. Хотя, на первый взгляд, структурный функционализм не связан не с какой идеологией, тем не менее работы его основоположников имеют идеологическую окраску, их содержание обусловлено мировоззренческой ориентацией ученых или фактором финансирования данной работы. Исходя из решающей роли нормативного порядка и универсальной общезначимой системы ценностей, Парсонс и Мертон пришли к признанию гармонии интересов как естественной черты современного им либерально-буржуазного общества. Идеологический смысл парсоновской версии структурного функционализма состоял в желании избежать конфликтов и революций, так как однажды установленная система не только устойчива, но и внутренне гармонична. Именно это хотелось услышать западному обществу, в первую очередь общественному мнению США.

Однако в это же время создается и функционирует альтернативная социологическая теория — конфликтологическая модель общества (Р. Дарендорф). И она имеет определенный идеологический заказ общества. Две мировые войны сделали острые общественные противоречия катастрофическими по своим масштабам и последствиям. Социально-экономические процессы и политические конфликты, происходившие в России, а затем в Советском Союзе, Китае, Великая депрессия в США и другие противоречия усугубляли степень катастрофичности жизни общества. Постоянная атмосфера кризиса, социальная напряженность привели Дарендорфа и позднее Козера к формированию функциональной конфликтологии. Если в интересующем нас аспекте рассмотреть эмпирическую или прикладную социологию, то и здесь мы обнаружим уже не латентное, а прямое вмешательство политической идеологии и административного ресурса. Имеются многочисленные факты оплаченных, заказных социологических исследований, опросов общественного мнения, особенно с целью его формирования в период выборных кампаний. В эмпирических социологических исследованиях общества при всей их формальной объективности, беспристрастности и «научности» дело часто доходит до прямой апологе-

тики, продажности и лжи. Что же касается «подруги» социологии и политологии — исторической науки, то здесь в плане идеологизации существует обширный материал признаков и доказательств тесной связи истории, политики и идеологии. История всегда была идеологической наукой: с одной стороны, она писалась на основе идеологических предпочтений и устремлений, с другой стороны, полученные исторические знания участвовали в формировании определенной системы идеологических ценностей (либеральных, консервативных, демократических, патриотических, националистических и др.). Исследуя соотношение истории и идеологии, не будет преувеличением сказать, что идеология пишет историю. Но это не означает, что история всегда была и будет служанкой идеологии, несмотря на ее идеологическую ориентацию.

Исторические источники и исторические факты не всегда выборочно, предвзято отбирались и тенденциозно трактовались учеными, но их интерпретация и оценка обязательно осуществлялись на основе всей системы концептуальных и мировоззренческих ценностей, которых придерживался историк. Теоретическая картина истории создается при помощи принципов и правил, которые формируются на базе метафизических и философских идей. История сочиняется и пишется также в контексте намерений и проектов власти, доминирующей идеологии в обществе, массового исторического сознания и общественного мнения. Вместе с тем нельзя забывать, что целью исторического познания является получение объективных знаний о прошлом, а идеология всегда направлена на утверждение определенной системы ценностей какой-либо общественной группы, она реализует политические ориентации общественных сил. В таком случае история совместно с идеологией обслуживают интересы не всего общества, а интересы политических групп и движений, которых достаточно в социуме. Деидеологизация истории желательна, но полностью невозможна, так как она противоречит самой природе исторического познания. Отсюда следует констатация того факта, что единой истории нет, что любая писаная история плюралистична, так же как и многообразны типы идеологии. Подчинить историческое знание какой-либо идеологии нельзя, иначе она станет только субъективной наукой и потеряет способность давать даже относительно верную картину прошлого. Идеологические устремления сбивают социальные исследования с внутренней логики развития — логики объекта. Поэтому, несмотря на идеологическую окраску общественнознания, необходимо проводить различия между научно-объективной и идеологической ее сторонами, противо-

поставлять их как в продуктивном, предметном, так и в процессуально-деятельном аспекте.

Факт идеологизации научных исследований нашел свое отражение в философии и социологии науки XX в. Критическая философия науки, развиваемая Г. Маркузе, М. Хорхаймером, Т. Адорно, трактовала науку как культуру инструментального разума, способную, поэтому, служить любым целям, вынесенным за сферу своей собственной ответственности. Другая теория, развиваемая в русле программы идеологизации и политизации науки — концепция социологии науки Штарнбергской группы, — заключалась в том, что наука все более служит внешним целям. По мнению ее представителей (Г. Беме, В. Деле, В. Крон, В. Шеффер), институционально объединенных в центре по исследованию мира при институте имени М. Планка, внешние социальные, экономические, политические цели интериоризируются наукой и сами превращаются в руководящий мотив исследования. Этот процесс они назвали финализацией науки, которая означает формирование теоретического знания под влиянием внешних задач, подчинение научных исследований некоторым конечным целям. Это означает, что в развитии науки вес собственно научных факторов, таких как методологические регулятивы, рост теоретического знания, уменьшается и увеличивается значение тех приоритетов, в решении которых заинтересовано общество. Последняя социологическая концепция достаточно точно отражает процесс идеологической обусловленности общественнознания. Но, если признать ее правомерность, то как быть с идеей свободы науки, ее независимости от псевдонаучных или внешних социокультурных ценностей? Единственными адекватными способами общественного контроля над наукой могут быть демократическая дискуссия и плюрализм мнений членов научного сообщества.

Таким образом, анализируя механизмы действия идеологического фактора в социальном познании, раскрывая неоднозначные последствия взаимодействия, взаимопроникновения идеологии и общественной науки, приходится признать значительную долю субъективизма и мифотворчества в общественнознании. Но если идеология неустранима в социальном познании, то для нейтрализации возможных негативных последствий ее влияния представляется уместным сделать следующее. Во-первых, устранить доминирование идеологии над методологией и концептуальными средствами исследования общественных феноменов, во-вторых, в качестве идеальной создавать такую теоретико-познавательную ситуацию, при которой в содержание обществоведческих концепций будут входить только такие идеологические составляющие, которые соответствуют основным направлениям раз-

вития современного знания. Остается только выяснить, какие идеологические ценности являются верными в контексте сложных и далеких от гармонии процессов развития современного общества.

Литература

1. [www.Svoboda.Org. content / transcript / 26646263. Html.](http://www.Svoboda.Org/content/transcript/26646263.html)
2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2014.
3. [https:// gazeta.eot.su / article /](https://gazeta.eot.su/article/).
4. Осипов Ю.М. Человек и мир // Философия хозяйства. 2015. № 4.

К.В. МОЛЧАНОВ

О теме «Реальность и идеальность» в современной диалектике и о наиболее значимых ее положениях и выводах из нее

Аннотация. В статье обсуждаются некоторые базовые положения диалектической темы «Реальность и идеальность». Основным результатом исследований является выявление нового принципа современного познания. Он также актуален для понимания новых информационных технологий. Результаты исследования могут быть использованы для создания новых инструментов современных исследований и повышения их эффективности.

Ключевые слова: диалектика, реальность, идеальность, инструменты современных исследований, новые технологии.

Abstract. The article discusses some principles of the dialectical theme «Realness and idealness». The main result of the study is to identify the new principle of modern cognition. It is also important for the understanding of new information technologies. The results of the study can be used to make the new instruments of modern researches and improve their efficiency.

Keywords: dialectics, realness, idealness, the instruments of modern researches, emerging technologies.

Одним из актуальных теоретических положений гегелевской науки логики и ее новодиалектического продолжения — науки-логики-

продолжения — является определение *реального* и *идеального* и их соотношений, осмысляемых в современных диалектических исследованиях гораздо более глубоко, чем даже в гегелевских исследованиях, и уже предметно используемых, что, правда, может вызвать некоторое удивление. Действительно, как эти иррациональные понятия, или даже, можно сказать, существо известных нерешенных споров о примате материального или идеального или даже отрицание одного из двух этих положений могут быть предметно использованы? Сразу отметим: на основе материализма никак — он слишком ограничен. А в диалектике, особенно в *современной диалектической философии* [1], различие указанных положений, во-первых, развито в понимании других соотношений, например, материального и идеального, чувственного и сверхчувственного и т. п., во-вторых, активно используется в качестве инструмента в диалектических теоретизациях, завершающихся формированием выводов, например, в рамках следующих новодиалектических исследований:

- ограничения и противоречий материалистического познания (например, то, что часто в научных теориях имеющиеся факты вступают в полное противоречие не просто с отсутствием, а даже с исключением причины (основы, начала) их появления, и это составляет значимую методологическую проблему наук);

- познания вещи — ее наличия и сущности, начиная с незабвенной кантианской *вещи в себе*;

- опосредствования *данных* вплоть до определения в современной диалектической философии технологий метainформационного уровня, в том числе определения *метainформационных технологий*, и др.

В-третьих, в современной диалектической философии различие обозначенных положений обрело и прикладное значение, например:

- двойственность *информации*, понимание чего очень важно для практики;

- реальное и логическое основания *суждений*, известные еще со времен Канта и ярко проявившиеся при *позиционировании суждений*;

- идеальный смысл *программы* и ее физическое исполнение на компьютере и др.

Поэтому тема «Реальность и идеальность» является одной из центральных в современной диалектической философии. При этом вопрос не только в колоссальном методологическом обеспечении этой диалектической темы, которое было создано специально для ее осмыс-

ления, что само по себе важно, так как оно активно используется в различных современных диалектических исследованиях, но и в обозначаемых в ней новых, в том числе указываемых ниже, положениях, осмысление которых важно само по себе и пролонгация которых оказывается весьма актуальной.

При этом вопрос не в приведении ряда материалистических позиций в соответствие с диалектическими взглядами. Скорее, возникла проблема, заключающаяся в акцентировании актуальных вопросов, необходимых для современного диалектического познания.

Некоторые из требующихся представлений о реальном и идеальном связаны с некогда много на шумевшими и поэтому достаточно хорошо известными взглядами классиков марксизма-ленинизма на материальное и идеальное.

Ф. Энгельс в своей работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» сформулировал многим хорошо известный так называемый *основной вопрос философии* для того учения, которое впоследствии было названо «диалектический материализм»: «Великий основной вопрос всей, в особенности новейшей, философии есть вопрос об отношении мышления к бытию», или «духа к природе» [2, т. 21, 283]¹. Осмысливаемые при его исследовании положения и получаемые выводы наглядно демонстрируют сложность и важность обозначенных двух категорий (и связанных с ними других категорий).

Далее необходимо отметить известное Марксово утверждение: «...Идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [2, т. 23, 21]. Тут речь о том, что К. Маркс хоть как-то определил идеальное, или определил его по-своему. Не вдаваясь в подробности, которые проигнорированы в Марксовом определении, следует отметить: а) *разрушение Энгельсовой дихотомии материального и духовного* (идеального, взятого в качестве человеческой деятельности) и б) обозначение некоторого возможного симбиоза материального и духовного, что уже ближе к диалектическим положениям, в том числе к гегелевскому *единству мышления и бытия*. Иначе говоря, в Марксовом тезисе хоть и возникает конфликтная ситуация, обозначающаяся мировоззренческими позициями, но она уже не имеет ярко выраженного онтологического характера, а имеет гносеологическую подоплеку, которая, правда, может зависеть

¹ Хотя этот «великий» диалектический «вопрос» еще до постановки его Энгельсом был решен в философии Гегеля. И этого «вопроса», кстати, ни для диалектики, ни для подавляющего большинства философских систем де-факто просто не существует...

от мировоззрения и партийности ученого, но все же дает основания для объективного познания. Иными словами, Марксов отход от Энгельсовых позиций дает, по меньшей мере, основания для разных точек зрения и развития познания на их основе.

Еще более актуальным является ленинское утверждение о том, что материя — это «...философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» [3, т. 18, 131]. Она, правда, еще более сужает претензии материализма, так как не всякая материя дана человеку в ощущениях, причем даже посредством приборов. Однако, в то же время, приведенное утверждение В.И. Ленина по-новому в отношении Энгельсова и Марксова определений позволяет осмысливать идеальное: например, *высказываемая мысль* одного человека, существующая вне зависимости от другого человека (но фиксируемая его слухом), может пониматься материальной (хотя, конечно же, возможны различные понимания и трактовки слов Ленина и, следовательно, выводов из них, и это только усугубляет неопределенность проблемы).

При этом следует напомнить еще одну фразу Ленина: «диалектика не в рассудке человека, а в «идее», т. е. в объективной действительности» [3, т. 29, 181]. Эта фраза, как ни крути, говорит о том, что *диалектика, по Ленину, «находится» в объективной действительности, а не в голове человека*, т. е., во-первых, она не является ни диалогом, ни методом, ни учением, о чем говорит и вся диалектическая философия со времен Платона [4], и, во-вторых, как получается, *существует нечто объективно-действительное, но не материальное и не духовное*. Конечно же, и тут возможны различные понимания и трактовки слов Ленина, и это тоже только усугубляет ситуацию. Однако важно выступившее из доводов Ленина различие, которое не только рушит дихотомию, привычную для диалектического материализма, но и обозначает положения, важные для новодиалектического познания.

Но еще более важным сейчас, для настоящей статьи, является то, что определения классиков марксизма-ленинизма, связанные с темами материального и идеального и т. п., весьма различаются, но, главное, фиксируют существенные положения, ряд из которых тем или иным образом соотносится с указанными Гегелем положениями.

В диалектике термины «реальность» и «идеальность» еще со времен Гегеля однозначно определены (см. его труд «Наука логики» [5, 5]). Поэтому отдельно обсуждать (повторять) их определения не нужно. Однако следует указать на то, что вся *изюминка* имеющейся в диалектике однозначности этих терминов основывается на том, что

они Гегелем были *различены*. (Однако материалистичные науки не приняли его подход, а теперь даже не имеют представлений о нем — в том числе о том, что надо сделать для однозначной идентификации указанных двух терминов, как, впрочем, и многих других.)

В современной диалектической философии тема «Реальность и идеальность» получила существенное развитие. Многие ее вопросы являются основами как пролонгирующих их теоретических положений и даже новых отдельных тем, так и вытекающих из них прикладных исследований и разработок. Именно это многообразие является важным аспектом темы «Реальность и идеальность» в современной диалектической философии», так как взятая только в своих опорных положениях (реальность и идеальность) даже в гегелевских представлениях она не раскрывается полностью. Это было объяснено в современной диалектической философии на основе осмысленной в ней *истины науки логики*, в том числе того, почему гегелевская *наука логики* не могла активно использовать понятия реальности и идеальности. И отсюда следуют первые два предметные положения темы «Реальность и идеальность».

В качестве первого предметного положения темы «Реальность и идеальность» в современной диалектической философии актуальны понятия реальности и идеальности и их соотношения в смысле гегелевской философии. Это далеко не очевидный вопрос, ибо нельзя просто взять гегелевские понятия и соотнести их — это было бы сделано Гегелем. Необходимы сторонние положения, являющиеся тем третьим, в чем их можно соотнести. Проблема этого обнаруживается в материалистических представлениях о реальном (почему они и были упомянуты выше), хотя она и не доведена в них даже до постановки вопроса о реальности и об ее опосредствовании (по причине априорной очевидности для материализма единственности примата материального).

Из указанного следует второе предметное положение темы «Реальность и идеальность», на основе которого *в рамках новодиалектической науки-логики-продолжения были осмыслены опосредствование понятий реального и идеального и их соотношения*. Однако опосредствование возвращает новые предметные понятия в наличное бытие понятий гегелевских исследований, что обуславливает и некоторые трудности, и новые направления решения имевшихся и возникающих новых вопросов, которые не обнаружили в гегелевской философии. Наиболее насущными из этих вопросов оказались следующие.

Во-первых, понятия реального и идеального в трудах Гегеля приведены как моменты развития логической идеи и без взаимного опосредствования, т. е. не как таковые опосредствуемые, поэтому тре-

буют развития. (Кстати, именно опосредованный характер идеальности, рассматриваемой не в ее главном гегелевском понимании, а в гносеологическом, является одним из главных результатов новодialeктических исследований по теме «Реальность и идеальность».)

Во-вторых, в ходе исследований по обсуждаемой теме рефлексирование рассматриваемых двух (и других используемых) положений не дает возможность точно определить соответствие моментов их генезиса и их явления. Об этой проблеме познания Гегель писал в одном из своих трудов, она составляет главную трудность и должна была быть учтена и решена, что, собственно, и было осуществлено в современной диалектической философии. Однако тут же возникает еще одна проблема, также указанная Гегелем: дело в том, что *в науках обыкновенно анализируют содержание, преднайденное в представлении*. В науках это затушевывается, что не позволяет решать многие проблемы, уже *висящие* в науках десятилетиями, а в рассматриваемом случае вообще обуславливает путь в никуда. Поэтому *научная (материалистическая) парадигма для исследования обозначенных и ряда других серьезных вопросов уже попросту неприменима и во многих случаях не должна использоваться* (но у ученых нет выбора, нет альтернативы, и поэтому ошибки у них неизбежны, и науки будут все время переходить к новым версиям своих теорий, на что, кстати, и указал К. Поппер в своем известном принципе). Другое дело — диалектика: в диалектической философии существует принципиально иной (по отношению к наукам) аппарат исследований, однако теперь, в современной диалектической философии, он возведен в новый ранг: *всеобщая гносеология*, являющаяся одним из главных современных диалектических достижений. *Всеобщая гносеология — это принципиально новый подход к познанию и новое осуществление познания*, что и требовалось для слома многих стереотипов и для развития новодialeктических представлений.

Иными словами, очевидна необходимость формирования адекватных рассматриваемой теме гносеологической основы и исследовательского аппарата, учитывающих хотя бы обозначенные выше положения.

При этом, в-третьих, кроме вопросов и инструментов познания приходится учитывать указанное Гегелем положение о том, что философия распадается на реалистическую и идеалистическую философию (!). Это далеко не основной «вопрос» философии по Энгельсу. Это указание на принципиальную ограниченность *и материализма и идеализма* и их противоречие (что снято в диалектической философии). Но дело тут только не в классификации. Основным является во-

прос о принципе, или роде, познания: за исключением диалектики все остальные системы познания имеют дело, в основном, с единичным, а если и производятся обобщения, то указанным Гегелем образом (на основе обобщения субъективных мнений). Более того, *в диалектике основой познания является саморазвитие понятия*. (В принципе, это — отдельное положение, но оно раскрывается в рамках второго предметного положения темы «Реальность и идеальность».)

Актуальны и другие вопросы второго предметного положения темы «Реальность и идеальность» в современной диалектической философии.

В качестве третьего предметного положения темы «Реальность и идеальность» актуальны аспекты различия философских систем или, скорее, видов познания. Это объемный вопрос, который обсуждать в рамках настоящей статьи, очевидно, невозможно, да и не нужно: его просто следует акцентировать.

В качестве четвертого предметного положения темы «Реальность и идеальность» актуальны непосредственные вопросы исследования и развития обсуждаемых и ряда других понятий: а) позиционирование рассмотренных и ряда других терминов как «в большом», так и «в малом» и б) развитие понятий реального, идеального и др. на следующем кругу познания *науки логики* — в рамках *науки—логики—продолжения*, когда исследуются принципиально новые по отношению к гегелевской философии положения, например «идеализация» идеального (но не в смысле идеализованности)².

Собственно, это, четвертое предметное положение и является ядром темы «Реальность и идеальность». Однако, как видно, с него нельзя начинать, ибо сначала необходимо выявить его основоположе-

² При этом необходимо отметить, что снятие субъективности не исключает присущее теме (исследуемым категориям) опосредствование (а также и субъективность). Это представляет весьма серьезную для рационалистического познания и наук проблему, ибо для них в связи с опосредствованием возникает относительность, которую либо нужно признать, вместе с тем признавая относительность и случайность многих научных результатов, в том числе уже признанных великими открытиями, либо искоренять, но вместе с опосредствованием, присущим исследуемым категориям, жестоко их усекая и ограничивая. И то и другое (и многое другое), кстати, ведет к директивным установкам, неизбежным для наук (например, отчетливо проявившимся в идеологизованности философии в СССР), к замалчиванию учеными конкретных фактов (например, в области физики и археологии) и к другим негативам научного познания. В этом смысле диалектическая тема «Реальность и идеальность» оказывается весьма актуальной для наук.

ния и исключить субъективность подхода к опорным положениям, что как методология даже и не предполагалось и до сих пор не предполагается в науках (да и сама обсуждаемая проблема в них практически не рассматривается из-за очевидности для них примата материального и априорного отсутствия сверхчувственного, причем и то и другое оказывается на руку современной диалектике).

При этом четвертое предметное положение темы «Реальность и идеальность» оказывается тесно связанным с предыдущими. Однако это не только системная связь, но и концептуальная, и именно на основе этой особенности выявляются моменты ряда аспектов и положений соответствующих тематических исследований (их проведения и предмета). К примеру, одним из них является двойственность и даже тройственность многих категорий и феноменов, игнорируемых науками или попросту не познаваемых в них, и что до сих пор присутствует в них в качестве парадоксов или многолетних бесплодных дискуссий³.

Гносеологическое развитие четвертого предметного положения темы «Реальность и идеальность» в современной диалектической философии предопределило фактически новое исследование многих категорий и феноменов, что можно считать пятым предметным положением темы. Оно стало очень объемным в связи со многими вопросами, рассматриваемыми в нем (в том числе чисто методологическими); например, можно указать следующие положения: познание вещи, реальное и логическое основания суждений, известные еще со времен Канта и ярко проявившиеся при новодиалектическом *позиционировании суждений*, двойственность информации и др.

Кстати, эти и другие положения в науках и вообще в материалистическом познании рассматриваются однобоко и зачастую даже не имеют понимания, что очевидно на примере неоднозначных и противоречивых определений информации, суждений, системы и других положений и категорий, о чем мы уже писали в ряде наших статей. Это связано с ограниченностью материалистического познания (что, впрочем, выгодно диалектике, правда, не только ей, но и ей тоже), что предопределяет шестое предметное положение темы «Реальность и идеальность»: *наиболее важным для современной диалектической философии является напрямую связанный с предыдущим вопрос о фактическом опережающем наращивании в ней ее знаний и возможностей* (в том числе методы, технологии и т. д.), включая ее преимущества перед науками. *Наращивание знаний в диалектической философии*

³ И в смысле исключения этого негатива наук диалектическая тема «Реальность и идеальность» оказывается весьма актуальной для них.

фии осуществляется в связи с самим существом диалектики, познание в которой происходит вот уже многие тысячи лет. При этом следует указать и на то, что наращивание диалектических знаний и возможностей происходит в рамках развития гносеологии, онтологии и прикладного направления современной диалектической философии.

Понятно, что указанными шестью предметными положениями тема «Реальность и идеальность» не исчерпывается, но уже в достаточной мере обозначается (что является одной из целей настоящей статьи).

При этом еще раз подчеркнем то, что тема «Реальность и идеальность» не сводится к обсуждению двух соответствующих базовых терминов, и при этом она затрагивает еще и многие другие вопросы, в первую очередь, гносеологии и ее совершенствования (см. ниже), да еще требует своего системно-методологического обеспечения (что в диалектическом материализме упускалось из виду при обсуждениях Энгельсова основного «вопроса» философии и вытекающих из него тем, а также вообще вопросов материалистического познания).

Далее, анализируя обозначаемые вопросы, в целом можно определить следующие три гносеологические направления исследований, обусловливаемых диалектической темой «Реальность и идеальность» (остальные, например онтология, пока обсуждаться не будут, что связано хотя бы с ограничением на объем статьи).

Первое направление включает обозначение и исследование основ и понятий непосредственно самой диалектической гносеологии.

Это очень объемное направление исследований, поэтому оставимся хотя бы на следующих значимых положениях.

В части познания актуально опосредствование указанного Гегелем всеобщего познания, или постижения. Но если *Гегель со всей неизбежностью должен был исходить из опыта* (примером чего является его труд «Феноменология духа», в котором прямо указано, что «не познается ничего, чего нет в опыте» [5, т. 4, 429]), то теперь на основе его философии *в современной диалектической философии можно исходить и из знаний, причем в их тождестве с истиной, положенном наукой о духе* [5, т. 4, 432].

При этом исследование положений другого гегелевского труда — *науки логики*, а также ее развития и вопросов познания *опять* привело к очередному акцентированию как тесной связи мышления и бытия, так и их противоположности, о чем писал еще Гегель. Однако теперь акцент уже делается не на том, на чем у Гегеля, а на указанных им возникновении содержания мысли из восприятия внешнего и самостоятельности мышления. Противоположность двух указанных поло-

жений и их существо в свое время уже были раскрыты Гегелем. Поэтому в современной диалектической философии основным стал такой вопрос: появилось понимание актуальности *различия* обоих указанных положений, что до сих пор не рассматривалось в мировой философии и даже в философии Гегеля.

Таким образом, во-первых, *реальность* и материальность следует различать, но взятых не самих по себе и не в их дихотомии, а в их цельности, что принципиально важно. Именно это оказалось важным для познания, для гносеологии, по крайней мере, для диалектической гносеологии, причем начиная с обнаруживаемого в трудах Платона такого предназначения рассудка, как сочетание положений чувственного (выраженных в нижних вещах — умозрение) и сверхчувственного (того, что можно видеть не иначе как мысленным взором — умопостижение).

Во-вторых, и *идеальность* различена, причем она так же различна и в смысле бесконечного соотношения исключительно с собой.

Но *в современной диалектической философии речь идет не только о различии реальности и идеальности, но и о том, что дух сам является содержанием знания*. Это все принципиально новые положения для философских теоретизаций. Но они обозначают противоречие, которое характерно для гносеологии, однако стало одной из основ движения познания в современной диалектической философии (как известно, «противоречие есть корень всякого движения и жизненности» [5, т. 5, 518]). При этом актуальной *осталась* и противоположность мышления и бытия, причем, в частности, как человеческой деятельности и противостоящего ей мира. Но и тут возникает еще одно противоречие, ибо в смысле диалектики нет жесткой дихотомии мышления и бытия, и это позволило продолжить исследования и сделать новые открытия, в том числе прикладного характера, о чем будет сказано ниже.

Вторым из направлений является исследование вопросов диалектической методологии. О значимости методологии можно и не говорить: думается, это и так всем понятно. Однако сейчас следует акцентировать внимание хотя бы на трех следующих соответствующих вопросах диалектической темы «Реальность и идеальность».

В первую очередь, она актуальна для подразделения диалектической методологии, в рамках которого изучаются инструменты познания. В диалектической философии, начиная со времен Гегеля, они весьма многообразны, причем и в количественном и в качественном смысле превосходят научные. А в современной диалектической философии даже большая, чем в философиях Платона и Гегеля, идеализа-

ция позволяет говорить о еще более *тонких* инструментах познания, в том числе о метаинформационных технологиях (познания).

При этом диалектическая тема «Реальность и идеальность» оказывается актуальной для диалектической методологии и в конкретных вопросах. Например, одним из них является *суждение*. И дело даже не столько в некорректном понимании и определении суждения в науках, сколько в его различении, или в его разделении не на общеизвестные его виды в науках, а по типам (идентифицированным в современной диалектической философии), которое предметно манифестирует различие реальности и идеальности, что важно при их понимании. И хотя еще великий Кант различил реальное и логическое основания суждения, о чем уже было сказано выше, теперь это его гениальное открытие получило теоретическое обоснование (сам Кант исходил из эмпирики), которое характерно проявилось в новодиалектическом *позиционировании суждений* и, главное, в ряде прикладных возможностей. Однако в то же время и *познание* получило *подтверждение своего различения в суждении и поэтому само, таким образом, должно позиционироваться в различии, по крайней мере, в реальном и идеальном*. Это весьма значимое положение.

И, наконец, третьим вопросом является изучение *категорий*. Вопрос в том, что в диалектике они не берутся, исходя из эмпирики или мнений исследователей, а выводятся, чего нет ни в одной другой системе знания и познания и в науках...

Третье направление включает обозначение и исследование прикладных положений.

Очень важным моментом является, на первый взгляд, довольно странное и совсем уж нереалистичное положение: благодаря осмыслению соотношения реального и идеального в современной диалектической философии еще более углублено определение идеального (и идеализации), что позволило сформировать принципиально новые фундаментальные представления, в том числе о *науке логики*, открывающие качественно новые возможности и в части познания, и в части практики. При этом обнаружился многократно указываемый Гегелем переход объективного в субъективное и обратно, что определило еще одну соответствующую грань (или даже предметное положение) темы «Реальность и идеальность». Ее особенность в том, что благодаря ей удается опосредствовать теорию и практику, в частности, с практической стороны подойти к такому теоретическому положению, как наличное бытие понятия, и с теоретической стороны к такому практическому положению, как идеализация данных, включая новодиалектические возможности обработки данных, в том числе опосредствование конкрет-

ных и идеальных данных вплоть до определения в современной диалектической философии технологий метаинформационного уровня.

Из позиций третьего направления следует акцентировать внимание на следующих положениях такой важной новодialeктической познавательной деятельности, как *алгоритмизация познания*, которая тесно связано с *программированием*⁴:

- понятие алгоритма и новое понятие программы;
- дуализм решения задачи и дуализм физического исполнения программы на компьютере и ее идеального замысла;
- полиморфизм (в диалектической философии и в программировании), который в современной диалектической философии обозначается и схватывается в его зарождении, затем выводится и обосновывается и, наконец, прослеживается в его генезисе (а в обычном программировании он был создан таким, каким казался программистам нужным и правильным);
- идеализация данных, применяемая в познании современной диалектической философии (не путать с абстрактными типами данных и с абстракцией типов данных, используемых в современном программировании), и др.

Но все указанное — это лишь некоторые вопросы развития гносеологии и прикладных исследований, которые являются лишь следствием более важных в данном случае онтологических вопросов, указанных Гегелем, и по-новому осмысленных в современной диалектической философии. Именно они и являются развитием понимания реального и идеального и их аспектов, охватывающих в своей диалектике и материальное, и духовное, и мышление, и бытие, причем как в гегелевских, так и в новодialeктических определениях. Это дает конкретные результаты (например, указанные выше вопросы, связанные с данными в программировании).

И, обобщая изложенное, следует сказать о том, что при исследовании предметных положений темы «Реальность и идеальность» следует учитывать не только гегелевские определения опорных положений и указанные им вопросы философии и познания, но и их развитие и развитие новых положений и тем, причем в тесной связи с практикой. А она не только дает возможность апробации новаций, но и

⁴ Иными словами, на примере конкретных алгоритмических вопросов можно понять актуальность и большую практичность развития обозначенных выше гегелевских представлений, причем весьма актуальных в свете продвижения новых познавательных и алгоритмических возможностей, в том числе, реализуемых на базе новых представлений о суждении.

полагает новые вопросы и темы, хотя основания большинства из них оказываются уже рефлексированными в массив указанных выше направлений диалектических рассуждений и исследований, что, собственно, и обозначает новый тематический круг рассуждений о реальном и идеальном, т. е. указанную тему. Именно это определяет жизненность и нескончаемость обозначенной темы и, значит, вновь и вновь следующих из нее теоретических и практических положений и новаций.

Таким образом, обозначенные Гегелем категории оказались актуальными и на втором кругу развития гегелевской *науки логики* — в новодиалектическом *науки-логики-продолжении*, но в котором стали обозначаться инструментальные и прикладные положения.

Литература

1. Молчанов К.В. Современная диалектическая философия и российская диалектика // *Философские исследования*. 2008. № 1.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч.
4. Молчанов К.В. Диалектический метод, или Диалектический метод Платона // *Философия хозяйства*. 2014. № 4.
5. Гегель Г.В.Ф. Соч.

Н.Н. РОСТОВА

Трансформация веры в современном мире

Аннотация. Статья посвящена проблеме понимания веры в современном мире. Если прежде проблема формулировалась как соотношение веры и знания, то сегодня она трансформируется в проблему соотношения веры и «веры в веру». Эту трансформацию автор связывает с переходом от метафизики к постметафизике и выявляет ее антропологические и социальные последствия. По мнению автора, феномен «веры в веру» — это симптом смерти человека, ибо, стирая грань между верой и атеизмом, он устраняет онтологические разрывы, которые являются условием субъективности. Принципиальная процессуальность веры в веру ведет к невозможности общих социально-антропологических координат.

Ключевые слова: вера, вера в веру, субъективность, человек, смерть человека, толерантность, постметафизика

Abstract. Article is devoted to a problem of understanding of belief in the modern world. If before the problem was formulated as a ratio of belief and knowledge, today it is transformed to a problem of a ratio of belief and «belief in belief». The author connects this transformation with transition from metaphysics to post-metaphysics and reveals its anthropological and social consequences. According to the author, the phenomenon of «belief in belief» is a symptom of death of the person because, erasing a side between belief and atheism, it eliminates ontologic gaps which are a subjectivity condition. Basic procedurality of belief in belief conducts to impossibility of the general social and anthropological coordinates.

Keywords: belief, belief in belief, subjectivity, person, death of the person, tolerance, post-metaphysics.

Сегодня перед философией стоит не проблема соотношения веры и знания, а проблема соотношения веры и «веры в веру», которое эквивалентно соотношению метафизики и постметафизики. Вера предполагает абсолютный предмет веры, его очевидность и данность. Она есть, говоря словами Писания, уверенность в невидимом. Невидимое становится для нее предметом подлинного знания. Новый тип философствования, разрушая метафизические константы, метафизическое низводит до уровня внутреннего опыта и отношения к другому, а константы претворяет в тотальную процессуальность, порождая тем самым понятие «веры в веру».

«Верить, что ты веришь» — так называется известная книга Дж. Ваттимо (1996), поводом для написания которой послужил неуместный телефонный разговор среди шума мегаполиса. На вопрос собеседника о том, верит ли он, Ваттимо дал неожиданно точный для себя ответ: «Ну, в общем, я верю, что я верю». Что значит «верить, что веришь»? Это значит, говорит Ваттимо, иметь в виду сразу оба смысла слова «вера»: верить (=допускать), что ты веришь (=уверен). Ваттимо нравится выражение Хайдеггера, который говорит: «Бог, который есть, не существует». Бог не есть объект. Бог как объект не есть Бог. Отказ от определения Бога через существование и объективирование трансформирует понятие веры. Верить можно в объект. Тотально сомневающаяся, гипотетическая, а-теистическая вера возможна в мире, где Бог тотально сводится к любви, т. е. к тому, чего нет, что обнаруживает себя в усилении человека. Радикальное сомнение отсекает все подступы к объективации необъективируемого, указывая на его ускользающую

суть. Бог — не обеспеченная категория. Он есть лишь в той мере, в какой человек его учреждает в актах самотрансценденции.

Ваттимо не одинок в своем радикальном, неустрашимом сомнении, определяющем подлинность веры. Деннет (2006) как аксиому повторяет формулу веры в веру современных людей [1, 3]. Жижек (2007) противопоставит веру в Бога вере без Бога. Вера без Бога — это атеизм. И только атеизм есть подлинная вера, ибо не имеет опоры в наличном. Жижек пишет: «Что если... подлинный атеизм должен вернуться к вере, утверждая ее безо всяких отсылок к богу? Только атеисты способны верить по-настоящему, так как единственной настоящей верой является вера безо всякой опоры на свой авторитет некоего предполагаемого “большого Другого”» [2, 65 — 66].

Деррида (2002) незадолго до смерти выступил в Торонто. Критикуя онтоотеологию, посягательство метафизики на присваивание Бога, он заявляет о невозможности утверждать свою веру или неверие, настойчиво со своими единомышленниками, к которым примыкает Рорти, размывая грань между теизмом и атеизмом. Деррида говорит: «Невозможно верить в Бога, не проникнув как можно дальше в атеизм. Настоящие верующие знают, что рискуют стать радикальными атеистами. Даже оставив нас, Он есть где-то, и это значит, что атеист — это тот, кто не осознает Бога как существующее бытие, как абсолютное бытие. Поэтому двигаясь в том, что называется негативной теологией, апофатической философской критикой, деконструкцией и т. п., необходимо заходить как можно дальше в атеизме, без этого вера в Бога наивна и привнесена извне. Для того чтобы стать подлинно внутренней, вера в Бога должна подвергнуться абсолютному сомнению. Я знаю, что все мистики проходят через это: смерть Бога или исчезновение Бога, Бог как несуществующий. Я молюсь кому-то, кто не существует в строго метафизическом значении существования, то есть не присутствует как эссенция, субстанция... Бог в этом смысле — бытие по ту сторону бытия. И если я верю в то, что за пределами существования, моя вера во многом атеистична. Вера подразумевает некий атеизм, хотя это звучит парадоксально... В этом “эпохэ”, смещении позиции Бога, в этом неверии в Бога, именно в этот момент “эпохэ” появляется вера...» [3]. В этом фрагменте прослеживается прямая связь между переходом к постметафизике и изменением понятия веры. Бог не есть субстанция, а значит, вера, понятая как предметная вера, вынуждена принять облик атеизма, устраняющего предметность. Деррида хитрит, раздваиваясь между представлением о том, что атеизм есть ступень на пути к подлинной вере, и пониманием атеизма как подлинной веры. Второе неоспоримо точнее выражает радикализм постмета-

физического способа мышления. Атеизм, находящийся по ту сторону оппозиции «теизм — атеизм», и есть суть веры в смещенного из области метафизики Бога. Атеизм есть вера в то, что обнаруживает себя за пределами существования, в смещении, радикальном «эпохэ» представлений о реальности и сущности.

Конечно, Деррида, Ваттимо, Жижек, Деннет здесь — прямые наследники западной теологии XX в. Интеллектуальный импульс к атеизму отчетливо был дан уже П. Тиллихом, уповающим на «безусловную веру» в «Бога над Богом», радикальное сомнение которой трансцендирует теизм, и К. Ранером, разоблачавшим вульгарную онтологию и обращавшемся к апофатическому дискурсу о Боге. Богословие питалось философской традицией, а философская традиция перемигивалась с литературой. Хайдеггер, философия которого стала базой теологических построений XX в., еще в лекциях 1936 — 1940 гг. заговорил об атеизме как истинной религиозности, а о названной религиозности — как об обмане. Рассуждения о бытии, связывающие его с действительностью, говорит он, всегда поверхностны. Лишь там, где смерть и ничто, раскрывает себя бытие [4].

В литературе призыв к атеистической вере поэтически оформлен уже у Гете, которого для передачи квинтэссенции своего мировоззрения с удовольствием цитирует Фихте, считавшего представление о Боге как субстанции нелепым и противоречивым. На вопрос Маргариты о вере в Бога Фауст все еще современно отвечает:

... Кто имеет право сказать:
«Я верю в Бога»?
Кто имеет право его назвать
И признаться:
«Я верю в него»?
Кто имеет право почувствовать,
И себе уступить,
Сказать: «Я не верю в него»?
Всеохватывающий,
Всехранитель,
Разве он не охватывает и не сохраняет
Тебя, меня, себя самого?
Разве небо не высится там наверху?
Разве земля не тверда здесь внизу?
И разве не встают здесь,
Приветливо улыбаясь, вечные звёзды?
Разве я не гляжу глаза в глаза тебе
И разве не проникает всё

Тебя до головы и сердца,
И разве не творит в вечной тайне
Невидимо видимо рядом с тобой?
Исполни этим твоё сердце, так велико это,
И если ты в чувстве полностью блажен,
Назови тогда это как хочешь,
Назови его счастьем! Сердцем! Любовью! Богом!
У меня нет имени
Для этого. Чувство — всё,
Имя — пустой звук,
Затуманивающий небесное пламя⁵.

Речь Деррида — эта калька с речи Фауста. Отказ от именовании трансцендентного в пользу непосредственности имманентного чувства, обесмысливание грани между верой и неверием, благоговение перед абстракцией любви.

Трансформация веры в «веру в веру» неминуемо трансформирует антропологическую стихию. Достоевский говорит, что между атеистом и верующим — один шаг. Ибо для атеиста стоит проблема Бога. Атеист мучим Богом, и в этом смысле им определен. Новый атеизм делает невозможным трансцендентное, ибо он есть тот третий термин, который снимает онтологический разрыв между трансцендентным и имманентным. В борьбе против присваивания метафизикой Бога человек оказывается тем, кто присваивает Бога себе. Бог оказывается тем сгустком, который по времени образуется динамикой веры, понимаемой отныне не как трансцендирование к трансцендентному, а как самотрансцендирование, т. е. как трансгрессия, или игра с гранями мира наличного. Не только Бог, но вера в таком дискурсе оказывается ничем не обеспеченной, ибо вера есть обнаружение субъективности, а условием всякой субъективности является онтологический разрыв, изъян в мире, удерживаемый Богом. Феномен «веры в веру» — это симптом смерти человека. Смерть Бога, порождая атеизм, есть вместе с тем снятие проблемы субъективности.

Упрек прежнему понятию веры в том, что она опредмечивает Бога, есть лишь уловка тех, кто ищет способы избавиться от трансцендентного, кто страшится не присваивания метафизикой Бога, а присваивания себя, человека Богом. Или, как проще скажет Ваттимо, кто бежит всякой власти. Бог, который есть, не то же, что Бог, который может быть, а может и не быть. Бог как любовь не то же, что Любящий

⁵ Здесь дан подстрочный перевод А.А. Иваненко, взятый из текста И.Г. Фихте (см.: [5]).

Бог. Бог, который дает человеку Образ и Подobie, не то же, что Бог, образ которому однажды можешь дать ты. Определенность веры, ее устремленность к Богу не есть опредмечивание Бога. Бог как невидимое не есть предмет. И не есть гарант, ибо от человека всякий раз требуется усилие в своей свободе, чтобы подступить, как сказал бы Паскаль, к прикровенности Бога. Бог традиционной веры есть трансцендентный автономный от человека Бог, причиняющий автономию человека от мира.

Понятие веры в веру влечет за собой не только антропологические, но и социально-антропологические последствия, ибо принципиальная процессуальность веры, не имеющая опоры в конкретном трансцендентном Боге, ведет к тотальной толерантности, невозможности общих социально-антропологических координат, догматов, символов, погружая каждого в непроницаемый поток аффективности.

Литература

1. Деннет Д. Материалы к путеводителю по религиям для покупателя // Логос. 2008. № 4.
2. Жижек С. К материалистической теологии // Логос. 2008. № 4.
3. Аудиофрагмент записи выступления Ж. Деррида в Торонто в ноябре 2002 г. // video.tv/video/22407/.
4. Хайдеггер М. Метафизическая концепция Ницше и ее роль в европейском мышлении // Лекции о метафизике. М., 2010.
5. Фихте И.Г. О причине нашей веры в Божественное управление миром // CREDO NEW. 2004. № 2.

Н.П. КОЗИЕНКО

Наука, искусство, религия: подходы к познанию и предназначение

Ум человеческий не пророк, а угадчик.
А.С. Пушкин

Аннотация. В статье доказывается, что исходными в познании объективно выступают только внелогические предположения о причинно-следственной или иной обусловленности явлений. Причем за такими предположениями может вовсе и не быть никакой реальности.

Процесс познания характеризуется тем, что предположения об обусловленности явлений каким-то образом переводятся на язык сознания. Важнейшими методологическими принципами науки должны быть признаны испытание (на основе логики, математики и эксперимента) выдвигаемых гипотез вопросом «Как?» и верификация испытанного вопросом «Как?» знания.

Ключевые слова: бессознательное, способность человека к осмыслению мира в эстетических категориях, внелогическое мышление, гипотеза, верификация, искусство, религия.

Abstract. It is proved that the origin of the cognition is only extralogical assumptions about either causal or other conditionality of phenomena. And for such an assumption may be no reality. The process of cognition is characterized by the fact that assumptions about conditionality of phenomena are somehow translating into the language of consciousness.

The most important methodological principles of science are test of the hypotheses by the question «How?» (based on logic, mathematics and experiment) and verification of the knowledge that was tested by the question «How?».

Keywords: unconscious, a person's ability to comprehend the world in aesthetic categories, illogical thinking, hypothesis, verification, art, religion.

Разделяя сложившееся в научном сообществе убеждение, что исследования З. Фрейда позволили признать бессознательное объективным фактом, мы тем не менее не принимаем его воззрений на *природу* бессознательного [1].

В наших исследованиях природу бессознательного мы связываем со способностью человека к осмыслению мира в эстетических, т. е. внелогических, категориях [2].

Такое понимание природы бессознательного позволило нам по-новому осмыслить проблему мотивации деятельности человека. А именно: утверждать, что способность к эстетическому восприятию мира и невозможность логического истолкования прекрасного, предопределяя мотивацию сознательной деятельности человека, придают ей характер перманентного стремления к прекрасному. В экономической сфере бытия это обнаруживается в стремлении индивида к безграничному росту потребностей.

Истинность такого предположения о природе бессознательного и мотивации деятельности человека доказывается нами в политэконо-

мическом исследовании, посвященном обоснованию теории оптимальной экономики.

В частности, совокупность новых представлений позволила по-новому осмыслить логику развития общественно-экономических формаций. И ее непротиворечивость мы рассматриваем как свидетельство истинности предлагаемой нами концепции мотивации деятельности человека. При этом новый подход к осмыслению логики развития общественно-экономических формаций позволил понять, почему попытки ограничить стремление индивида к безграничному росту потребностей, что имеет место быть при любой форме коллективистских производственных отношений в обществе, неизбежно ведут к становлению тоталитарных государств.

В этой же статье мы намерены доказать, что бессознательное в нашей его интерпретации предопределяет и способность человека к внелогическому мышлению. Причем так, что эстетическая изощренность усиливает эту способность.

Об истоках нового знания и поиске истины в науке

Мы исключаем возможность сугубо логического познания законов природы и общества и считаем, что исходными в познании объективно выступают только внелогические предположения о причинно-следственной или иной обусловленности явлений. А процесс познания характеризуется тем, что выработанные внелогическим мышлением предположения о причинно-следственной или иной обусловленности явлений каким-то образом переводятся на язык сознания.

Заявленный подход к осмыслению проблем познания позволяет нам подвергнуть сомнению истинность представлений, при которых задачу науки сводят лишь к ответу на вопрос «Как?» и отвергают необходимость для нее давать ответ на «философский» вопрос «Почему?» [3].

Полагая же, что исходным в познании может быть только наперед заданное внелогическое знание, мы, по существу, утверждаем, что именно оно и выступает итогом попыток исследователя дать ответ на вопрос «Почему?».

Следует отметить также, что мы не склонны мистифицировать способность к внелогическому мышлению ни в духе А. Бергсона [4], ни в духе А. Тойнби [5]. Считая ее всего лишь рутинной способностью человека, мы стоим на той точке зрения, что за создаваемыми на основе внелогического мышления предположениями может вовсе и не быть никакой реальности.

Последнее обстоятельство, видимо, наилучшим образом иллюстрирует история сугубо умозрительных (философских) построений о сущности мира и общественного бытия. Действительно, философские исследования не привели к появлению некоей науки с общепринятыми и свойственными только ей предметом и принципами исследований, как это случилось в науках естественных, где стало правилом испытание выдвигаемых гипотез вопросом «Как?».

А наиболее убедительным доказательством способности человека к формированию внелогических предположений о причинно-следственной зависимости служит существование религиозного знания. Мы имеем в виду, что основу этого знания составляют такие причинно-следственные связи, которые в принципе нельзя испытать вопросом «Как?».

В пользу же истинности утверждения о внелогических истоках научных причинно-следственных гипотез свидетельствует, хотя и косвенно, опыт современной науки. В ней важнейшими методологическими принципами признаны испытание (на основе логики, математики и эксперимента) выдвигаемых гипотез вопросом «Как?» и верификация, т. е. установление непосредственно опытным путем достоверности испытанного вопросом «Как?» знания.

Испытывая гипотезу вопросом «Как?», исследователь, несомненно, пытается доказать ее истинность, объективно тем самым связывая ее появление с внелогическим знанием. Такое положение дел в познании получило отражение в известной формуле: нет логики научного открытия.

Но даже верифицированное знание в науке не принято квалифицировать как истину на все времена. Имея в виду, что испытание вопросом «Как?» и верификация лишь подтверждают гипотезу, но не дают доказательства того, что она воплощает исчерпывающее знание об изучаемом явлении. Однако претендовать на абсолютную истину может все-таки только верифицированное знание.

Опыт научных исследований свидетельствует также о том, что исходными гипотезами в процессе познания могут выступать внелогические предположения не только о причинно-следственной обусловленности явлений. Таковыми, в частности, могут быть и предположения о спонтанно вероятностной природе явлений.

Но драма последних состоит в том, что в них объективно «выпадает» этап испытания гипотезы вопросом «Как?». Поэтому даже самая строгая демонстрация факта, подтверждающего, что явление имеет такую вероятностную природу, оставляет место для вопроса: не является ли предположение об отсутствии причинно-следственной зависимости лишь следствием неполноты исходных знаний о факто-

рах, обуславливающих явление? (А вопрос этот вполне закономерен, если учитывать, что исходные внелогические предположения своими истоками имеют непосредственные наблюдения, в круг которых входят и эти факторы.)

Потенциальную возможность поставить таким вопросом под сомнение гипотезу о спонтанно вероятностной природе явления можно квалифицировать как методологическое проклятие. Блестящую интерпретацию отмеченной методологической проблемы дал А. Эйнштейн, заявлявший, что бог не играет в кости.

Наконец, способность к внелогическому мышлению позволяет человеку выдвигать предположения и об отсутствии у тех или иных явлений как причинно-следственной, так и вероятностной обусловленности. Однако такого рода гипотезы, равно как и причинно-следственные, которые в принципе нельзя испытать вопросом «Как?», следует считать лишь игрой воображения и не рассматривать их, поскольку есть все основания полагать, что за ними вовсе и нет никакой реальности. Вообще, внелогическое мышление можно рассматривать лишь как попытки угадать сущность наблюдаемых явлений.

В этой связи здесь, видимо, уместно коснуться феномена марксистской философии. Как известно, диалектический материализм претендует на открытие законов развития, общих для природы, общества и мышления [6]. Но его «законы» и составляющие их основу гипотезы нельзя испытать вопросом «Как?» в части внелогического мышления.

Поэтому диалектический материализм должен отказаться от претензий как на знание законов развития, общих для природы, общества и мышления, так и на открытие диалектической логики, противопоставляемой марксистами логике формальной.

Такое положение дел лишает марксистскую философию ее предмета, одновременно свидетельствуя о невозможности универсального метода познания.

Познание законов природы, общества и мышления может быть делом только соответствующих конкретных наук. При этом в конкретных научных исследованиях «законы» диалектического материализма могут рассматриваться лишь как гипотезы, ждущие своего испытания вопросом «Как?». Исследования же, не опирающиеся на принятую в естественных науках методологию получения нового знания, способны породить опасные для природы, общества и человека химеры.

Отвергая претензии диалектического материализма на знание законов развития, общих для природы, общества и мышления, мы отвергаем тем самым и представления (свойственные, впрочем, не только марксизму) о единстве законов природы и мышления.

Мы полагаем, что нет абсолютно никаких оснований априори говорить как о причинном, так и о вероятностном характере законов природы и общества.

Верно лишь то, повторяем, что в процессе познания исходные гипотезы объективно выступают внелогическими предположениями о причинно-следственной или иной (в том числе и вероятностной) обусловленности явлений. Причем эти предположения, как мы отметили выше, естественно считать лишь попытками угадать сущность наблюдаемых явлений.

И поэтому только открытие таких причинно-следственных и вероятностно обусловленных зависимостей, которые можно испытать вопросом «Как?» и верифицировать, позволяет исследователю претендовать на познание абсолютной истины. На наш взгляд, именно такой смысл следует вкладывать в принятую в естественных науках формулу, что истина может быть лишь одна.

«Истины» же, полученные на других путях исследований, — от лукавого.

Правда, в последнее время предпринимаются активные попытки реабилитировать умозрительное познание на том основании, что де универсальность гипотетико-дедуктивного метода познания не может быть доказана средствами самого этого метода. Что поделаешь, такого доказательства своей универсальности названный метод действительно дать не может. Но лишь только потому, что исходные предположения о причинно-следственной или иной обусловленности явлений имеют внелогическую природу. А другой основы для познания законов природы, общества и мышления у человека нет.

Что касается активности внелогического мышления в формировании гипотез, то она стимулируется эстетической изошренностью индивидуума. Равно как существуют обстоятельства, парализующие познавательную деятельность человека.

Но как бы ни складывались события, от познания причинно-следственных связей человек не отступится. И не только потому, что их открытие — самый радикальный путь познания абсолютной истины, но и потому, что лишь на основе такого знания человек сможет совершенствовать производство и тем самым обеспечить реализацию стремления к безграничному росту потребностей.

Могут ли быть альтернативные науке пути познания природы и общества?

К сожалению, даже научной общественностью все в большей мере овладевает идея, что у искусства и у религии наличествуют более высокие, нежели у науки, познавательные возможности.

При этом познавательные преимущества искусства и религии обычно связываются с тем, что в данных сферах человеческого творчества осмысление мира осуществляется на основе интуиции. Из чего можно сделать заключение, что выдвинутая идея питается предрассудком, сводящим научное познание к сугубо логическим построениям.

Поскольку в действительности это не так, то естественно усомниться в преимуществах искусства и религии перед наукой в познании природы и общества.

Искусство как вид человеческой деятельности: истоки и предназначение.

Итак, хотя общественность весьма высоко оценивает предназначение искусства, мы тем не менее намерены доказать, что она не в полной мере осознает его роль, а, ставя искусство в познании природы и общества выше науки, — просто заблуждается.

Исходя из признания эстетических истоков мотивации деятельности человека, мы считаем, что истинным будет и такое суждение: только эстетика может и должна выступать «матерью» этики человека.

Стало быть, не боязнь нарушить умозрительные моральные принципы, а эстетические переживания, связанные с альтруистическими поступками, должны явиться фундаментальной основой естественного пути формирования этики человека.

Поэтому «добро» в истинном смысле этого понятия имеет место там и тогда, где и когда мотивами этических поступков человека выступает стремление к расширению чувственных наслаждений, то есть стремление к прекрасному. «Зло» же имеет место там и тогда, где и когда мотивы этических поступков имеют иные основания. В таком контексте эстетическую изощренность справедливо рассматривать как фактор, расширяющий фундаментальную основу формирования нравственных норм в обществе.

Как известно, А.С. Пушкин считал, что поэзия выше нравственности. В этом суждении по существу заключена мысль, что именно искусство выступает первопричиной идеального варианта становления нравственного общества. И только «чистое искусство» в состоянии наилучшим образом способствовать разрешению как нравственных проблем в обществе, так и проблемы повышения творческого потенциала человека.

Конечно, это вовсе не означает, что искусство не должно включать в свою сферу нравственные или иные проблемы. Но и обращаясь к ним, оно должно оставаться искусством. Иначе говоря, если исходить из нашего определения: прекрасно то, что расширяет чувствен-

ные потребности индивида, оно призвано способствовать их расширению, а не созданию некоего морального кодекса.

(Попытки же добиваться роста чувственных наслаждений, прибегая не к эстетическим, а к физиологическим их истокам, чреваты болезненной привязанностью к ним и деградацией личности, поскольку применительно к физиологии уместно говорить о норме.)

Как и в науке, «истина» в искусстве, воплощающаяся в прекрасном, отыскивается благодаря внелогическому мышлению. Но в искусстве внелогические знания в принципе не могут быть испытаны вопросом «Как?». В связи с этим важно иметь в виду следующее. В науке даже испытанное вопросом «Как?» и верифицированное знание может не быть абсолютной истиной.

Тем не менее в науке абсолютная истина — идеал, к которому она стремится, а иногда и достигает его. Напротив, в художественном творчестве на поиск «теорий» прекрасного нужно наложить табу, ибо таковые в принципе могут быть лишь сугубо умозрительным знанием. Обычно поощряют создание «теорий» прекрасного тоталитарные государства (что вполне понятно) и склонные к зауми теоретики искусства. Вообще и в этой сфере человеческого творчества не следует мистифицировать способность человека к внелогическому мышлению. Ибо может статься так, что результатом его явится не произведение искусства, а некая умозрительная химера.

Итак, поскольку «истина» в искусстве, воплощающаяся в прекрасном, зиждется, как мы отметили выше, на внелогическом знании, относительно которого неуместен вопрос «Как?», именно по этой причине искусство не может претендовать на поиск истины в научном смысле этого слова.

Важно также осознавать, что, прибегая к исследованию причинно-следственных связей, художник будет подрывать силу воображения, лишая его сферы «чистого искусства». Упоная же в познании общества на некое умозрительное знание (им «открытое» или заимствованное), он рискует навязать своим творчеством ложные пути решения общественных проблем.

Поэтому, обращаясь к нравственным и иным проблемам общества, искусство не должно:

- ставить перед собой цель воспитать «нового» человека;
- навязывать образ существования, при котором индивид нуждается руководствоваться соображениями общего блага;
- связывать, впадая в вульгарный социологизм, нравственные качества человека с его социально-экономическим положением;
- осуждать обретение «материального благополучия», противопоставляя его духовному совершенствованию;

- спекулировать на страхе человека перед природой и смертью, независимо от преследуемых целей;
- пропагандировать идею народа-богоносца;
- ставить в жизни общества на место права, охраняющего свободу личности, мораль или религию.

Пропагандируя такие идеи, искусство будет превращаться в тоталитарную идеологию, поскольку воплощение их в жизнь ведет к духовному насилию над личностью.

Следует, однако, осознавать, что трансформация искусства в разновидность тоталитарных идеологий в той или иной мере неизбежна в обществах эксплуататорских, поскольку их реалии порождают широкий спектр экстремистских идей о причинах и путях преодоления общественных проблем, а их адепты обычно склонны игнорировать «чистое» искусство.

Считаем, что соблазн экстремистских путей решения общественных проблем будет преодолен в обществах без эксплуатации. И лишь в таких обществах разрешение нравственных проблем будет связываться с эстетикой, а не с моралью или религией.

Представленных аргументов, видимо, достаточно, чтобы утверждать, что искусство не может быть альтернативным науке путем познания природы и общества.

У искусства своя высокая цель. Способствуя росту эстетической изощренности индивида, оно не только стимулирует познавательные возможности человека, но и выступает фундаментальной основой естественного пути нравственного совершенствования общества.

Об истоках религиозного знания.

Как было сказано выше, интерес к религии как к знанию, якобы имеющему преимущества перед наукой, вызван предрассудком о сугубо логических истоках научных гипотез.

Предпринимая здесь попытку осмыслить гносеологические и онтологические истоки религиозного знания, мы намерены доказать не только, что религия не может быть знанием, альтернативным науке, но и что естественные для религии представления о человеке ложны.

Мы исходим из убеждения, что необходимым условием для возникновения религии выступает человек познающий. При каких же обстоятельствах человек познающий становится и достаточным условием для возникновения религиозных представлений? Чтобы выявить эти обстоятельства, нужно провести непредвзятое сопоставление признаков, отличающих знание, ведущее к религии, от научного знания.

В науке испытание выдвигаемых гипотез вопросом «Как?», жестко говоря, отсекает все вздорные фантазии. Напротив, основу ре-

лигиозного знания составляют именно гипотезы, которые в принципе нельзя испытать вопросом «Как?».

По сути дела, роль обстоятельств, делающих человека познающего не только необходимым, но и достаточным условием для становления религиозных представлений, состоит в том, что они парализуют его познавательную деятельность.

Они не только подрывают силу воображения, не позволяя ему оторваться от пут причинно-следственных связей и уйти в область «чистого искусства», но и предопределяют мистификацию создаваемых ущербным воображением причинно-следственных связей.

И хотя эти обстоятельства, по большому счету, не могут подорвать стремления к безграничному росту потребностей, тем не менее на их фоне человек будет прибегать к ложному знанию, чтобы использовать силы природы в хозяйственной деятельности. Сохраняя же способность чувствовать и, следовательно, страдая от ужасов общественной жизни, он станет использовать ложное знание для разрешения социально-экономических и нравственных проблем в обществе.

Страх перед силами природы, перед смертью, перед иррациональностью общественной жизни, недостаточность знаний о природе, обществе и человеке, недостаточная эстетическая изоциренность суть эти обстоятельства.

В таком контексте существование религиозного знания естественно рассматривать как свидетельство природного происхождения человека, человека, мучительно обретающего так необходимую для действительного творчества свободу духа.

Для религиозного сознания невыносима сама мысль, что мотивация деятельности человека имеет фатальную и не сводимую к этическим категориям природу. Но это так. Именно поэтому в прокрустовом ложе этических категорий нельзя выработать адекватные подходы к разрешению нравственных проблем в обществе. И данный факт убедительно подтвержден печальным опытом социальных утопий, в которых решение нравственных проблем в обществе связывалось с необходимостью «перевоспитания» человека на основе религиозных или моральных заповедей того или иного толка.

Мы же исходим из представлений об эстетических истоках мотивации деятельности человека. И настаиваем на том, что свобода человека в экзистенциальном смысле — это деятельность, не только позволяющая индивиду реализовать стремление к безграничному росту потребностей, но и, в идеале, доставляющая эстетическое наслаждение. Поэтому человек пребудет свободой, поскольку лишь эстетическая изоциренность может служить залогом нравственного возвышения человека и общества.

Таким образом, исходная ущербность религиозного знания, выразившаяся в непонимании эстетической природы человека, и то обстоятельство, что основу его составляют гипотезы, которые в принципе невозможно испытать вопросом «Как?», не позволяют рассматривать такое знание как альтернативу науке.

А поэтому есть все основания для утверждения, что выработанное в религии знание о человеке ложно.

Нельзя, конечно, исключать того, что отдельные религиозные сентенции по проблемам мира и общественного бытия иногда помогали ученым в формировании научных гипотез. Но даже эти факты не могут свидетельствовать в пользу желательности религиозного познания мира как этапа, предшествующего научным подходам к осмыслению проблем природы, общества и человека.

Безусловно, основные положения предложенной нами гипотезы о внелогических истоках нового знания еще ждут своего испытания вопросом «Как?». В частности, предстоит понять, каким образом внелогические предположения о причинно-следственной или иной обусловленности явлений переводятся на язык сознания.

Полагаем, что такого рода естественнонаучные исследования подтвердят истинность нашей гипотезы, поскольку на ее основе нам удалось концептуально осмыслить всю совокупность фактов, относящихся к специфике познания в науке, искусстве и религии. Поэтому и в теории познания на смену химерам придет естественнонаучное знание.

Литература

1. *Фромм Э.* Избавление от иллюзий. Сопоставление взглядов К. Маркса и З. Фрейда. М., 2005.
2. *Козиенко Н.П.* Оптимальная экономика: проблемы политэкономии // Экономическая система современной России: пути и цели развития / Под ред. А.А. Пороховского (электронное издание). М., 2015 // <http://www.econ.msu.ru/ext/lib/Article/x62/xc4/25284/file/Economic%20system%20of%20modern%20> (дата обращения: 10.12.2015).
3. *Конт О.* Общий обзор позитивизма. М., 2011.
4. *Бергсон А.* Творческая эволюция. М., 2006.
5. *Тойнби А. Дж.* Постигание истории. М., 1996.
6. *Маркс К.* О диалектическом и историческом материализме. М., 1984.

IV

РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ

Ю.М. ОСИПОВ

**Сказанное и невысказанное в одном флаконе
(подготовительные заметки председателя конференции)***

Что-то из нижеприводимого было сказано, что-то не сказано, а что-то было сказано как-то по-другому. Но мысль остается мыслью — как сказанная, так и невысказанная — и нет никакого резона ее отстранять, не доведя до думающей научной общественности — авось кому-нибудь зачем-нибудь и пригодится.

**К вступительному слову при начале конференции
(2 декабря 2015 г.)**

Уважаемые коллеги!

Очередная декабрьская конференция, на этот раз посвященная 25-летию юбилею Центра общественных наук, ориентирована на мысль, причем мысль современную, близкую Центру-юбилею — *обществоведческую и философско-хозяйственную*, включая и экономическую.

Центр общественных наук, конечно — организатор, побудитель, объединитель. Вокруг Центра сложилось и действует немалое по численности ученое сообщество, причем сообщество разнообразное, многодисциплинарное, полинаучное. Есть при ЦОН'е *Философско-экономическое ученое собрание*, действует *Академия философии хозяйства*. Издается журнал «*Философия хозяйства*». За четверть века проведено около 200 научных форумов разного формата, опубликовано более 300 коллективных и личных монографий, среди которых и двух томная «*Антология современной философии хозяйства*». Выпущено в свет более 100 номеров упомянутого журнала «*Философия хозяйства*».

* Рабочие материалы председателя программного и организационного комитетов международной научной конференции «Российская обществоведческая и философско-хозяйственная мысль сегодня: итоги, проблемы, перспективы», посвященной 25-летию Центра общественных наук, директора ЦОН профессора Ю.М. Осипова, на основе которых и в соответствии с которыми обеспечивалось ведение Ю.М. Осиповым заседаний конференции, включая торжественно юбилейное собрание ученого сообщества ЦОН.

ЦОН не так собственно учреждение, как действующее ученое сообщество, весьма многого достигшее в области современного гуманитарного знания.

Главное все-таки для меня не в объединительной и публичной роли Центра, не в том, что ЦОН предоставляет трибуну, причем трибуну свободную, и дает возможность опубликования научных текстов, тоже вполне свободных.

Сегодня, как раз по случаю конференции, ее актуальной темы, уместно заговорить о *собственном вкладе* Центра в современную гуманитарную мысль, ее обществоведческое и философско-хозяйственное направления, включая и экономическое, разумеется, в их прежде всего мировоззренческой (онтологической) интерпретации.

И здесь все очень не просто.

Почему же именно так — не просто?

Тут надо обратить сначала внимание на когнитивное состояние российского ученого мира. Что мы имеем? По преимуществу либо тут доминирует, скажем так, наследственный марксизм (неомарксизм, парамарксизм, псевдомарксизм), либо заимствованные из-за рубежа (с Запада) новейшие-де учения (феноменально-формальные, описательные, густо приправленные математикой, информатикой и моделированием). Есть еще, правда, такие когнитивные всплески, как ноосферизм (вернадскианство), космизм (циолкианство), физикализм (вроде приспособления той же квантовой механики к гуманитарной сфере), а также разного рода «гео»-течения, — типа геополитики и геоэкономики. Философия сегодня вроде бы тоже есть, но, во-первых, более всего как история философии; во-вторых, как в основе научная философия (она же фактически и марксистская); в-третьих, как набор частных (предметных) философий; в-четвертых, как заимствованный из-за рубежа постмодернизм.

Итак, доминируют в стране либо марксистского толка ментальный консерватизм, либо модернистского и постмодернистского характера феноменализм, причем то и другое, в общем-то, западного происхождения.

Уместно заметить, что коренная отечественная, она же и по преимуществу русская, мысль не получила за последнюю четверть века — с его небывалой размыслительной вольностью — ни достойного себя признания, ни, тем более, развития. Здесь сказались либо уже привычное пренебрежение отечественным наследием, либо чисто историко-консервативный к нему подход, по большей части нарративный, нетворческий.

Сейчас стало модным говорить о «провалах». «Провал» теперь — научная категория. И что интересно: ученым-гуманитариям почему-то совсем не страшно говорить сегодня и о реальных провалах, как будто это всего лишь проигрыш в карточной игре, как, впрочем, говорить спокойно и красиво о тех же вполне кровавых «бифуркациях».

Что касается обществоведческой мысли — включая и экономическую мысль, то на теоретико-мировоззренческом уровне мы сегодня имеем самый настоящий *провал*: ученой среды, необходимой для нормального культивирования такой мысли, в стране уже практически нет! Наше цоновское ученое сообщество — *последнее*! Уже нет не то что масс теоретиков, но даже и потребного количества индивидов. Нет фигур, ну, и мыслителей тоже нет!

Нынешнее происшествие в Институте экономики РАН, связанное со сменой руководства, говорит о многом: ни людей, ни руководителей, ни науки!

Моя личная попытка спасти теоретико-мировоззренческую мысль в сфере экономической науки через проект «*Теория хозяйства*» успехом, естественно, не увенчалась. Научное сообщество никак не восприняло моего деяния, ибо явилось оно не из-за границы, не из Америки, не из Европы, — сообщество прошло мимо моей теории хозяйства, испытывая при этом чувство великого облегчения — не надо было думать, решать, создавать!

Что же тогда выказал ЦОН, включая и его руководителя, стоящего сейчас на трибуне и что-то весьма странное вещающего, разумеется — вполне и непотребное?

А ЦОН решился сначала на собственную когнитивно-сознательную инициативность, что потребовало решительного прорыва через доминировавшую вокруг знаниевую, как и просто ментальную, завесу и вырыва сквозь нее во что-то *иное*, — и этим иным оказались *онтологический метафизис* и *гносеологическая метафизика*. На острие же прорыва оказалась *философия хозяйства*.

Я не буду сейчас толковать о сути философии хозяйства, ее содержании, о наличии в реалиях мироздания метафизиса и важности обращения к смысловой метафизике: кто уже что-то знает, тот знает; кто признает, тот уже признает; кто же не хочет ничего подобного знать, того уж знать что-либо из подобного не заставить; кто никак что-то такое не признает, тот никогда этого и не признает!

О философии хозяйства, как и о метафизисе с метафизикой, вообще обо всем *ином*, включая и *софиасофию* с ее трансценденцией, уже немало сказано в цоновских аудиториях и на цоновских страни-

цах, так что говорить обо всем этом нарративно сейчас нет никакого смысла, да и, признаться, весьма уже надоело, а потому, если позволите, я выскажусь лишь о месте и значении добываемого Центром знания, той же философии хозяйства.

Философия хозяйства — *иное* знание, в том смысле, что оно выходит за рамки обычного, давно уже убедительно признанного научным, знания; это — *мета*знание, погруженное в *мета*физику. Это никакая не смесь науки, философии и религии, как и никакая не отрасль любого из отмеченных традиционных знаний, это вполне *самостоятельное целостное знание*, обращенное в иную, чем только материальную, сферу, дающее иное представление о человеке, обществе, жизни и жизнедеятельности того и другого, о труде и творчестве, о культуре, об истории, о тех же науке, философии религии, в общем — обо всем на свете.

Ничего себе претензия, скажут нам, а мы, ничтоже сумняшеся, ответим: да, претензия, — и вполне, знаете ли, обоснованная!

Мало того, мы готовы даже заявить нечто совершенно поразительное: *в философии хозяйства человечество обрело наконец-то вполне целостное учение о себе самом, о своем бытии и своем же нескончаемом творчестве, уже давно ставшем демиургическим, а вот сегодня оказывающемся более всего «виртуалургическим».*

Философия хозяйства — не отрасль знания, не одно из направлений, вообще никакая не частность, не локальность, а, повторяю, — целостность, объемность, масштабность — без границ, без краев, без окаемов, как и без явной конечной вершины, хотя и устремлена она к небу, как и без просматриваемого впереди дольного конца, ибо устремлена она в беспределье.

Отвечу сразу на возможный здесь и нередко мне задаваемый вопрос: почему же философия хозяйства не получает если не всеобщего, то хотя бы достаточно заметного общественного признания? Ответ мой таков: ученая среда ныне вовсе не та, чтобы осознанно и честно признать философию хозяйства, вообще *постнаучную метафизику*, а в среде этой ученой некому, собственно, и что-то подобное признавать. Чтобы признать ту же философию хозяйства, ее как-то при этом и восприняв, нужно выйти *вон* из среды и стать *другим*, а кто из нынешнего ученого мира на это способен? Если же кто-то вдруг и оказывается таковым, то... из *единиц!* Все это проверено, подтверждено, фактически обоснованно и ментально осмысленно, а потому и столь смело здесь утверждаемо! Никакой натяжки тут нет!

Обыденная среда держит, манит, убаюкивает, обольщает, поглощает. И ничего тут не поделать! Нужно какое-то очень большое потрясение — того же потрясения 1990-х оказалось мало! И оно, это внезапное большое потрясение, надо думать, на подходе, может, уже и при дверях, но... сроков-то ведь никто из смертных ни для чего подобного не знает, а потому наберемся пока терпения и... понимания того, почему это философия хозяйства так до сих пор не популярна, мало того — сознательно ограничиваема, притесняема и даже не слишком заметно, но упорно гонима.

Замечу особо: философия хозяйства — *не так готовое знание, как знание-размышление; здесь не так сумма знаний, как ключ к знаниям; не так даже кладовая знания, как его непринужденный поток.*

Строго говоря, философия хозяйства — знание-размышление для избранных, это вовсе не популистское знание, как и любой сгусток большой мудрости, — это *софийное знание*, по-своему и конспиративное, эзотерическое, закрытое. Преподносить философско-хозяйственное знание совсем не просто, преподавать тоже. Вообще-то его надо предоставлять уже достаточно зрелым людям, в специальных заведениях, как раз тем людям, которые принимают большие решения по большим проблемам. Что касается тех же студентов, то с философией хозяйства их можно лишь знакомить, разумеется, студентов уже высших уровней.

Уместно заметить, что философия хозяйства — не философия экономики, которая, насколько я могу судить, есть некое ответвление распространенной в университетах научной, т. е. неметафизической, философии, базирующейся на научного же толка междисциплинарности.

И вот еще на что я хотел бы обратить внимание конференции: философия хозяйства — наш, отечественный, даже и русский, продукт, — по моему глубокому убеждению ни с каким другим отечественным когнитивным продуктом не сравнимый, даже с ноосферизмом, даже с космизмом, как и с любым современным геомыслетечением.

Философия хозяйства в чем-то корреспондирует с *русской софийной философией XX в.*, причем либо философия хозяйства является частью последней, либо последняя является частью философии хозяйства, — это уж кому как нравится!

Не буду категорически утверждать, но вряд ли в том же Московском университете за всю его историю родилось и развилось в гуманитарной сфере что-либо подобное философии хозяйства — по целостности, фундаментальности, глубине, масштабу и значению!

Обратите, коллеги, внимание: философия, но... хозяйства, т. е. вовсе не умозрительная философия, а жизненная, практическая, деятельная, а хозяйство — не сама по себе житнетворческая практика в ее обыденности, а мировоззренчески и метафизически осмысливаемая практика — не удовлетворение тут насущных потребностей, а *большое историческое с эсхатологическим итогом трансцендентное действо!*

И вот вопрос для аудитории: какое-такое сегодня хозяйство на планете, чего оно хочет, куда идет и куда придет, а-а?

Вот вопрос — так вопрос! И ответа простого на него нет: молчит, ерзая во гневе, планета, молчит, замерев в диссертационном испуге, ученый мир, — *нет ответа!*

ЦОН имеет на этот вопрос кое-какие ответы, разумеется, всего лишь человеческие, — и он их откровенно проговаривает, но... не слушают, не читают, не вникают, разве лишь посмеиваются, закатывают недоуменно глаза, ехидничают — и что любопытно: дело теперь не за умами вовсе, а за реальностью, точнее, за *само-* или *метареальностью*, которая как раз на все вопросы вскорости и ответит!

ЦОНу хватило 25 лет, чтобы кое-что важное осознать и кое-чем невозможным озаботиться, а вот окружающей отменной науке хватило аж 500 лет, чтобы так ничего из главного в бытии, хозяйстве и истории не понять, — так что мы с вами, уважаемые коллеги, прямо в историческом моменте — *моменте всеисторической истины*, а вот какой истины, пусть на это и попытается ответить наша конференция!

**К вступительному слову на панельной дискуссии:
«Россия и мировой контекст: противоречия, перемены, исходы»
(4 декабря 2015 г.)**

Вариант первый

Сначала два слова о мировом контексте, или, что примерно то же самое — о самом планетарном мире, включающем и Россию, о его и России нынешнем состоянии.

Кризис, перемены, неопределенность. Однако это не все, да и не очень точно, выразительно, цепко.

Цепляет другое: *хаос, хаосмосные миры-фронты, война!*

Состояние современного мира всего лучше, адекватнее, точнее описывается в терминах хаоса, абсурда, нежити, inferно, отчаяния, мортидо, наконец *антимира*, а не в терминах порядка, разума, жизни, миролюбия, надежды, согласия, света, как и собственно *мира*.

В мир как таковой пришел вроде бы непрощенный, но такой при этом званый гость — антимир; мир как таковой вывернулся

наизнанку, став миром-оборотнем; в мир ворвалась преисподняя; мир заражен самопогибелью; в мире очень вольготно сейчас смерти.

Миром цепко, целостно и вполне органически завладела *апокалиптика!*

Не просто уже мир сегодня, а мир-*антимир*; не мир-жизнь, а мир-*нежить*; не мир-мир, а мир-*война!*

Фактически на Земле разгорается *Армагеддон* — война *всех против всех*, в которой участвуют люди и нелюди, государства и их подобия, международные союзы и их симулякры, мировые сети и их атрибуты, культуры и их антиподы, цивилизации и их перевертыши.

В основе это война вовсю наступающего *уже-не-человеческого* мира против мира *еще-человеческого*, или же *мира* как такового и *антимира*, — война, так сказать, *по вертикали*. А на фоне этой совершенно как бы немислимой всемирной войны идет другая всемирная война, как бы уже и вполне мыслимая, — и которая тоже есть война миров, но уже, так сказать, *по горизонтали*.

Это уже более отчетливо выраженная война и как раз уже между более отчетливо выраженными мирами: между весьма единым Западным миром, (назовем его первым), стремящемся к подчинению себе всего планетарного мира и им в своих эксплуатационных интересах управлению, и очень пока разрозненным Остальным миром (назовем его вторым), этому Западному миру противостоящим, причем противостоящим не только сопротивленчески, но и альтернативно-созидательно.

Но это еще не все: современный мир-антимир, разделенный на два противостоящих мира — первый и второй, выдал из себя еще и третий мир, решительно противостоящий уже всему миру-антимиру в целом, хотя, быть может, в большей степени миру первому (Западному, евроамериканскому, постмодерновому). Речь идет, конечно, же об *исламском мире*, весьма едином и набирающем ныне большую экзистенциальную силу.

Особенность этого третьего мира не только в его идейно-культурном единении, но и в том, что он произвел на свет очень незаурядный подмир, он же и всему и вся *противомир*, — мир-*боевик*, мир-*разбойник*, мир-*террорист*, действующий в качестве своеобразного острого наконечника копья против всего мира-антимира, воюя не на жизнь, а на смерть со всем миром-антимиром без всяких правил и общепринятых норм.

Не только первый из миров не имеет права на существование в глазах этого радикального мира-*протеста*, мира-*мстителя*, мира-

судии и *мира-палача*, но и немалая часть второго мира не удостоивается им права на бытие и будущее.

Итак: разворачивающийся на Земле Армагеддон сложен, разнообразен, гибриден, он явен и не явен, но от него на планете все более неуютно и страшно всем без исключения ее насельникам.

Россия.

И посреди этого мира, если не в его эпицентре.

О-о, Россия — это не страна ведь, а целый мир, этаким мир-норд-ост, но и мир-норд-вест тоже, мало того — и мир-зюйд тоже. Он и в Западном мире, хотя этому миру не слишком органичен, он и в Остальном мире, хотя и тоже весьма от него отличен, он соприкасается и с горячим противомиром, находясь с ним в неустанной борьбе.

Российский мир по сути еще один мир в мире, который можно обозначить в нашем случае как четвертый.

И что же в связи с мировым контекстом, втягивающимся неуклонно и неуклюже во всемирный Армагеддон, представляет собой Россия, немало уже и сама армагеддонная?

Да, как ни крути, а Россия как-то *сама по себе*, будучи вроде бы везде и не будучи окончательно и бесповоротно нигде, но не по причине своего непостоянства либо своей поведенческой «вертлявости», а по причине своей *трансцендентной самости*, находящей выражение в исторической имперIALности России и ее метаисторическом лидерском предназначении.

Если США со своими евросателлитами — господин над миром, его управитель, агрессор по всему миру, его прямой эксплуататор, а тот же нынешний противомир-террорист — попросту разбойник, бандит и убийца, еще и грабитель, нахлебник и паразит, то Россия, увы — охранительница, спасительница, защитница, нет, не полицейского во все пошиба, а... эмчеэснического, или выручательского, образца, причем в очень разных аспектах, но непременно... человеческих, моральных, богоугодных.

Россия сегодня — полноценный геостратегический игрок, причем как игрок-трудяга, так и игрок-лидер.

Российская геостратегическая игра сложная, разная, всезаимутная игра, к тому же игра немало завуалированная, заметно конспиративная, весьма непроглядываемая и почти что не прочитываемая.

Нас, граждан России, волнует оправданность, правильность и эффективность этой игры, как и ее цена, а также судьба России — причем не только как игрока, но и как исторического субъекта.

Отсюда целый комплекс вопросов: что это за всемирная игра; какой и ради чего в ней игрок Россия; как идет вся эта игра; что в ее

итоге на сей момент и ближайшее будущее; куда идет игра; что есть и что станет с играющей в нее Россией?

Это не просто сложные вопросы, это совершенно убийственные вопросы, на которые нет полных и окончательных ответов, но на которые отвечать все-таки надо.

Вот и попытаемся!

Вариант второй

Ясно, что нынешний мировой контекст сложен, подвижен, неопределен, крив. Это контекст гигантских перемен, новых планетарных конфигураций.

Идет большая геостратегическая игра, предполагающая возникновение новых частных и коллективных геостратегий, новых международных построений, нового облика планетарного мира.

Россия, сама переживающая большие перемены, пусть не такие резкие и явные, как в 1990-е гг., но зато весьма упорные и очень для нее значимые, не только не стоит в стороне от общемировых процессов, не только является их непосредственной участницей, но и играет в них, скажем прямо, далеко не последнюю, а возможно, и из первых, роль.

Россия, меняясь сама, перестраиваясь, становясь другой, возвращает себе статус великой мировой державы, выстрадывает не только новое для себя положение в мире, но и сама по себе все более представляет какой-то новый мир.

Сейчас, в конце 2015 г. и в канун 2016 г., можно определенно утверждать, что сдвинувшийся с места планетарный мир уже не вернется даже к облику 2013 г. — через вполне обозримое, может, и краткое, время он будет уже воистину другим.

После ухода с исторической арены СССР и международного соцлагеря на планете установилось единоличное доминирование США, подкрепляемое органичным США Западом. За четверть века стало явью разделение планетарного мира на передовой Западный (он же в основе уже постмодерновый) мир и Остальной, отставший, незападный (модерно-премодерновый, но частично и постмодерновый). Стало явью и противостояние этих двух миров, мало того, разворачивается и геостратегическая борьба между ними.

Но это не все: прогрессивный Постмодерн (он же и Запад) вытеснил на свет в течение XX в. и, естественно, в начале XXI в. какой-то совсем новый мир, который не просто активно противостоит скольконибудь традиционному миру, включая и западную часть планеты, но и столь же активно весь этот традиционный мир отрицает.

Этот новый мир, яркими символами которого являются «Черный квадрат» Малевича и тяжелый рок американцев (о Голливуде мы уж помолчим), можно определить сегодня как *антимир*.

На планете, таким образом, есть два видимых противоборствующих мира — *передовой* и *остальной*, и два тоже противоборствующих, но уже как бы и невидимых, мира — собственно мир, или мир как мир, и мир как антимир, или попросту антимир.

Если принять во внимание наличие этих пар противоборствующих миров, да еще и признать наличие войны миров, то все происходящее сегодня на планете, включая ИГ и весь остальной террор, становится более или менее понятным.

Понятными становятся геостратегическое положение России, ее геостратегия, ее практические действия.

Что впереди?

Ясно пока одно: консолидация двух явных миров внутри каждого из них, противоборство между этими мирами; разворачивание и другой межмировой войны — мира и антимира, а соответственно — человечества и античеловечества, жизни и нежити, света и тьмы.

Это, безусловно, апокалипсис, это всемирный эсхатологический кризис, это Армагеддон (вовсе не обязательно, что горячий).

А что Россия?

Мобилизация, гармонизация, развитие. Опора на себя и для себя. Эффективное взаимодействие с другими, но с учетом, что другие вовсе не обязательно друзья, хотя и не непременно враги.

Нам есть, о чем поговорить. Проблем много. И они очень серьезные.

Давайте обменяемся мнениями на этот счет, памятуя о возможных в ближайшее историческое время исходах.

Похвальное слово Центру общественных наук по случаю его 25-летия.

Торжественное собрание ученой общественности (4 декабря 2015 г.)

Открытый правительством СССР в 1990 г. и возвращенный в Московском университете, Центр общественных наук прошел за четверть века своего существования большой рабочий и содержательный путь.

Все начиналось практически с нуля, а завершается фактически *необозримым итогом*.

Готовя по поводу 25-летнего юбилея ЦОНа итоговую монографию, которая представлена участникам конференции и торжественного собрания, я так и не смог сколько-нибудь полно отразить ход четвертьвековой центровской страды, презентовать в полном объеме обильные плоды цоновской деятельности. В этой цоновской деятельности-страде все, знаете ли... сказочно, все как бы из запретно-запредельного чертога под названием «*Не может быть!*», все наполнено имманентной, совершенно при этом и волшебной, трансцендентностью.

Микроскопический Центр, годовое содержание которого не превышает месячной зарплаты вполне заурядного не-топ-менеджера, выдал на-гора столько всяческой продукции, сколько не выдает и большой, перегруженный штатом, помещениями и техникой, не говоря об уборщицах и охранниках, полноправный научный институт.

Секрет наш прост: *стремление, умение, самоотверженность!*

Самое главное при этом вовсе не в объеме содеянного, даже не в его неповторимом и неоспоримом качестве, а в глубокой смысловой уникальности и высокой когнитивной значимости содеянного, что как-то уже пронизательно кое-кем оценивается, но, думается, что еще только предстоит по достоинству и в полном смысле оценить.

Центр не только активный инициатор деятельности и продуцент разнообразной научной продукции, он еще и щедрый *источник нестандартной мысли*, в чем вряд ли найдется кто-либо равный.

Я говорю так вовсе не для модного ныне пиара, не от высокомерия и зазнайства, как и не ради красного словца: ЦОН и я, его руководитель, очень хорошо сознаем что говорим, мы отлично знаем, что сделали и какое истинное значение имеет нами содеянное.

Это не просто безусловный вклад в отечественную и мировую мысль, что вообще вряд ли требует доказательства, это — сама по себе *новая мысль*, соответствующая, если хотите, и открытой ЦОНОм *новой размыслительной эпохе*.

Ученый контекст все еще пытается обойтись без собственно цоновской мысли, или, лучше сказать, мысли цоновского образца, упорно пробавляясь либо уже устаревшей мыслью, мало что дающей пытливому сознанию, либо поигрывая — то радостно, то уныло — в ультра-де-новую ... э-э компьютеризованную не мысль уже вовсе, а... попросту в технологическую, модельную, оцифренную информацию.

Парадокс здесь даже не в том, что цоновская мысль не принимается ученым контекстом, а в том, что она даже им не понимается, а потому и как бы спасительно для него охотно им игнорируется. Этакая тут игра в вынужденные прятки: закрыть глаза и... спасен!

А у ЦОНа ведь не так вклад во что-то, как *свой самовольный клад*, он же кладезь, причем клад открытый, мало того — живой, работающий, обогащающийся и обогащающий, не так признанный официально, хотя это и есть, как признаваемый самой вселенской реальностью: что, скажите, уважаемые коллеги, в выказанном ЦОНОм не корреспондентно реальности, причем не столько даже внешней феноменальной, что понятно, сколько внутренней смысловой?

ЦОН — *спаситель мысли, сознания, человека!*

Он противостоит демыслефикации, десознаниезации и дегуманизации (расчеловечиванию), — и это опять же не красивые слова, это — *факт!*

О вкладе Центра в отечественную и мировую мысль мы уже достаточно говорили на конференции, а сейчас мы обратим внимание на само это *явление*, называемое ЦОНОм, которое при любом раскладе должно рассматриваться не иначе как в терминах чего-то явно несусветного!

Центр — *чудо!*

Да, были и есть реальные работники Центра, его сотрудники, включая и самого руководителя Центра; да, Центру удалось привлечь к себе и своей деятельности замечательных ученых-соратников; да, ЦОНу уделяли и уделяют внимание многие выдающиеся персонажи текущего исторического времени — мыслители, общественные и государственные деятели, деловые люди, публицисты; да, ЦОН — дискуссионная площадка, коллективная фабрика мысли, живой источник актуального знания; да, Центр проводит научные форумы, публикует статьи и монографии, издает толстый журнал ВАКовского статуса.

Все это вроде бы на виду, в бегущей перед глазами реальности, во вполне заметном непрерывном исполнении. И, однако... *чудо!*

Причем все тут чудо — и работа, и итоги, и сам ЦОН!

И дело здесь не только в проделанном и сделанном, не только в объеме и качестве содеянного, а и в том, что Центр просуществовал свою четверть века, в общем-то... вопреки — причем вопреки очень многому: от институционального неприятия Центра до непонимания его концептуальных заходов и наработок; от функционального к ЦОНу равнодушия до порывов ликвидационного сладострастия; от финансово-материальных лишений до прочного замалчивания самого факта Центра, не то что его незаурядного творчества.

Четверть века вовсе не одних позитивных деяний, но и мужественного стояния с круговым сопротивлением, стоическим терпением, с поведенческой гибкостью, неустанным маневрированием.

Центр ничего из «неулыбчивого» не избежал, хотя, как видите, уцелел, пройдя четвертьвековой трудо-творческий путь, вполне и тер-

нистый, вполне и звездный, сам себе усыпая путь благоухающими розами: персоналиями, форумами, публикациями, а главное — идеями, открытиями, откровениями, когнитивными всплесками и концептуальными выплесками.

Чудо, о котором я говорю — вовсе не праздничная метафора, а самый настоящий, хотя и необыкновенный, *факт!*

Однако, чудо чудом, а реальное деяние — реальным деянием: Центр стался Центром не только вопреки, не только чему-то наперекор, но и *благодаря*, причем благодаря очень многому.

Благодаря прежде всего самоотверженному труду его бескорыстных старателей; благодаря поддержке, пусть и весьма сдержанной, по-своему даже и стоической, ректора МГУ академика В.А. Садовниченко; благодаря покровительству кое-каких верхов, среди которых прежде всего Государственная Дума и Совет Федерации, а также иные правительствующие организации и ведомства; благодаря сотрудничеству, дружбе и поддержке отечественных и зарубежных вузов, иных учреждений, как и взаимодействию с рядом подразделений МГУ (экономическим факультетом, прежде всего, Институтом повышения квалификации, факультетом государственного управления, в какой-то момент философским факультетом, с тем же издательством МГУ); благодаря позитивному участию общественных и деловых кругов, отдельных личностей — понимавших, симпатизировавших, приветствовавших.

Спасибо всем цоновским трудникам, помощникам и покровителям за благодатную поддержку, вполне реальную, но при этом... опять же... в чем-то и чудесную, почти что и нереальную, необъяснимую, трансцендентную!

ЦОН — уникальное, не имеющее прямого аналога в отечестве, в соседнем зарубежье, да, пожалуй, и в целом мире... э-э... учреждение, но это лишь по видимости учреждение, а на само-то деле... именно... *явление*, не попадающее ни под какую формальную классификацию.

Центр можно сравнить, не побоюсь этого дерзкого метафизического выпада, с *бриллиантом*, не только вольно, лучисто и изящно сверкающим своими многочисленными гранями, но и полнящимся неугасимым внутренним свечением, вполне и таинственным, чем-то вроде «граалевского», причем бриллиантом в одно и то же время покойно-притягательным, и как бы летящим — вроде кометы — излучающим вокруг себя свет — просвещающий и ... *обжигаящий!*

В моей итоговой книжке «Восхождение» есть главка, названная мною «Огненный прорыв». Название сие совершенно не случайно, оно вполне обдуманно, обосновано и даже по-своему вынуждено: ЦОН и в самом деле совершил *прорыв*, и прорыв этот на сам деле оказался *ог-*

ненным. В тексте все более или менее поясняется, а здесь я лишь хочу обратить внимание на тот факт, что Центр, обжигаясь и закаляясь, не только совершил сей прорыв, но и вышел на *стратегический простор*, как раз более всего и смущающий современный ученый истеблишмент с его неудержимым «эффективным менеджери́змом».

Я лично отвечаю за ЦОН, мы и собрались здесь ради ЦОНа, который мой, который наш, который мне и всем нам искренне дорог, мало того — мы хорошо знаем, что такое Центр, что он совершил и совершает, чем он воистину является.

Центр — истинная *слава МГУ*, известнейший в стране и за рубежом МГУ-шный *бренд*, эффективнейшее научное учреждение, обильный источник живой мысли, да и вообще несравненный *очаг жизни!*

Центр общественных наук — *непременное национальное достояние*, и его возможное устранение — удар не по одной науке и образованию, а и по *национальным основаниям и интересам России!*

Четверть века бытия и творческого процветания ЦОНа завершились: ЦОН посеял зерно, из которого выросло большое ветвистое дерево, на котором не только хватает разных плодов, но которое — само по себе — довольно уже укоренено в культурной почве России, — и его уже не свалить никому, как не удалось свалить тех же Булгакова, Бердяева, Флоренского, Ильина и любого другого, кому-то в какой-то момент неугодных, разве лишь пелену накинуть, да и то на срок.

Сотворенное ЦОНОм работает и будет работать, ибо в этом сотворенном ничего ложного, кофньюнктурного, дяляческого. Может, есть и заблуждения, но все-таки будящие мысль, а не вводящие в интеллектуальный блуд.

ЦОН ныне — не только не просто учреждение, но даже и не просто явление, — это *знание-размыслительный ковчег*, — не исключено, что и спасительный, — искристо плывущий в идейно-духовном мироздании, подлежа восприятию, критике и даже хуле, но никак не забвению!

**Заключительное слово на торжественном
собрании ученой общественности
(4 декабря 2015)**

Уважаемые коллеги!

Дорогие друзья!

Центр общественных наук состоялся!

Он из первых в стране доказал, что маленькое государственное учреждение, наделенное всего лишь потребными для дела правами и

драгоценной возможностью свободно работать и творить, способно совершать самые настоящие чудеса. Разумеется, учреждение, оснащенное судьбоносно благим народцем: работниками, или, как я их называю — трудниками; сторонниками и соратниками; доброжелателями и благотворителями; поклонниками и друзьями. Мужчинами и женщинами. Умудренными мыслителями и молодыми искателями истины. Соотечественниками и зарубежниками.

Совершать вместе трудо-творческие чудеса, но непременно со сказочным Центром в центре деятельного сообщества. Вершить, как оказалось, невозможное, мало того — просто так и необъяснимое!

Сегодня у нас всех праздник — 25-летний юбилей ЦОНа, что то же самое — выход на 25-ю ступеньку лестницы, ведущей вверх, в высшее размыслительное беспределье.

Мы хорошо ощущаем сей факт и замечательно его для себя отмечаем.

Прошла содержательная конференция; состоялось заседание Академии философии хозяйства, возымела место актуальная панельная дискуссия; завершается и наше торжественное юбилейное собрание.

Сейчас мне остается лишь выразить сердечную признательность всем участникам юбилейного действия; всем, кто с упоением ораторствовал и благовествовал; всем, кто упоительно слушал, слышал и внимал; всем, кто сейчас присутствует в этой аудитории.

Закрывая собрание, позвольте пригласить всех вас поучаствовать в товарищеском вечере, чтобы еще лучше прочувствовать наш праздник, непринужденно друг с другом пообщаться и еще раз доказать себе и всему миру, что цоновское ученое братство вовсе не пустой звук, а вполне достоверный исторический факт!

Post scriptum

Не все, как уже было отмечено, что содержат вышеприведенные тексты, удалось сказать на конференции и собрании — напряженка, спешка, нехватка времени, волнение — мало ли что еще помешало высказаться по полной. Однако предначертанное так или иначе влияло на реально в аудиториях явленное — так пусть оно продолжит свое влияние и после совершенного 2 — 4 декабря действия. «Послешествие» смыкается здесь с предшествием, продолжая сложный размыслительный процесс, его весомо обогащая, а может, открывая и кое-что неожиданное.

С.С. МЕРЗЛЯКОВ

Клиповое сознание — это не плохо?*
Клиповое сознание — это хорошо?

Аннотация. Представлена рецензия на книгу Ф.И. Гиренка «Клиповое сознание» (М., 2016).

Ключевые слова: философия, антропология, сознание, клип, воображение.

Abstract. The article presents the review of F.I. Girenok's book «Clipping consciousness» (M., 2016).

Keywords: philosophy, anthropology, consciousness, clip, imagination.

Книга Ф.И. Гиренка «Клиповое сознание» посвящена исследованию актуального феномена современной информационной культуры — клипового мышления. В работе анализируются причины появления этого типа мышления, его связь с понятийным мышлением, а также следствия его наличия. Предлагается философско-антропологический анализ носителя клипового сознания, описываются его характерные черты, исследуется способ его взаимодействия с окружающим миром. В книге рассматриваются варианты актуализации клипового сознания на примерах из современной жизни: политики, философии, искусства и образования.

Отцы и дети

За кафедрой стоит академик — он выступает перед аудиторией. Академик говорит долго и пространно, т. е. так, как он привык. Его слушают профессора, доктора наук и даже некоторые кандидаты. Многие из них — его ученики. Он будет говорить почти полтора часа, и все это время на него будут направлены преданные взгляды состоявшихся ученых. И только студенты и молодые кандидаты наук уже через пять минут после начала речи достанут планшеты и телефоны и начнут листать страницы социальных сетей, пробегать глазами по-

* Рецензия на кн.: *Гиренко Ф.И.* Клиповое сознание. — М.: Проспект, 2016. — 256 с.

следние новости, вместо того, чтобы внимать словам маститого академика. У этих студентов клиповое сознание, которое не позволяет своим носителям целых полтора часа удерживать внимание на том, что ему не интересно.

Академик, который привык говорить долго и пространно, не сказал за первые пять минут своей медленно текущей речи ничего важного. Видимо, он только готовил аудиторию к последующим откровениям. Но клиповое сознание уже переключилось на более интересные занятия. Клиповое сознание уже успело усвоить эту игру: если ты можешь говорить пятнадцать минут ни о чем, то тебе дадут диплом и назовут специалистом. Можешь говорить полчаса — уже претендуешь на то, чтобы быть кандидатом наук. Час — почти профессор. Ну а полтора часа — сразу видно академика. Эта игра не устраивает носителя клипового сознания — он играет совсем в другие игры. Если ты не смог в течение пяти минут заинтересовать, то ты не в состоянии сказать ничего стоящего и тебя слушать не будут. И никаких преданных взглядов. Даже в сторону академиков. Нужен смысл, а не языковой поток. И желательно, чтобы долго этого смысла ждать не пришлось: думать нужно быстро, а говорить — мало.

Ф.И. Гиренок пишет о войне между поколениями в школе. Учителя вдруг обнаружили, что их ученики не хотят читать толстые книги и слушать длинные речи. В чем тут дело? В том, что у учеников плохо развито понятийное мышление. В этом виноват Интернет и экранная, т. е. образная, культура в целом, которая ответственна за то, что школьники привыкли к быстрой выжимке информации из разных источников. Это плохо? Нет, это не плохо. Просто учителям нужно говорить мало и сразу о важном, а не растягивать языковую игру на час. Поэтому Гиренок советует давать лектору не 90 минут, а 10 для изложения мысли, если она есть. Все остальное время должно уходить на обсуждение проблемы.

Клиповое сознание ждет от лектора умения упаковывать мысль в образ, а лектор привык прикрывать отсутствие мысли языком — и в этом проблема. Старая проблема отцов и детей означает сегодня столкновение двух реальностей: нарождающейся экранной и отмирающей книжной. Школа пытается навязать ученику мышление линейное, т. е. текстовое и медленное, а настоящее и будущее требуют от него мышления клипового, т. е. образного и быстрого.

Сознание

Советский шахматист Михаил Таль вспоминал одну из своих игр. В какой-то момент на доске возникла сложная позиция. Таль доб-

росовестно пытался просчитать возможные ходы, но понял, что у него не получается — в его голове возникает хаотичное нагромождение различных ходов. Он запутался. Тогда ему в голову пришел детский стишок Чуковского: «Ох, нелегкая это работа - из болота тащить бегемота». И в то время, когда зрители были уверены, что Таль раздумывает над ходом, он пытался найти способ вытащить этого самого воображаемого бегемота из воображаемого болота. Он испробовал домкраты и рычаги. Там был даже вертолет с веревочной лестницей. Не получилось у Таля вытащить бегемота. Он разозлился на бегемота и сделал ход конем. Партию Михаил Таль выиграл, а на следующий день с удовольствием прочитал в газете о том, что после тщательного и продолжительного обдумывания Михаил Таль сделал гениальный и тонко рассчитанный ход конем.

Этот пример говорит о том, что для игры в шахматы сознание не особо нужно. В сознании были бегемот и веревочная лестница, а ход все равно вышел гениальным. Сознание не работает с комбинаторикой. Комбинаторика — это интеллект. С комбинаторикой справятся инстинкт и бессознательное. Поэтому Гиренок пишет: «Интеллект нужен Каспарову, когда он играет в шахматы с компьютером, интеллект нужен математику. Интеллект нужен обезьяне, когда она пытается сорвать банан, но ни в одном из этих случаев не нужно сознание» (С. 35). Интеллект — это модели поведения: врожденные и приобретенные. Там, где есть модели поведения, сознание не нужно.

Сознание не связано и с языком. Говорить — не значит мыслить. Если кто-то говорит 90 минут, это не значит, что он хотя бы одну минуту за это время мыслил. Разговор — это навык. Можно научиться говорить по-умному и больше никогда в жизни не думать. Это значит, что у языка и сознания разные истории.

Сознание работает с образом, откликается эмоцией на воображаемое. Поэтому «человек — это художник, история которого началась со времен наскальной живописи». Сознание появляется там, где есть реакция в отсутствии внешнего раздражения. Человек может лежать на диване с закрытыми глазами и улыбаться или, наоборот, хмурить брови — он строит воображаемые замки и реагирует эмоцией на эти постройки. Обезьяна мечтать не может.

Клипное сознание

Ф.И. Гиренок смотрит Бергмана. А мы смотрим Нолана. Но мы смотрим Нолана не так, как Гиренок смотрит Бергмана. Мы Нолана часто пересматриваем, но пересматриваем отдельные моменты, которые нам больше всего понравились, и перематываем скучные разгово-

ры. Мы так привыкли. Другие фильмы мы смотрим на экране компьютера также — у нас всегда есть возможность перемотать фильм до интересного момента. В кинотеатре у нас часто появляется чувство дискомфорта, потому что хочется быстрее перемотать скучные сцены и добраться до интересной, как мы привыкли. У нас есть любимые фильмы, точнее моменты, и мы пересматриваем только их.

Маленькой девочке читают сказку «Красная шапочка». Но она останавливает чтение и просит сразу рассказать ей, чем закончилось дело. Зато финальную сцену с охотниками она готова слушать несколько раз подряд, потому что она самая интересная и непонятная в сказке: как так получилось, что бабушка и внучка появились целыми и невредимыми из живота волка? Это же самое важное. Это непонятно и поэтому интересно. У девочки клиповое сознание — ей не интересна какая-то там мораль из сказки, ее внимание привлекают алогичность и абсурд, т. е. что-то новое. Новое — вот что действительно притягивает внимание. А логика и морализующая сторона — это про понятийное мышление и язык. Поэтому «Сознание, которое извлекает логику из события, является понятийным. Сознание, извлекающее абсурдность события, является клиповым» (С. 13). Ф.И. Гиренок считает, что это различие позволяет по-новому взглянуть на сознание.

Клиповое сознание слушает лекции так же, как смотрит фильмы, т. е. разбивает лекцию на клипы — на интересные и неинтересные сцены. Понятийному мышлению лектора такой подход не всегда нравится. Когда речь идет о Гуссерле, то носители клипового сознания сидят, опустив головы вниз, и кликают по экрану компьютера, переключая с одной новости на другую в ленте новостей социальной сети. Но когда речь заходит о Ницше, то на какое-то время взгляд от телефона переводится в сторону кафедры. Ницше интереснее Гуссерля, поэтому клиповое сознание поднимает голову. Разговор о Ницше заканчивается — головы опускаются, потому что дальше опять начинается что-то скучное и долгое.

Современное сознание хочет успеть все и сразу: одновременно оно просматривает ленту новостей в социальной сети, общается с друзьями и слушает лекцию о Ницше. Для того, чтобы все успевать, сознание нуждается в образе, потому что именно в образе возможно мгновенное схватывание сути происходящего. Нашему сознанию нужна наглядность для поддержания той скорости, к которой оно привыкло. Это не значит, что клиповое сознание, в отличие от понятийного, не мыслит. Мыслит. Просто оно является скорее режиссером мысли, а не ее рассказчиком: «Клиповое сознание нас спрашивает: вы хотите думать? Пожалуйста, думайте, но думать — значит быстро думать. Вы хотите понимать? Ради бога. Но понимать — значит быстро понимать,

а не танцевать герменевтические церемониальные танцы. Все, что мешает быстро думать и быстро принимать решение, должно быть оставлено без внимания. Клиповое сознание — это монтаж. Оно не обобщает, а выдумывает» (С. 17).

Клиповому сознанию мешает быстро думать линейность понятийного мышления, для которого характерен строгий порядок языковой коммуникации. Поэтому мы стараемся свести присутствие языка к минимуму — для нас комфортно существование в пространстве коротких и информативных постов в социальной сети. Суть отношений клипового сознания с языком уловил Ницше. А в России — В.В. Розанов, который записывал свои мысли на отдельных листочках, а потом собирал их вместе и издавал. Получалась книга, состоящая из отдельных фантазмов. Не линейный текст, а скорее, шелест бытия, в котором звучит множество смыслов. То же самое делаем мы сегодня на своих страницах в социальных сетях. Поэтому языковой минимализм Гиренок называет первым признаком клипового сознания. Вторым признаком клипового сознания он называет обращение не к опыту, а к воображению.

Как работает эта книга

В книге приводятся примеры клипов в философии, науке, искусстве и образовании. Ф.И. Гиренок на примерах демонстрирует, как функционирует клиповое сознание в различных пространствах современной реальности. Структура книги напрямую отсылает к клиповому сознанию читателя. Интересно ли мне читать о клипах в политике? Например, о том, почему Гиренок антиглобалист? Пожалуй, мне интереснее прочитать о том, почему интеллектуалом быть неприлично или почему Гиренок все-таки не с Кантом. А кому-то будет интересно, как работают клипы в искусстве или прочитать о политическом аутизме. Взгляд читателя пробегает по содержанию и выхватывает то, что интересно именно его. Думаю, что именно так и задумано. Так работает эта книга.

Книга Ф.И. Гиренка «Клиповое сознание» будет полезна тем, кто интересуется современными исследованиями сознания в контексте его изменения под действием информационных технологий и доминирования экранной культуры.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

Кончина И.В. Бестужева-Лады

Ушел из жизни выдающийся мыслитель и гражданин *Игорь Васильевич Бестужев-Лада*, активный член научного сообщества, объединяемого Центром общественных наук, действительный член Академии философии хозяйства. Ученый, энциклопедист, мудрец. Великолепный социолог, историк и прогнозист, проникавший в самую суть происходящих с человеком и обществом процессов, включая, увы, и апокалиптические. Игорь Васильевич выделял Центр общественных наук вместе с его сторонниками в качестве уникального очага реалистичной концептуальной мысли, способной отстоять и обеспечить возрождение истинно гуманитарного подхода к человеку, обществу, жизни, честно и мужественно предупреждая об опасности глобальной технизации человеческого бытия.

Светлая память И.В. Бестужеву-Ладе!

Урак Алиев и его неповторимая семидесятка

Вот и вечно молодой — быстрый и животворный — Урак Алиев разменивает семидесятку — насыщенную, выстраданную, славную!

Кто в Казахстане и России не знает профессора Алиева — постигающего, знающего, стремящегося!

Все знают профессора Алиева, вся экономическая и не только экономическая, международная рать: работного, корректного, пронизательного!

Да — ученый, да — конструктор, да — гражданин!

Ну и непоседа тоже, путешественник, хотя и домосед, и семьянин, и очаговец. Ровен, немногословен, терпим и терпелив, хоть и не мягкотел — на своем ведь стоит, опять же прост и надежен — не подведет — сам продержится и другого выручит. Стоек! Но вовсе не как доллар, не как рубль или тенге, а как... э-э... золото!

По призывной молодости своей — еще в СССР — служил в армии — танкистом. Да мало что служил, а танк Т-34 всем умом своим освоил, распознал, ну и всем сердцем полюбил, да так к танку привязался, к этой сказочной машине, что и по жизни Урак идет, — нет, конечно, не как танк, даже не как танкист, хоть и это немного есть — упрямец ведь, своего курса упорно держится, а как... э-э... подвижник совершенства!

Ученый, но какой? — да-да, ясноопределятельный систематизатор, чтоб картина ученая была не более и не менее как ренессансным шедевром, а не каким-нибудь постмодерном, новой мазней; конструктор, но какой? — да-да, чтоб университет астанинский как часы работал, а академия... не как часы, конечно, но зато как живой организм, еще и вовсю живительный, вдохновляющий; гражданин, но какой? — да-да, тот самый, который Родину свою любит, но и другим сторонам не чужой. — хочется ему, чтоб все были вместе — и не ради пресловутой взаимной пользы, а ради плодотворной взаимной мысли, — что может быть выше, ценнее и благороднее?!

Профессор Алиев — эрудит, но он не всеяден — ищет неустанно свое, ему приемлемое, и для всех непременно ценное. Разные цветы цветут в ученом алиевском саду, он их охотно сажает, ухаживает за ними, любит ими и, когда надо, сортирует, выискивая из них наилучшие.

В общем — садовник наш Урак Алиев, селекционер, но не бесстрастный вовсе нано-генетик, а — товарищ: наук, мысли, образованию, ну и нам тоже — его коллегам и друзьям, которые ценят, признают, восхищаются, как и радуются вместе с «УА — 70» (не путать с танком Т-34!) — вершина-то жизненная взята!

Ю.М. Осипов

4 декабря 2015 г. **Николай Борисович Шулевский** за выдающийся вклад в гуманитарную мысль и философию хозяйства награжден серебряной медалью С.Н. Булгакова.

4 декабря 2015 г. **Алойзы Новак** за большой вклад в мировую экономическую науку и эффективную реализацию российско-польских научно-культурных отношений награжден медалью С.Н. Булгакова.

4 декабря 2015 г. **Кирилл Александрович Зимарин** за большую бескорыстную поддержку Московского университета и Центра общественных наук, за высокие личные достижения в экономической науке и практике награжден медалью С.Н. Булгакова.

4 декабря 2015 г. **Елена Серафимовна Зотова** за беспримерный вклад в организационно-издательскую деятельность Центра общественных наук и личные достижения в области гуманитарного знания награждена медалью С.Н. Булгакова.

За многолетнее плодотворное сотрудничество с Центром общественных наук и личный вклад в гуманитарное знание почетных грамот имени С.Н. Булгакова удостоены: **Дробышевская Лариса Николаевна, Кашицын Виктор Валентинович, Ковалев Сергей Георгиевич, Пономаренко Евгений Георгиевич, Пшеницын Иван Викторович, Разбаев Дмитрий Владимирович, Сизов Владимир Сергеевич, Синяков Сергей Васильевич, Субботин Евгений Андреевич.**

И.П. СМЕРНОВ

К 25-летию Центра общественных наук при МГУ*

Центр общественных наук (ЦОН), созданный согласно Распоряжению Совета Министров СССР от 26 июля 1990 г. № 1207 как научно-исследовательский институт при МГУ им. М.В. Ломоносова, является многопрофильным научным учреждением, располагающим небольшим штатом и ведущим научно-исследовательскую деятельность, привлекая специалистов из разных обществоведческих и гума-

* Редакция «Ежегодника МГУ» обратилась к нашему подразделению с просьбой предоставить для готовящегося тома за 2015 г. краткую юбилейную статью, посвященную 25-летию Центра общественных наук.

нитарных дисциплин. Сосредоточение внимания Центра общественных наук на вопросах философии хозяйства, теоретической экономики, истории мысли, определило интерес к междисциплинарным исследованиям в философской и экономической, а также исторической, социологической, литературоведческой, культурологической, цивилизационной областях. С самого начала ЦОН поставил своей главной задачей концентрировать усилия ученых на разработке фундаментальных проблем, отражающих радикальные перемены, переживаемые планетарным миром и Россией, а также самой наукой. Это определяет ориентацию на проведение авторитетных научных форумов — от крупных международных конференций до заседаний круглого стола, на свободное дискуссионное общение ученых, на подготовку содержательных личных и коллективных публикаций, научно-исследовательских экспертных докладов.

По инициативе и под эгидой Центра возникло и действует с 1997 г. Философско-экономическое ученое собрание, в составе которого более 400 ученых России и зарубежья, а с 1999 г. выходит журнал «Философия хозяйства», пользующийся растущей популярностью и включенный в перечень ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендуемых сразу по трем специальностям ВАК. На страницах издания выступают сотни ученых, экспертов и публицистов, представляющих разные науки и течения, научные школы и учреждения, разные страны. Среди авторов журнала поистине выдающиеся мыслители современности. Более 100 журнальных номеров, подготовленных Центром общественных наук, — богатейший клад мысли, настоящая гуманитарно-мировоззренческая энциклопедия, живой фонд современной философии хозяйства.

Крупное направление в деятельности ЦОН — теоретико-экономическое — ознаменовано серьезными трудами, из которых следует отметить серию коллективных монографий из 16 томов под общим названием сначала «Экономическая теория на пороге XXI века», а потом «Экономическая теория в XXI веке» (издается с 1996 г. по настоящее время, объемными томами). Если первые два тома серии были посвящены проблеме поиска новых парадигмальных решений в экономике, то каждый из последующих томов стал носить тематический характер, что позволило с разных сторон и в единении с изменяющейся реальностью рассматривать актуальную проблематику современной теоретической экономики: «Экономическая цивилизация и научная экономия» (2000); «Философия хозяйства. Теоретическая экономия» (2002); «Глобальная экономика» (2003); «Экономика Постмодерна» (2003); «Национальное и глобальное в экономике» (2004); «Проблемы пореформенной экономики» (2005); «Институты экономики» (2006); «Национальная экономика и социум» (2007); «Деньги»

(2007); «Инновационная экономика» (2008); «Экономика модернизации» (2011). Серия — уникальный и несомненно выдающийся вклад в фундаментальную экономическую науку, не только выявивший новейшие тенденции в реальной экономической жизни, но и отразивший взгляды широкого круга российских и зарубежных ученых.

Обращаясь к отечественной философской, экономической, исторической мысли, к истории русской литературы, ЦОН проводит соответствующие дискуссионные мероприятия и издает печатные труды. За прошедшее время проведены десятки семинаров, симпозиумов и конференций, осуществлены многочисленные публикации, касающиеся творчества С.Н. Булгакова, К. Маркса, В.И. Ленина, А.С. Пушкина, В.П. Шкредова, Ф.М. Достоевского, А.А. Зиновьева, И.В. Сталина, Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, Л.А. Тихомирова, И.А. Бунина, Л.Н. Толстого, И.Т. Посошкова, Н.В. Гоголя, Ф.И. Тютчева, А.А. Блока, М.А. Булгакова, Н.А. Бердяева, М.В. Ломоносова. При поддержке РГНФ была подготовлена и выпущена в свет серия книг под общим названием «Российская экономическая мысль» (при участии М.Г. Покидченко и Е.Н. Калмычковой), в рамках которой опубликованы труды И.К. Бабста, В.П. Безобразова, В.В. Святловского, М.И. Туган-Барановского, С.И. Солнцева, А.Д. Билимовича, В.Я. Железнова, И.Т. Посошкова, И.М. Кулишера, И.И. Янжула. С 2002 г. под редакцией И.П. Смирнова издается междисциплинарный альманах «История мысли. Русская мыслительная традиция».

Актуальной социоэкономической и политологической проблематике посвящена подготовленная и изданная Центром серия коллективных монографий по итогам большого цикла научных конференций, проведенных совместно с Волгоградским университетом: «Развитие капитализма в России — сто лет спустя» (1999), «Россия в актуальном времени-пространстве» (2000), «Актуальная Россия», в 2-х т. (2001), «От Сциллы к Харибде. Актуальный опыт России», в 2-х тт. (2002), «Неумная Россия», в 2-х т. (2003), «Россия державная», в 2-х т. (2006), «Постмодерновый мир и Россия» (2004), «Россия перед лицом глобализации» (2004), «Имперские предчувствия России» (2005), «Постмодерновые реалии России» (2007), «Россия как цивилизация денег» (2008), «Национальная элита — судьба России» (2009), «Перестроение России», в 2-х т. (2010).

Идея этой серии получила развитие в выросшей из нее серии книг, издаваемых основанной в 2010 г. Академией философии хозяйства: «Ренессанс философии хозяйства» (2011), «XXI век: интеллект-революция» (2012), «София. Сто лет русской философии хозяйства» (2012), «Российская хозяйственная мысль. Свообразие, история, перспективы» (2013), «Евразийская интеграция» (2014).

За двадцатипятилетнее существование Центр обрел свое творческое и деловое лицо, овладел навыками эффективной работы, обзавелся партнерами, соратниками и друзьями. Он превратился в авторитетный и уникальный центр науки и просвещения, широко известный в России и за ее пределами. ЦОН поддерживает деловые и творческие отношения с Федеральным Собранием Российской Федерации, в особенности с Советом Федерации, при поддержке которого проводит с 2004 г. Малые университетские форумы (всего проведено шесть форумов, последний в 2013 г.). Концептуальные результаты форумов обобщаются и доводятся до высшего руководства страны. ЦОН имеет действующие региональные представительства в Ростове-на-Дону, Волжском, Краснодаре, Кирове, Иванове, Екатеринбурге, Астане (Казахстан). При представительствах открыты учебно-научные библиотеки, фонды которых регулярно пополняются актуальной литературой, издаваемой ЦОНОм. Подразделение активно сотрудничает с Украинским философско-экономическим научным товариществом, созданным в 2009 г. по примеру Философско-экономического ученого собрания ЦОН МГУ, с экономическим факультетом Варшавского университета, со Свято-Сергиевским православным богословским институтом в Париже.

Главным итогом творческой деятельности ЦОН является складывание оригинальной научной школы — философии хозяйства. Школа пользуется заслуженной известностью в стране и за рубежом, она признана научной общественностью, ее авторитет нарастает. С ее созданием произошло возрождение в Московском университете важного направления фундаментального знания, возникшего в 1912 г. усилиями профессора университета С.Н. Булгакова. Философия хозяйства осмысливает бытие через призму деятельности человека, направленной на преобразование мира, и представляет собой самостоятельный, новый ответ на ту же, по-своему осмысленную век назад, потребность преодолеть ограниченность теоретической экономии и выйти на просторы широких и глубоких переосмыслений не только хозяйства, но и человека. В 2008 г. вышла в свет двухтомная «Антология современной философии хозяйства», подытожившая и зафиксировавшая важный этап в развитии этого направления. Научная школа философии хозяйства включена в государственный реестр научных школ РФ. Ее основателем и бессменным руководителем является директор ЦОН профессор Юрий Михайлович Осипов.

* * *

2—4 декабря 2015 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась Международная научная конференция, посвященная 25-летию Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова «Российская обществоведческая и философско-хозяйственная мысль сегодня: итоги, проблемы, перспективы». На конференции выступили 80 докладчиков — доктора наук А.А. Аузан, Ю.М. Осипов, Л.Ю. Андреева (Ростов н/Д), А.Ю. Архипов (Ростов н/Д), С.В. Бирюков (Кемерово), И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), А.В. Бузгалин, Д.В. Гарбузов (Волжский), Ф.И. Гиренок, С.Ю. Глазьев, К.И. Голубев (Минск, Белоруссия), М.М. Гузев (Волжский), С.А. Дятлов (СПб.), С.Г. Кара-Мурза, С.Г. Ковалев (СПб.), А.И. Колганов, В.М. Кульков, В.А. Кутырёв (Н. Новгород), К.В. Молчанов, Р.М. Нижегородцев, А.А. Олейников, Д.Н. Платонов, М.Г. Покидченко, А.А. Пороховский, И.В. Пшеницын, С.П. Рамазанов (Волжский), Л.И. Ростовцева (Тула), М.А. Румянцев (СПб.), В.Т. Рязанов (СПб.), С.В. Синяков (Киев, Украина), С.С. Слепаков (Пятигорск), А.И. Субетто (СПб.), Л.А. Тутов, Н.И. Усик (СПб.), И.Ю. Фомичев (Тюмень), К.А. Хубиев, Г.Н. Цаголов, Н.А. Шапиро (СПб.), Н.Б. Шулевский, А.К. Шуркалин, Ю.В. Яковец; кандидаты наук А.И. Александрова (СПб.) О.В. Андреева (Ростов н/Д), А.М. Белянова, А.Г. Геворкян, М.Н. Глазунов, О.В. Доброчеев, Е.С. Зотова, В.В. Кашицын (Новороссийск), Е.В. Косов, С.С. Нипа, М.Ю. Павлов, В.К. Петров, А.А. Погребняк (СПб.), Т.И. Пороховская, И.П. Смирнов, А.А. Соболевская, В.Р. Соколовский (Дуйсбург, Германия), В.А. Ушанков (СПб.), Г.В. Фадейчева (Владимир), Е.Х. Хабибуллина, Т.Ю. Яковец; научные сотрудники, А.А. Антропов, С.С. Мерзляков, Т.С. Сухина; аспиранты Н.Ш. Катамадзе, Л.К. Чулков (Йошкар-Ола), Н.В. Шаповалова; преподаватель И.А. Горюнов, предприниматели Т.В. Воеводина, С.В. Юферов; соискатель И.И. Рудяк; экономический обозреватель газеты «Правда» В.И. Дектерёв; независимый исследователь В.А. Васильев (пс-м) (СПб.).

В панельной дискуссии «Россия и мировой контекст: противоречия, перемены, исходы» приняли участие доктор наук К.А. Зимарин, А. Новак (Варшава, Польша), В.Т. Рязанов (СПб.), к.э.н. А.Н. Клепач, член Общественной палаты, политолог С.А. Марков, директор Фонда экономических исследований М.Л. Хазин.

2 декабря состоялось очередное ежегодное общее собрание Академии философии хозяйства, на котором была рассмотрена деятельность Академии за 2015 г. и представлены перспективы работы на 2016 г.

Е.С. ЗОТОВА

О российской обществоведческой и философско-хозяйственной мысли сегодня

Аннотация. Предлагается обзор пленарного заседания международной научной конференции, посвященной 25-летию Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова, «Российская обществоведческая и философско-хозяйственная мысль сегодня: итоги, проблемы, перспективы».

Ключевые слова: философско-хозяйственная мысль, философия хозяйства, экономическая наука, Центр общественных наук, Ю.М. Осипов.

Abstract. The article presents a review of plenary meeting of the international scientific conference devoted to the 25 anniversary of the Center of Social Sciences at Lomonosov Moscow State University «The Russiansocial studies and philosophical and economic thought today: results, problems, prospects».

Keywords: philosophical and economic thought, philosophy of economy, economic science, Center of Social Sciences, Yu.M. Osipov.

В декабре 2015 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась Международная научная конференция, посвященная 25-летию Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова «Российская обществоведческая и философско-хозяйственная мысль сегодня: итоги, проблемы, перспективы».

Проблематику конференции организаторы — Центр общественных наук, лаборатория философии хозяйства экономического факультета МГУ, Академия философии хозяйства и Философско-экономическое ученой собрание — определили следующим образом:

«Современность творит мысль, но мало обращает внимание на ее текущую характеристику и временную оценку. А это не совсем правильно, если вообще неправильно: современная мысль делает много ценного, развивая предшествующую мысль, ее корректируя, предлагая и новые решения, нередко основательно обновляющие ранее накопленное знание и начертанные предшественниками представления о реальности. Эпоха сменяется эпохой — соответственно изменяются алгоритмы реальности и отражающие их ментальные конструкты. Современность всегда творит что-то новое, не бывшее ранее, а кое-где и кое-когда и принципиально новое, просто не имевшее возможности осуществиться в прошлом.»

25-летие Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова — хороший повод для выверки именно современной мысли: обществоведческой, философской, экономической, а также, что особенно важно для юбиляра, родной ему философско-хозяйственной, как раз той самой мысли, в области которой Центру и объединенному им ученому сообществу удалось сделать действительно качественный скачок, ознаменовавшийся и рождением научной школы философии хозяйства.

Задача конференции — отдать должное современной отечественной мысли, подвести кое-какие итоги, высветить проблемы, наметить перспективы. Абсолютно нужная, актуальная и благородная задача!».

Приветствуя участников юбилейной конференции, декан экономического факультета д.э.н., профессор МГУ **А.А. Аузан** сказал следующее: «Во-первых, мне очень близка идея межнаучной кооперации, и я хочу изложить взгляд, который, может, считается неэтичным, но мне кажется, что познание в форме наук — оно сравнительно молодое, это постньютоновская форма познания. И оно нормально реализовывалось, пока разделение наук не произошло в серьезной степени — т. е. пока один человек — как наш Ломоносов, например, — мог работать в сфере разных наук. Но к концу XIX в. это стало практически невозможным. И стали происходить нелепые истории, когда та же наша родная экономическая теория исходила из психологических предпосылок дофрейдовских представлений о психологии в течение 100 лет, причем, допускаю, что психологи считали формулу Ж.-Б. Сэя и др. теоретиков о капитале и земле последним словом в экономической науке. Оказалось, что возможны столетние разрывы между науками, которые не устраняются, и не понятно, на каких предпосылках стоят наши конструкции. Я думаю, что мы живем в эпоху кризиса наук, и, видимо, будут рождаться новые формы познания, и то, что сейчас бесполезно жить в научной скорлупе — потому что это лодки, которые разбрасывает океан — для меня это очевидно. И когда вы соединяете здесь разные общественные — и не только общественные — науки, мне кажется, что это очень верно для того поиска, в котором находится научное сообщество.

Второй момент — мне кажется, что мы находимся в очень верной исторической традиции — и я понимаю Ю.М. Осипова и его коллег, которые стоят на позициях философии хозяйства, — это и показывает, что эта традиция в университете живет давно.

Я хочу напомнить, что С.Н. Булгаков, по-моему, в 1892 г. закончил юридический факультет, в 1895 г. защитил докторскую диссер-

тацию и при этом в 1906 г. у него была работа о ценностных основах политической экономии (в том же году он был избран во II Государственную Думу). Человек, который положил начало этой научной школе — школе философии хозяйства, это дитя Московского университета, бывший одновременно юристом, экономистом, религиозным мыслителем. И мне кажется, что поддержание этой традиции — это один из столпов, на котором может стоять новый поиск.

Ну, и, в-третьих — последнее, о чем я бы хотел сказать, — тот “длинный” взгляд, который вы исповедуете, мне кажется очень важным еще вот почему: я все время повторяю фразу, что люди для меня различаются не взглядами, а их длиной — потому что при длинном взгляде люди могут найти общие точки при разной парадигме в исходном рассуждении (при “коротком” взгляде получится схватка, которая может плохо кончиться). Поэтому — успехов вам и новых встреч на подобных форумах — мне кажется, что вы занимаетесь очень важным делом».

Открывая пленарное заседание, директор Центра общественных наук при МГУ, профессор **Ю.М. Осипов** заметил, что идут не годы — столетия, а ренессансный проект воплощается до сих пор. Совершенно разными поколениями. Кто запустил этот проект, почему разные поколения занимаются одним и тем же? Почему разные университеты не могут развернуться к истине и продолжают сидеть в своих заблуждениях? Я могу сейчас сказать, — подчеркнул Ю.М. Осипов, — что гуманитарная наука на 90% находится в заблуждении. А вот сознательно или нет — тут можно спорить. За 25 лет я уже «нахлебался» откликов типа «бред все это» на нашу деятельность. А зададимся вопросом: что это сейчас за хозяйство такое? Что это за производство благ в виде всеобщей смерти? Кто над этим задумывался? Страшно. Страх давно обуревает наше ученое сообщество. Кому нужны наши темы — империя, Сталин, а теперь вот апокалиптика?

Но если ты не принимаешь во внимание, что мир апокалиптичен, человек — существо апокалиптическое, — какой ты обществовед? Когда я начинаю рассуждать таким образом, я понимаю и Ленина, и Сталина, и Петра I — всем правят апокалиптика и попытка из нее вырваться. Каким способом? Апокалиптическим.

В терминах апокалиптики мне понятно современное положение, в том числе президента. Он, что ли, затевает войны? Ситуация требует таких решений. Вот мы и советуем: «Держаться... и вперед!». Между Центром общественных наук, а также проходящей у нас конференцией и происходящим сегодня в мире — и решениями, которые приходится принимать нашему верховному правителю, — заметил Ю.М. Осипов, — существует очень даже просматриваемая связь. Мы не такое ученое

сообщество, которое собирается ради того, чтобы поговорить, — нет. Мы находимся в некоем пересечении координат, в некоей точке размыслительного пространства, и в том числе бытия, где все сразу видно, где все фокусируется, волнуется, «колбасится»... В этой точке находиться не просто — гораздо проще обходиться лекциями про кривые спроса и предложения...

Так зачем это надо Центру общественных наук? Такая у нас судьба — читайте мою «юбилейную» книгу, сказал Осипов, про «тернистый поход за истиной». Вот я осмелился написать тут в виде эпиграфа: «Истина — то, что рядом, чего и вовсе нет...». И дальше — «Истина — страх Божий». Вот что такое истина. Те истины, которые знает наука, это вообще-то чепуха. Подумаешь — сопротивление материалов?.. А вот сопротивление... жизни, человека? Тут формулу не подставишь... И кто из вас собирается спасти человечество? И каким образом? — призвал начать рассмотрение поставленных перед конференцией проблем профессор Ю.М. Осипов.

В своем докладе «Экономическая теория как совокупность базовых теорий экономики» д.э.н., профессор **А.А. Пороховский** (экономический факультет МГУ) обратил внимание участников конференции на этапы возникновения, становления и развития экономической теории, основой и стержнем которой является политическая экономия. В МГУ имени М.В. Ломоносова политэкономия начала полноценно изучаться и преподаваться с 1804 г., когда была создана кафедра политэкономии. Можно сказать, что ученые МГУ уже более 210 лет стремятся использовать политэкономический подход для исследования экономического развития как России, так и мира. Поскольку промышленная, научно-техническая и информационная революции кардинальным образом изменяют производительные силы, характер труда, условия жизни людей и структуру экономики, постольку перед политэкономией возникают постоянно новые вызовы по развитию ее категорий, обоснованию экономических законов и прежде всего закона трудовой стоимости.

В современных условиях важность развития теории трудовой стоимости и применения закона стоимости особенно актуальна в связи с необычайным ростом значения «человеческого капитала» в обеспечении конкурентоспособности любой страны. Вместе с тем развитие политической экономии как науки не означает, что не могут существовать и другие части экономической теории. Экономика как объект анализа многогранна, поэтому в зависимости от предмета и под влиянием технологических укладов возникли и продолжают возникать другие части экономической теории — неоклассическая (экономикс), эволюционная, поведенческая, институциональная и новая институциональ-

ная, которые не занимают нишу политэкономии, а расширяют совокупность экономических и междисциплинарных теорий. Каждая часть общей экономической теории имеет и свой метод исследования, отличный от метода политэкономии. Важно понимать, что политэкономия как системная наука об экономике как системе остается ядром экономической теории, вокруг которого существуют и другие — несистемные части — экономической теории.

Современный экономический кризис особенно остро поставил проблему системного решения новых задач. И в этом деле надежным помощником выступает именно политическая экономия в ее современном звучании и классическом виде. На экономическом факультете МГУ политическая экономия преподается на всех уровнях — бакалаврском, магистерском, аспирантском, заключил А.А. Пороховский.

В ответ на выступление профессора Пороховского, ведущий пленарного заседания **Ю.М. Осипов** заметил, что он не против политэкономии, но реальность сейчас такова, что ее трудно «зацепить» на основе законов. Мы больше видим разгул беззакония, чем исполнение законов. Сейчас даже на месяц невозможно дать прогноз, не то что увидеть исполнение каких-либо законов. Никакие заведомые законы не исполняются, даже и автоматически, через те же «взаимовыгодные взаимодействия». Получается, что не предваряющий закон выполняется, а просто возникает некая итоговая ситуация, которую можно попытаться протрактовать как выполнение какого-то закона. Экономика сама решает, какой ей быть. И у нее нет никаких заранее обусловленных законов, которые она должна исполнить. Таков современный подход к пониманию экономики. Это не механический подход, а совсем другой, даже не диалектический. Такова сейчас реальность — и это надо иметь в виду. Нужно действительно новое понимание, которое бы помогло эту незаконную реальность хоть как-то представить. Мы-то учились вроде бы на законах, а в нынешней реальности все совсем по-другому. «Каким-таким законам подчиняется та же цена на нефть, хотел бы я знать?» — обратился к аудитории Ю.М. Осипов. И далее отметил, что «политический рынок» — очень хорошее выражение — это серьезная когнитивная подвижка.

Вот и выходит: политическая экономия — если сделать акцент на политическом, понимая его уже как произвол в хозяйстве, политическое давление хозяйственного субъекта — тогда-то и будет у нас воистину политической экономией. Очень продуктивная мысль! — подчеркнул Ю.М. Осипов.

Профессор **С.Г. Кара-Мурза** в своем докладе «О модели кризиса и задачах обществоведения» представил краткий обзор развития представлений в одном из сетевых коллективов исследователей о при-

чинах и структуре кризиса СССР и постсоветской России¹. В качестве актуального вывода С.Г. Кара-Мурза приводит неадекватность методологии основного направления обществоведения.

«России необходима *сборка* обществоведения как сообщества, стоящего на платформе научной рациональности. Только собранное сообщество может выработать, задать и поддерживать всю систему норм, регулирующих получение, проверку и движение научного и вообще рационального знания о предмете — *российской реальности*. Для этого требуется социальная организация, “полиция нравов” и дееспособная система санкций.

В условиях культурного и мировоззренческого кризиса эта сборка не может вестись на единой основе в рамках общей методологической парадигмы. Речь может идти вначале о формировании небольшого числа интеллектуальных кластеров, однако соединенных минимумом общих профессиональных норм, обеспечивающих возможность дискуссии и диалога», — подытожил С.Г. Кара-Мурза.

В своем докладе о сравнительном анализе школы философии хозяйства и постсоветской школы критического марксизма д.э.н., профессор **А.В. Бузгалин** (экономический факультет МГУ) отметил, что хотел бы поставить в центр размышлений то, что является авторским проектом профессора Осипова, ибо эта школа при всем многообразии ее участников и существенных различий их взглядов все-таки авторский проект Осипова. И в науке почти всегда так бывает. С марксизмом ситуация такая же — он крайне разнообразен. В своем выступлении А.В. Бузгалин рассмотрел одно из ответвлений марксизма, которое очень далеко ушло от Маркса. Современным марксизмом наполнен огромный багаж знаний, который в разы превосходит то, что написано в «Капитале» Маркса, отметил профессор Бузгалин. Это знание гораздо богаче, хотя практически никому сейчас не известно. Более того — очень мягкий, дружеский разговор с коллегами-профессорами выявляет, что они с трудом бы сдали сейчас экзамен по политэкономии капитализма. Многие из того, что мы читали как спецсеминар по «Капиталу», сегодня воспроизводим с трудом. Мы очень оглушаем марксизм, сказал докладчик.

Посмотрим на различия в предмете. Предмет философии хозяйства не определен. Он всегда принципиально трансцендентен. При этом он лежит на стыке философии, социальных проблем и собственно экономического процесса.

¹ Подробнее см.: с. 22—29.

С первым он противоположен тому, что изучает школа критического марксизма, со вторым он очень близок, так как современный марксизм, как и школа философии хозяйства, междисциплинарно изучает реальные общественные отношения, но, в одном случае, трансцендентально и трансцендентно, а в другом — пытаюсь найти объективные законы нашей общественной жизни. Кстати, ничего безумно непредсказуемого пока не произошло. Модель современного полупериферийного государственного-капиталистического строя полупериферийного типа мы с коллегами описали уже на рубеже 1989—1992 гг. в целом ряде текстов. Это было очень прогнозируемо. То, что набравший вес транснациональный капитал России решил «поиграть мускулами» и изменил политику, соответственно усилив ВПК, — это тоже стандартная модель полупериферийного государства с достаточно большой территорией и потенциалом. В этом есть позитив, потому что это некая альтернатива гегемонии «центра», но ничего неожиданного в этом нет. То, что нельзя предсказать цены на нефть, это теоретическая закономерность, прописанная в «Глобальном капитале»: она принципиально не предсказуема — она колеблется в зависимости от большого количества факторов, и это нормально для определенного типа рынков. Это закон.

Второе — метод. Соответственно для современного марксизма (как и для классического) принципиально важен метод диалектического восхождения от абстрактного к конкретному с анализом противоречий. Ну, и т. д.

В рамках философии хозяйства есть метод философствования, адекватный методологии Булгакова и других великих русских мыслителей — это метод, который, опять-таки, пересекается с предметом и неразделимо сплетенный с трансцендентально-трансцендентным бытием.

В строго сформулированном виде метод философии хозяйства мы не нашли, но он существует, и он красив. Здесь эстетический критерий превалирует над научным и корреспондирует в значительной степени с религиозным. То есть критерием истины и реальности являются некие религиозные постулаты и некие эстетические концепции, которые заданы в русле российского дискурса столетней давности (Булгаков).

И, в-третьих, основные положения и оценки. Посмотрим на экономику. Первое — рынок. Для школы философии хозяйства существуют тезисы, общие со школой критического марксизма. Обе негативно относятся к рыночному фундаментализму и критикуют его. При этом абсолютно неявно можно предположить, что рынок рассматривается как некий цивилизационный инвариант, который может и должен

быть подчинен специфике определенной цивилизации (русской православной, западной или еще какой-то) и получить либо частичное развитие, либо — как на Западе — доминирующее. При этом доминирующее — это плохо, а подчиненное государственному пониманию как единству народа, власти, территории, культуры и вождя — хорошо.

С точки зрения постсоветской школы критического марксизма рынок есть система производственных отношений, которая исторически возникает на определенном этапе, становится господствующей в разных странах — где в XVI, а где только в XXI в. (как в России), и имеет свой конец (как и свое начало). Порождает определенную систему отношений между людьми, определенный тип человека, определенную систему ценностей — и в этом смысле очень сильно изменяет любую цивилизацию. В этом смысле бизнесмен — что в России, что в США, что в Китае, что в Бангладеш — ведет себя одинаково, думает одинаково, поступает одинаково и прекрасно понимает своего партнера, даже если не знает языка — точно так же, как и профсоюзный лидер любой из этих стран понимает профлидера из другой страны гораздо лучше, чем, например, соотечественника-бизнесмена.

(Бизнесмен и школьный учитель из Китая говорят на разных языках, а школьные учителя из Китая, США и России говорят на одном языке — это проверялось не раз.)

Мы мыслим обычно некими культурными феноменами, изложенными в философских трактатах, а не социально-массовыми отношениями реальных людей. Это — рынок, деньги, которые для школы философии хозяйства — трансцендентальное зло, которое, однако, абсолютно неотвратимо, как и экономический механизм, с которым надо считаться. Опять-таки, для нас это система производственных отношений — прежде всего объективных, которые могут и должны быть ограничены в определенном процессе, которые претерпевают очень сильную историческую эволюцию и сегодня являются продуктом виртуального фиктивного финансового капитала, далеко уйдя от всеобщего эквивалента.

Четвертое: капитал и эксплуатация. Категория эксплуатации в философии хозяйства практически отсутствует, в работах по философии хозяйства я не нашел рассмотрения проблемы эксплуатации наемного работника, которым практически все мы тут являемся, со стороны частного и государственного капитала. Между тем, это совершенно реальная проблема, которая сегодня известна каждому из нас, подчеркнул А.В. Бузгалин.

В докладе профессора Международного университета в Москве, д.э.н. **Г.Н. Цаголова** «Куда идет Китай и чем поучителен его опыт?»

было отмечено, что укор Андропова — «мы не знаем общества, в котором живем» — применим к нам и сегодня. Действительно, в какой социальной формации мы существуем? Каковы господствующие в ней экономические законы? Не следует ли ее поменять? Если да, то на какую? И каковы пути, ведущие к этому?

По мнению Г.Н. Цаголова, для ответа на эти вопросы опыт Китая для нас весьма интересен. Обе страны провели рыночные преобразования. Но одна удачно, а другая — ошибочно. Наша экономика сейчас находится в глубоком кризисе, причем не циклическом, а системном, экономика Китая, ставшего локомотивом мировой экономики и рекордсменом по темпам роста, пребывает на подъеме. В основе успехов Китая и неудач России лежат разные экономические модели. В нашей стране сформировался спекулятивный бюрократическо-олигархический капитализм, в поднебесной — новое интегральное общество, идущее на смену капитализму и социализму.

Командные высоты в КНР принадлежат государству, а оно по-прежнему контролируется 88-миллионной правящей коммунистической партией, ставящей задачи построения «гармоничного общества». Получается как бы ленинский нэп, но не как переход к социализму, а как перманентная структура.

Долгое время китайцы копировали экономическую модель СССР. Теперь они признают, что на каком-то этапе развития оказались в плену «догматизма», а возврат к «творческому марксизму» провозгласил в 1978 г. архитектор китайских реформ Дэн Сяопин. Повернувшись лицом к практике, он отошел от строгой марксистской теории и не раз повторил: неважно какого цвета кошка, важно, чтобы она хорошо ловила мышей. Но затем подвел под перестроечные процессы теорию «социализма с китайской спецификой». Одни воспринимали ее как должное, другие не без резона замечали, что за «китайской спецификой» стоит не только рынок, но и капитализм. Теперь уже некоторые видные китайские идеологи и ученые признают факт конвергенции, или интегрального общества.

Докладчик рассказал, что во время недавнего участия в конгрессе «Марксизм и развитие человечества», организованном Пекинским университетом, ему довелось слушать доклад секретаря ЦК КПК, профессора Янг Джинхайя, в котором, в частности, говорилось: «Суть китайского пути состоит в нахождении правильного баланса между социализмом и капитализмом. В экономике это означает установление разумных пропорций между административными и рыночными отношениями, первенство общественной собственности наряду с применением других ее видов».

Указывая на бурный рост капитализма в стране в последние десятилетия, участники той дискуссии в связи с этим задавались вопросом: не может ли кошка Дэна превратиться в тигра, угрожающего самому хозяину? Опасность такого рода китайцы хорошо понимают и связывают с ней многие появившиеся в последнее время проблемы.

Чтобы справиться с ними, по мнению некоторых авторитетных ученых, придется поступиться прежним 10%-ным ростом, поменяв его на «новую нормальность» — 7%-ный показатель. А на более отдаленный период — следующие 20 лет — среднегодовые темпы от 6 до 6,5% представляются им оптимальными.

Акцент предлагается перенести на совершенствование структуры экономики и повышение ее качества, включающего и социальную сторону. Речь идет в первую очередь об инновационном развитии, требующем больших вложений в интеллектуальную сферу. Хотя такие инвестиции в последнее время выросли на 15%, этого недостаточно. Если частный капитал не пожелает активно участвовать в такой модернизации экономики, то с задачей, как считают они, справится государственный сектор.

Китайский опыт однозначно свидетельствует о том, что для нас сейчас требуется не вывод государства из социально-экономической жизни, а, наоборот, усиление его влияния. Без возрождения планово-рыночной системы не выйти из кризиса и стагнации, подытожил свое выступление Г.Н. Цаголов.

В докладе профессора, д.ф.н. **В.А. Кутырёва** (Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского) «Антропология как мировоззренческое обоснование трансгуманизма» прозвучало, что после «смерти Бога» человечество одушевлялось идеей гуманизма. Родовой человек — высшее создание на Земле, и вся деятельность индивидов имеет смысл, если служит его интересам. Эта идеология до сих пор является господствующей, отметил докладчик. Однако не передовых рубежах техно-научного прогресса возник трансгуманизм, предлагающий «переступить через человека», заменить его чем-то лучшим, а потом, может быть, и вовсе «Иным». Первоначальное обоснование необходимости этого (зло)деяния было «легким»: человек хороший, но с помощью достижений технауки можно — и было бы неплохо — его изменить, усиливая, укрепляя, совершенствуя.

По мере роста технических возможностей воздействия на тело и сознание людей возникла потребность более фундаментального обоснования произвола в отношении их природы и сущностной идентичности, продолжил В.А. Кутырёв. Началась диффамация человека: «ошибка природы», своего рода «клудж», халтура, примитивный мозг,

выродок эволюции (читайте, например, Г. Маркуса). Или российский автор, С. Савельев, издает книгу «Нищета мозга» (2014), где предлагает с помощью томографов производить «церебральный сортинг» — «управлять мозгами бездельников», усиливая их компьютерными вставками. Или... Ряды клеветников и «людоделов» множатся. *Технократы рвут(ся в) мозг!* Разрабатывают его «лучший дизайн». На каком изделии, какой фирмы останутся — не говорят. На смену антропологии приходит антропофобия.

Кто способен думать хотя бы старыми мозгами — свидетели восстания техноидов, революции мутантов. Авансцену общества занимают люди, чье сознание уже похищено силами Иного, и они хотят сделать себя нормой, соблазняя остальных идеями всемогущества и бессмертия. Но это будет всемогущество Машин и бессмертие Матрицы, а традиционный человек станет их элементом (человеческим фактором уже стал) и питательным бульоном, что ясно как белый день, тем более, что подобные перспективы убедительно описаны в антиутопиях Р. Брэбери, Дж. Оруэлла, О. Хаксли. Людоделы превращаются в людоедов. Живым людям, кто сохраняет адекватность и здравый смысл, необходимо противостоять этим суицидным тенденциям прогресса. *Нужна экология человека, борьба за него.* Минимум, за коэволюцию био- и техномиров, заключил профессор В.А. Кутырёв.

Д.э.н., профессор **Д.Н. Платонов** (экономический факультет МГУ) в докладе «Морфология хозяйства — геоэкономические и геополитические аспекты», отметил, что объяснить состояние современной экономики трудно. Но некоторые аспекты имеют глубокие историко-культурные корни. Известная культурологическая триада «Восток — Запад — Россия» имеет исторические основания, если дать ретроспективный анализ таких структурных подсистем, как «сельское хозяйство — промышленность». На Востоке с древности сформировалась специфическая общинно-государственная система. Эта закрытая и локальная цивилизация существовала долго. Даже колониализм не смог до конца ее разрушить. На Востоке в условиях неолитической революции было изобретено поливное земледелие — сверхтрудоемкое и интенсивное производство. Были апробированы первые опыты государственного управления с эффективными методами возврата части налогов в экономику для поддержания системы публичных работ. Во многих странах существовало удивительное ремесленное производство на уровне прикладного искусства. Новое в такой системе не разрушало старое, а приспособлялось к нему, сохраняя первооснову системы. Часто кочевники разрушали сверхаграрные экономические системы, но потом они восстанавливались по старой «матрице». Исто-

рические модификации были или лучше, или хуже существовавшей, но старая схема воспроизводилась.

Проще развивалась Западная Европа: европейский стиль эволюции — непрерывная трансформация, связанная с качественными изменениями структур. «Старые» структуры либо распадались, либо модифицировались, давая путь новому. Поиски ресурсов (земли, полезных ископаемых) привели Запад к экспансионизму.

В России сформировался инверсионный тип экономической эволюции. Согласно «Домострою» (середина XVI в.), который обобщил хозяйственный опыт частных русских домохозяйств, и в деревне, и в городе хозяйство — однотипная структура, которая содержит и аграрные, и промышленные отрасли. По этому принципу были устроены многие поместья, мануфактуры и первые фабрики. Поскольку инфраструктура была неразвитой, такой тип хозяйства приспособивался к самым сложным ситуациям, а многие из них занимались коммерцией «от излишка». В России XVII — XIX вв. были «аграрные города» и «промышленные села», что вполне объяснимо с точки зрения частных домохозяйств, заключил Д.Н. Платонов.

В своем докладе «Метафизика и онтология современной русской мысли» д.ф.н., профессор **Н.Б. Шулевский** (философский факультет МГУ) подчеркнул, что любой юбилей — это определенное количество лет, цифра, намекающая о серьезных качественных сдвигах в жизненном мире людей. Но любой юбилей есть прежде всего отчет павших людей перед вечностью, Софией и Россией, отчет о мере искупления ими своей порочности, отчет, определяющий то, насколько мы достойны продолжать свое бытие в России.

И Центру общественных наук, философии хозяйства есть чем отчитаться перед вечностью. Совместно они породили *общий смысловой плод* — *софиасофию*. Вкратце софиасофию можно определить как *доктрину русского традиционализма*. Более определенно содержание софиасофии можно обозначить следующими смысловыми маркерами.

Во-первых, сказал профессор Шулевский, софиасофия представляет не просто любовь к мудрости, а новый тип самой мудрости, идущий на смену философии и сохраняющий все ее «добро», но раздвигающий и углубляющий горизонты понимания человеком мира и самого себя. Поэтому софиасофия возникла не просто из письменных источников. Нет, софиасофия поднимает нетронутую целину океана сознания и мысли, жаждущих осознания, понимания и признания своих жизнетворных сил для пополнения смысловых ресурсов бытия.

Во-вторых, в софиасофии дано софийное откровение разума и сознания. В ней речь идет не только о том, что люди думают о мире,

как его осознают, но и о том, что думает о мире сам разум, и что осознает в нем само сознание.

В-третьих, софиасофия представляет органический синтез философии, православной теологии, искусства и науки. И этот синтез осуществил не человек, а эти виды творческой активности людей объективно впервые за 2000 лет сошлись в одной смысловой точке. И софиасофия понадобилась для того, чтобы осветить, понять, освятить, осознать эту встречу, ее метафизические и провиденциальные плоды. Софиасофия — это главный деятель нашего времени, *ибо эта доктрина открывает новые безграничные возможности для ума и сознания.*

Софиасофия невозможна без ее архирусского автора — Ю.М. Осипова. Много званых, но мало избранных. Нам фантастически и незаслуженно повезло, ибо общение с избранником софийной мудрости оправдывает нашу мелкую, никчемную жизнь, придает ей смысл, возвышает ее до уровня сакральной значимости. Мы родились, чтобы встретиться с ним, ибо сам Ю.М. Осипов живет не для себя, а для нас, для России. Тексты Ю.М. Осипова — это не просто тексты, это живые существа, живые смысловые семена России. Эти тексты нужно не просто читать, изучать — а с этими текстами нужно общаться, чтобы в общении с живыми смыслами сохранить свой разум и свое сознание, сохранить их способности к пониманию.

Поговорка гласит, что для камердинера нет героев, но не потому, что героев нет, а потому, что есть камердинеры, имеющие дело только с прозаической стороной жизни героев, а не с теми деяниями, которые делают из них героев. Имеющие ум, да уразумеют, заключил Н.Б. Шулевский.

Профессор, д.ф.н. **С.В. Синяков** (г. Киев, Украина) в своем докладе «Обществознание как идеология» заострил внимание на проблеме идеологизации обществознания. По его мнению, идеология обуславливает процесс познания в общественных науках. В свою очередь, идеи, концепции, теории, которые создаются в обществознании, участвуют в формировании общественного сознания, программ политических партий и политической идеологии. С.В. Синяков подчеркнул, что речь идет не просто об идеологизации общественной науки или выполнении ею идеологической функции. Не будет преувеличением сказать, что обществознание имеет идеологическую природу. Отсюда, с его точки зрения, возникают трудноразрешимые вопросы: можно ли и если да, то как совместить неизбежный идеологический атрибут обществознания с его научным статусом? Каким образом можно сочетать идеологию и научную объективность?

Для ответа на эти и другие вопросы он сосредоточился на анализе политической науки, теоретической и прикладной социологии и

историческом знании. В результате он пришел к выводам о субъективизме и миротворчестве в общественном знании в результате идеологической детерминации процесса исследования. Но если идеология неустранима в социальном познании, то для нейтрализации ее возможных негативных последствий представляется уместным устранить доминирование идеологии над методологией и концептуальными средствами познания, заключил профессор С.В. Синяков.

Д.э.н., профессор **К.А. Хубиев** (экономический факультет МГУ) подчеркнул, что направлением перспективной ориентации общественного устройства России является тип общественных отношений, названный П. Сорокиным семейными, суть которых — в расширении зон доверия и сотрудничества, вытесняющий тип договорных отношений, характерных для либерально-рыночной экономики и сопровождаемых огромными транзакционными затратами на создание институтов, сил и средств их поддержания. Армии охранников, средств защиты (стальные двери, решетки, сигнализация, видеонаблюдение и т. п.), юристы, адвокаты — все это атрибуты общества, основанного на договорном типе отношений. В направлении общества с доверительным типом отношений существенно продвинулась советская система организации общества. Ее преимущества контрастно осознаются как на фоне нынешней российской действительности, «наматывающей» транзакционное бремя на еще не окрепшую после разрушительных радикально-рыночных (либеральных) реформ экономику, так и на фоне нарастающих признаков цивилизационного кризиса в странах, традиционно называемых западными, отметил К.А. Хубиев.

В докладе д.э.н., профессора **М.М. Гузева** (Волжский гуманитарный институт) «Битва за ресурсы: последний парад наступает» были раскрыты причины современных системных кризисов в обществе и экономике и неспособность господствующих научных концепций выработать механизмы их преодоления. Главная причина — это углубляющееся противоречие между гипертрофированными потребностями горстки «передовых» государств мира, а в них — прежде всего так называемой элиты, и остальным миром, насчитывающим более 200 государств, долгие столетия считавшихся мировой периферией. Для обеспечения устойчивого развития ведущих национальных экономик началась настоящая борьба между государствами за ресурсы планеты, которая ведется не только мирными способами. Причем, битва за природные ресурсы — это хорошо видимая часть конфликтов, менее видима битва за человеческие ресурсы, которые в XXI в. становятся решающим ресурсом развития. Для России сохранение человеческих ресурсов имеет поистине судьбоносное значение, поскольку страна наша малонаселенная, с огромными разреженными пространствами.

Обострение социально-экономических проблем России обусловлено несостоятельностью в XXI в. принятой рыночно-капиталистической экономической модели развития, которая не обеспечивает ни эффективность, ни справедливость, ни защиту от выкачивания ресурсов. Поэтому дальнейшее продвижение по этому пути неизбежно ведет Россию к государственному и национальному краху. Выход видится в смене курса, в смене элит, в смене модели развития, в смене научной парадигмы и формировании новой евразийской модели хозяйственного развития на основе централизованного управления, с элементами мобилизационно-рыночной экономики и социального государства, сделал вывод М.М. Гузев.

Предваряя свой доклад, д.э.н., профессор **В.М. Кульков** (экономический факультет МГУ) отметил важную роль, которую сыграли в последние 25 лет Центр общественных наук и работающая в связке с ним лаборатория философии хозяйства, а также журнал «Философия хозяйства», в рамках которых шло формирование самобытного и оригинального направления социально-экономической мысли, отразившего и особенности национального экономического мышления, и научно-образовательные отечественные традиции, и актуальные потребности нашего времени.

Докладчик обратил внимание на то, что философия хозяйства, помимо своей собственной предметной задачи, подпитывает и обогащает другие — альтернативные мейнстриму — направления — прежде всего, политэкономии, помогая ей расширить пространство своего анализа за счет междисциплинарных соприкосновений.

Особо было выделено как потенциально наиболее продуктивное взаимодействие философии хозяйства с теорией национальной экономики, или, иначе говоря, с национально ориентированным подходом, смысл которого заключается в необходимости учета и теоретического отражения всей совокупности национально-специфических условий, присущих стране. Раскрыв актуальность и востребованность указанного подхода (провалы глобализации, острые российские проблемы и задачи, растущую потребность экономической теории в развороте к реальности), В.М. Кульков обратил внимание на способы его реализации в экономической науке и образовании.

В докладе было показано, как теория национальной экономики и философия хозяйства могут дополнять и развивать друг друга. Философия хозяйства расширяет для теории национальной экономики координаты анализа, раскрывает метасмыслы экономического бытия, формирует определенную духовно-научную направленность поиска, предотвращает ее от погружения как в политэкономическую ортодоксию, так и в хозяйственную эмпирию. В свою очередь, опасность ухо-

да в схоластическое теоретизирование, потенциально существующее в философии хозяйства как таковой, преодолевается именно ее выходом на проблематику национальной экономики, на российский контекст жизни. Именно во взаимодействии этих двух направлений во многом состоит залог теоретических и практических успехов российской экономической мысли, подытожил В.М. Кульков.

Профессор, д.ф.н. **Ф.И. Гиренок** (философский факультет МГУ) в своем докладе «Пришло ли время изобретателей концептов?» отметил, что сегодня мы переживаем кризис смыслов. Это значит, что мы можем многое сделать, потому что мы многое знаем, но мы ничего не хотим делать, нас окружила и преследует бессмысленность. Сегодня нам нужны не знания, а концепты, не наука, а идеи, не ученые, а изобретатели смыслов. По мнению Ф. Гиренка, смыслы изобретаются в Центре общественных наук, и главный их изобретатель — Ю.М. Осипов, который уже сегодня нам предлагает готовиться к жизни в мире, из которого исчезнет человек. Впервые об исчезновении человека за границей заговорил Бодрийяр. Он, как и Осипов, стал говорить об исчезновении реальности. Если Осипов говорит об исчезновении экономической реальности, то Бодрийяр — об исчезновении социально реальности.

Когда все человеческое ускользнет, последним исчезнет сознание. Свет больше не будет нуждаться в тени, война не будет нуждаться в мире, мужчины — в женщинах. По мнению Ф. Гиренка, концепт — это то, что требует автора, изобретателя, творца, и хорошо, что эти концепты изобретаются у нас в МГУ, в Центре общественных наук.

В своем докладе «Нужна ли философам хозяйства математика?» д.э.н., профессор **Л.А. Тутов** (экономический факультет МГУ) представил историю взаимоотношений математики и экономики, начиная от Античности и заканчивая современными исследованиями, сделав особый акцент на идеях российских экономистов. Основная проблема, с которой сталкиваются мыслители при решении данного вопроса, заключается в степени соответствия абстрактной математической модели реальности, так как экономическая реальность многопланова и не всегда поддается количественному описанию. Другой важный методологический вопрос, который обозначил докладчик: являются ли математика и экономика полноценными науками или же только инструментом для других наук в случае математики и способом количественного описания социальной реальности, когда речь идет об экономике? Л.А. Тутов пришел к пониманию, что математика может выступать и как язык количественного описания некоторых закономерностей и связей эмпирического мира, и как чистая наука; экономика также может использоваться в качестве инструмента для анализа широко пони-

маемой социальной реальности, но ее научная чистота представляет собой проблему.

Особое внимание в докладе было обращено на факторы, влияющие на сотрудничество экономики и математики. Речь идет о росте потребностей в оперативных расчетах, планировании, прогнозировании; развитии информационных технологий, переходе от экономики, основанной на материальных ресурсах, к экономике, основанной на знаниях; усложнении социально-экономических систем; трудностях, которые переживает экономическая теория.

Другая важная проблема — это границы применения математики в экономике. Автор доклада показал, что использование математики в экономике следует рассматривать не как универсальный методологический прием, который можно применять с успехом по отношению к любой экономической проблеме, а как необходимую, но не достаточную часть методологического инструментария экономики, работающего только в сочетании с другими — качественными — методами.

В заключение профессором Л.А. Тутовым был сделан вывод, что, будучи сложной и многомерной проблемой, взаимодействие математики и экономики ставит перед специалистами этих наук, а также перед философией хозяйства, задачу переосмысления методологических предпосылок современной экономики с точки зрения включенности экономики и экономической науки в общекультурный контекст эпохи.

В своем докладе «Синтез различных школ как направление развития метода политической экономии» д.э.н., профессор **А.И. Колганов** (экономический факультет МГУ) отметил, что материалистическое понимание истории до сих пор остается наиболее основательной теорией, лежащей в основе метода политической экономии. Однако классическое понимание этой теории, выработанное К. Марксом, не удовлетворяло уже и его самого. Об этом недвусмысленно свидетельствуют многочисленные наброски его ответа на письмо Веры Засулич. Проблема, с которой столкнулся К. Маркс, обнаружила ограниченность линейно-стадиального подхода к изучению процесса эволюции социально-экономических систем различных обществ. Оказалось, что в зависимости от исторических обстоятельств, в том числе от характера включения данного общества во всемирно-исторический процесс, от взаимодействия его с другими обществами, переход от одной стадии развития к другой может протекать различным образом.

К. Маркс не выработал общего принципа решения данной проблемы, заметил А.И. Колганов. К сожалению, его последователи долгое время эту проблему не замечали, вместо того, чтобы взяться за ее

изучение, предпочитали пользоваться упрощенными схемами анализа исторического процесса. Здесь, несомненно, сказалась и догматическая жесткость идеологического контроля, существовавшего в советском обществе.

В то же время во второй половине XX в. усилиями сначала Фернана Броделя, а затем его последователей (Андре Гундера Франка, Иммануила Валлерстайна, Самира Амина, Джованни Арриги и др.) был выработан мир-системный подход к исследованию исторического процесса. Его достоинством было восприятие мира как целостной системы. Однако ряд его адептов существенно ослабил позиции собственной теории, рассматривая ее как альтернативу стадийному подходу к историческому развитию. Те исследователи, кто попытался прямо противопоставить мир-системный подход марксистскому методу, заняли тем самым, на взгляд профессора А.И. Колганова, тупиковую позицию. Отрицание стадийного подхода отбрасывает нас назад, к так называемому цивилизационному подходу, который, при всех своих достоинствах, оказался не в состоянии дать теорию, объясняющую факт стадийности исторического процесса.

Значительно более перспективным А.И. Колганову представляется синтез марксистского материалистического понимания истории и формационной концепции, развитой на его основе, с мир-системным анализом. Первая попытка такого рода, под именем глобально-стадийного подхода, уже предпринята Ю.И. Семеновым. Представляется, что критика и развитие этой первой попытки могли бы существенно обогатить метод политической экономии, сделать его более эффективным, способным отвечать на вызовы времени, заключил А.И. Колганов.

В своем докладе «Российское хозяйнодержавие. Евразийский вектор» д.э.н., профессор **С.Г. Ковалев** (Санкт-Петербургский государственный экономический университет) обратил внимание, что евразийство как мировоззренческая парадигма и политическое движение сформировалось в 1920 — 1930 гг. как реакция на крах российской державы и белого движения с целью выработки концептуальных взглядов на возможное — альтернативное большевизму — будущее России.

Евразийство не было цельной синтетической теорией, скорее это конгломерат взглядов по различным аспектам евразийства, объединенных общей мировоззренческой основой — Россия есть Евразия.

Общий мировоззренческий подход евразийцев отражен в совместных публикациях: Евразийство (опыт системного изложения 1926 г.), Евразийство (формулировка 1927 г.), Евразийство: декларация, формулировка, тезисы (1932).

В последней декларации евразийцами, отметил С.Г. Ковалев, сформулированы три принципа, которым должна соответствовать экономическая деятельность: принципу соборности — духовной общности единения людей в хозяйственной деятельности; принципу справедливости и правды — организации хозяйственной деятельности в интересах всех трудящихся, которая является не самоцелью, а средством, необходимым для духовного процветания человека; принципу планового хозяйства и предоставлению личности свободы выбора хозяйственных форм.

Нагляднее экономические воззрения евразийцев представлены трудами П.Н. Савицкого. Профессор Ковалев предложил остановиться на отдельных узловых моментах его взглядов.

Во-первых, это подход к царской России как к своеобразной западно-ориентированной империи — многонациональному, крупному государству, обладающему достаточной целостностью, проводящему политику расширения за пределы этнокультурных границ.

Во-вторых, это рассмотрение российской истории сквозь призму истории Евразии — особого исторического географического мира, охватывающего три крупные равнины (Беломоро-Кавказскую, Западно-Сибирскую, Туркестанскую).

И, наконец, это выделение категорий «хозяин», «хозяйнодержавие» для обоснования особого экономического пути частного-государственного партнерства на основе раскрытия диалектики индивидуального и коллективного, экономического и социального. П.Н. Савицкий показал, что хозяин-личность и хозяин-общество суть два единства и две категории, которые порождены самим народным опытом, опираясь на которые можно и понять российскую действительность, и проектировать будущее общество, заключил С.Г. Ковалев.

В своем выступлении к.э.н. **А.А. Погребняк** (СПбГУ) выделил пять главных задач, которые сегодня стоят перед философией хозяйства.

Во-первых, считает Погребняк, нужно не сводить философию хозяйства к «разделу» или «национальной» школе, но видеть в ней выражение конкретно-исторической всеобщности и работать *единым фронтом*, видя общего врага в «экономизме» и обнаруживая единомышленников по всему миру: не только С.Н. Булгаков, В.В. Библихин, Ю.М. Осипов — но также В. Беньямин, Ж. Бодрийяр, М. Фуко, Д. Агамбен, С. Жижек и др.

Во-вторых, критически относиться к *демонизации девяностых и прославлению нулевых*: «лихость» и «стабильность» — это идеологемы, они лишь частично выражают истинное положение дел — подводя под однозначное определение сложное и амбивалентное в истории

России (например, в университетах 1990-е были временем творческой свободы, 2000-е же стали временем бессмысленной бюрократизации и формализации).

В-третьих, заниматься *аналитикой современных категорий*, особенно тех, которые применяются аппаратом власти любого рода и уровня (особенно медиа) — таких как «суверенитет», «национальный интерес», «безопасность», «сакральность», «постмодерн» и т. п. Важны не столько категории, сколько «схемы», т. е. *способы их приложения к реальности* — что, для чего, для кого этими категориями освещается, а что — затемняется (примером может послужить Марксов анализ «формы стоимости»).

В-четвертых, конституировать *новые категории* и возвращать вытесненный смысл старым: к примеру, счастье — это не только синоним безопасности, не только необходимый коррелят биовласти и полицейского управления, но — сфера подлинно возможного, сфера свободы, борьбы, самовыражения...

В-пятых, поставить под вопрос главное положение новейшего экономизма: *сакрализацию подлинного изобилия* и предписание «исключенным» лишь его симулякров, псевдо-подобий, что означает: господство дефицита под маской изобилия (ведь изобилие всегда на «другой сцене», не у народа, а у его «представителей»; здесь примером может служить позитивный смысл понятия профанации, который возвращает ему Д. Агамбен), заключил А.А. Погребняк.

Сейчас уже можно утверждать, отметил профессор, д.э.н. **И.Р. Бугаян** (Южно-Российский институт-филиал РАГС, Ростов-на-Дону), что хозяйство имеет две стороны: количественную и качественную; количественную представляет экономика, а качественную — общественный сектор хозяйства (ОСХ). Имея целью социальную защиту нуждающихся граждан, ОСХ, в зависимости от достигнутого уровня своего развития, в конечном счете, и определяет нижний уровень качества их жизни.

Распространено мнение, что общественный сектор хозяйства — это тоже экономика; есть даже учебная программа для студентов: «Экономика общественного сектора».

Пора уже признать, что экономика — это только одна из сторон хозяйства, его оденеживаемая часть, которую экономисты уже не одно столетие — начиная с начала XIX в. — времени основоположника теории предельной полезности Г.Г. Госсена — упорно и безуспешно пытаются выдать за целое. Игнорируется, например, очевидная неспособность экономики вобрать в себя те элементы хозяйства, которые относятся к переходу его количественной стороны в качественную — в полезность.

Дело в том, что это открытие Госсена, получившее в дальнейшем развитие и отражение, например, в современном маржинализме, не имеет отношения к экономике. Оно — элемент общественного сектора хозяйства.

Создается впечатление, продолжил И.Р. Бугаян, что в этом упорстве западных экономистов замешана и политическая причина. Дело в том, что целенаправленное нарушение исторически сложившихся внутривозрастных пропорций между однеживаемой и неоднеживаемой частями хозяйства является самым эффективным инструментом создания любого из возможных вариантов так называемого общественного хаоса.

Впервые этот инструмент был применен в нашей стране большевиками (продналог и продразверстка). Цель — радикальное изменение внутривозрастного соотношения количественной и качественной сторон национального хозяйства в интересах опережающего развития общественного сектора и, тем самым, — быстрого возведения основ социализма.

Но если В.И. Ленин, быстро разобравшись в своей ошибке, медленно ввел нэп, то ныне уже его «ученики-двоечники» в лице нескольких президентов США, широко пользуясь этим инструментом, но с прямо противоположными целями и сразу на глобальном уровне мирового хозяйства сеют вместо хаоса управляемого неуправляемый хаос. Это происходит повсеместно, где они с ним появляются, будь то Ближний Восток, включая Сирию, Север Африки, Юг Европы или страны СНГ, подытожил И.Р. Бугаян.

Д.э.н., профессор **М.А. Румянцев** (СПбГУ) посвятил свое выступление философско-хозяйственному осмыслению времени. Является ли безальтернативным привычное для нас время экономизма — линейное время как основание идеологии количественного роста экономики? Идея линейного времени в качестве псевдодогмата «религии прогресса» нуждается в постоянном подтверждении своей властной легитимности, она тотальна по своей природе и не терпит альтернатив. Ярким примером «битвы за время» явилась дискуссия о Большом взрыве в XX в. Поначалу физики связывали Большой взрыв с количественным расширением Вселенной и рождением однородного линейного времени. Эта идея нашла поддержку у ряда католических теологов, видевших в Большом взрыве доказательство творения мира из ничего — *ex nihilo*. Линейное однородное время экономистов как будто бы вновь утвердило свое право на единственную истину и ее формализацию в виде неоклассического синтеза.

Выдающийся физик С. Хокинг обосновал концепцию о мнимом или воображаемом времени (*imaginary time*) — ином времени, суще-

ствовавшем до Большого взрыва. С теологической точки зрения, принцип неоднородного времени был раскрыт в труде «Теория распада Вселенной и вера Отцов» архиепископа Сан-Францисского Василия (Владимира Родзянко). Большой взрыв он отождествил с грехопадением и искажением творения. Существует, следовательно, и другое время — некоторое состояние мира превыше, до и вне линейного времени, прежде Большого взрыва и грехопадения. Итак, Большой взрыв и линейное время — это грехопадение, но не творение, и именно вместе с ним произошел переход от неоднородного первовремени к линейному времени и «прогрессу». Отсюда возникает оппозиция двух подходов к пониманию времени: линейного времени, которое появилось в результате грехопадения, и всеобъемлющего первовремени, которое возникло из «хотенья Божьего» и породило время философско-хозяйственное.

Как соотносятся время философско-хозяйственное и время экономическое, время и вечность? Линейный подход выстраивает идею вечности как идею времени. Вечность — это то, что есть до или после времени. Но вечность охватывает и содержит в себе время, она не ждет, когда время начнется или завершится. Стало быть, время есть обособленный, или отъединенный от целого, момент вечности. Такую же методологию можно применить к раскрытию соотношения философско-хозяйственного и экономического времени. Если философско-хозяйственное время есть целое, или восполненное, время, то время экономическое есть его отъединенный и эмпирически обособленный момент. То, что мы считаем развитием экономики в линейном времени — рост ВВП, доходов, потребления — есть относительное и частичное по отношению ко времени философско-хозяйственному. Последнее продолжает в хозяйственной жизни время космического мироустройства, его поворотные точки определены вехами хозяйственного движения — от строительства Великой китайской стены до распашки единоличного крестьянского участка. Философско-хозяйственное и экономическое время по-разному относятся к пространству. В рамках экономического времени господствует над пространством, линейное время как ничем не ограниченный рост стоимости превращает пространство в капитальный актив и логистические издержки. С философско-хозяйственной точки зрения время есть модус хозяйственного освоения неоднородных пространств, его ритмы даны как чередование стадий воспроизводства жизни предков, современников и потомков. Субъектами философско-хозяйственного времени являются коллективные субъекты истории (народы, цивилизации, семьи). Битва за время и за идеальное в целом продолжается, заключил М.А. Румянцев.

В своем выступлении д.э.н. **Р.М. Нижегородцев** (Институт проблем управления РАН) отметил, что период, который мы переживаем, сложен и интересен, хотя в некоторых моментах довольно предсказуем. Если брать глобальные аспекты, без деталей, то ситуация в принципе ясна. В мировом хозяйстве зреют новые центры силы, они борются за достойное место в мировом разделении труда и одним лишь фактом своего присутствия пытаются расшатать существующий мировой порядок, основанный на глобальном доминировании одной сверхдержавы.

Поэтому тот период, который сейчас имеет место, — это период разделения и поляризации сил. Одни силы пытаются расшатать и опрокинуть мировой порядок, и в этом стремлении пока что не очень успешны, другие всеми силами пытаются этот порядок удержать, и у них это тоже плохо получается.

Война между ними неизбежна.

В том, что я сказал, ничего, в общем, нового нет, подчеркнул Р.М. Нижегородцев. Закон неравномерности развития — это азбука мирохозяйственного анализа. Парадокс заключается в том, что методологию этого анализа очень трудно применить к самим себе, когда дело касается интересов своей страны, и инструментарий, которым мы все замечательно владеем, остается в значительной мере зачехленным. Вместо того, чтобы подходить к оценке ситуации с точки зрения научной и на этой основе прогнозировать ход событий, мы пытаемся какими-то другими субстанциями перекрыть объективную истину и объяснить то, что происходит.

И вот это, как правило, сделать не удается. Мир слишком фрагментарен в деталях. Он достаточно прост, когда дело касается крупных игроков и их интересов, но в отдельных деталях очень сложен, и у каждого он свой. Было бы слишком просто, если бы мы смогли разделить его на черное и белое и сказали бы: вот оно, царство правды, а вот она — нежить. В том-то и вопрос, Юрий Михайлович, что нежить — она у каждого своя: у вас одна, у меня другая, у парня, которого вы выгнали из аудитории, она третья. Для протопопа Аввакума в последние годы его жизни патриарх Никон был эманацией темных сил.

На что **Ю.М. Осипов** возразил: как и наоборот.

Нет, наоборот не было, — продолжил Р.М. Нижегородцев. Патриарх Никон «сожрал» своего учителя, не объявляя о его причастности к темным силам, он шире смотрел на эти вещи. Просто Аввакум мешал ему проводить реформы, необходимые для сохранения и упрочения роли церкви. В общем, тот же конфликт: новые центры силы требуют реформации, новых форм, которые были бы способны адекватно выразить и реализовать их интересы.

Если бы можно было так легко сказать: кто-то за Россию, кто-то против. В том-то и дело, что тех, кто был бы против России, вы не найдете ни в этой аудитории, ни в какой другой. Но образ России у каждого свой, желаемый образ будущего. Для одних будущее России связано с укреплением государственности, если угодно — национальной государственности. Другие убеждены в том, что национальное государство должно обслуживать интересы международных монополий, т. е. обеспечивать им доступ к ресурсам на своей территории и проводить в жизнь их интересы.

И это разделение не составляет российской специфики, это в любой стране такое. Просто у нас в России тех, кто отстаивает позицию расшатывания мирового порядка и желает подъема новых мировых центров силы, возникающих на периферии, принято называть патриотами, или государственниками, а тех, кто желает сохранения мирового порядка в интересах международных монополий, называют либералами. Эти названия, как и само это разделение, не вполне понятны людям, которые не привыкли смотреть на соответствующие процессы с позиций глобального мироустройства, потому что в каждом из этих двух больших лагерей есть представители, придерживающиеся диаметральных социальных взглядов: от национал-консервативных и даже монархических до технократических.

Европейцы, вообще, странные люди. Если война идет на территории их страны, то это мировая война. А если они ведут войну на территории другой страны — это локальный конфликт. Эта вызывающая умиление классификация как-то не позволила вовремя увидеть простой факт: третья мировая война уже началась, и точка ее отсчета — это 1999-й г.: бомбардировки Белграда. В этот момент были запущены некие циклы мировой истории, которые дают о себе знать по сей день. Все эти «арабские весны» и прочие цветные перевороты — это было уже потом; то, что мы сейчас наблюдаем, — это следствие глобальных решений, принятых мировым правительством и ориентирующих основные механизмы защиты мирового порядка на военные, силовые инструменты.

И вот здесь я согласен с Александром Ивановичем Субетто, отметил Нижегородцев: дальше ситуация будет развиваться очень быстро. Если не ближайшие месяцы, то, по крайней мере, ближайшая пара лет приведет к развязке этого узла. Как он развяжется — тоже в целом достаточно понятно, но громко говорить об этом пока рановато.

Пожелаем друг другу мудрости и терпения, заключил Р.М. Нижегородцев.

Д.э.н., профессор **С.С. Слепаков** (Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) Северо-Кавказского федерального университета,

Пятигорск) в докладе «К вопросу о смысловых доминантах институциональных реформ» отметил, что проблема состоит в выявлении и характеристике конфликта между интересами власти и общества. Рассмотрению данного вопроса докладчик предпослал обоснование авторского подхода к определению сущности и содержания категории «экономический интерес» в его собственном и социальном (общественном, национально-государственном) значениях. Далее автор обратился к проблеме общественного представительства во власти, указав на то, что в России институты обратной связи между обществом и властью в системе государственного управления не получили необходимого развития. В ущерб обществу страна управляется в интересах компрадорского олигархического капитала, который содержит правящую бюрократию. Реализуемая в России либеральная идея сама возможность существования и реализации общественного интереса отвергла как нереализуемую, социально и экономически вредную. Рассогласованность собственных интересов разрушает национально-государственную хозяйственную систему современной России. Правящей «командой» реализуется порядок доминирования интересов власти над интересами общества, т. е. *десоциализация* власти. Такой порядок с полным основанием автор определил как *институт деструкции*, инерционно разрушающий хозяйственную систему, порождающий *дефициты существенных составляющих социально-экономического процесса*. Достижение цели исключения института деструкции, сохранения и развития России как единой социальной и хозяйственной системы требует согласования совокупности собственных интересов ее хозяйствующих субъектов на основе приоритета интересов общества, заключил С.С. Слепаков.

* * *

21 января 2016 г. состоялось очередное заседание семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «М.В. Ломоносов и современная Россия: возвращение утерянного», на котором выступили доктор наук Ю.М. Осипов, Г.Р. Наумова, И.Г. Шевченко, Н.Б. Шулевский; кандидаты наук О.В. Доброчеев, П.П. Жуликов, Е.С. Зотова; научный сотрудник А.А. Антропов, соискатель И.И. Рудяк.

Анонсы — 2016

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР
«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»
на тему:

**«От теории к теории: какая экономическая теория
нам нужна»**

Политическая экономия в тех образах, в которых когда-то сложилась и действовала, вспомнила свою историческую задачу, просвещая, зовя, ведя, не слишком при этом заботясь о своей онтологической достоверности, ибо идеологическая, обработочная и стимуляционная составляющая в ней всегда преобладала. Попав уже в середине XIX в. в кризис, политэкономия как политэкономия из него так и не вышла, превращаясь в нечто другое, уже не так политэкономическое, как чисто научное («искусство для искусства»), а именно, в экономикс, эконометрику, неоклассику (точнее, в неклассику), выхолащивая из себя идеологию, философию, сущностность, в общем — всякую, даже и идеологическую, функциональную, служебную метафизику. Теория обрела образ чистой — вполне уже и физической теории, оторвавшись от реальности еще более, чем политэкономическая теория. Теперь это уже по преимуществу онаученная «игра в бисер», довольствующаяся собственной для себя ученой «заумью».

Однако теория экономики нужна — как обобщающий образ экономики, как целостное концептуальное видение экономической реальности, как ее смысловая квинтэссенция, как понятийно-категориальная и методологическая культура, как фундаментальное образовательное основание-начало.

Какой же она должна стать — теоретическая экономия, причем прежде всего в качественном отношении, а не в количественном; с отображением и объяснением реальности, а не сонмом чисто умственных упражнений, не имеющих к реальности никакого отношения; с такой внешней презентацией, которая не довольствуется лишь с ней ознакомлением, а требует тщательного глубокомысленного изучения?

16 февраля 2016 г.
(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ
«Новый человек — кто и что он?»

Есть человек и человек! Античные европеоид и современный европеец — разные по сознанию (метафизике) люди. Сегодняшнее время — особенно (стремительно) переменчивое (хаотическое) время. Возник новый, он же и чрезвычайно переменчивый, хаотический мир — мир уже совершенно искусственный. Человек, его создавший, теперь бытует исключительно в этом новом мире. И мир этот требует для себя и под себя уже другого человека, с другим сознанием, а то и телом.

Идет ли соответствующая мутация человека — как под влиянием нового мира и быстроходных перемен в нем, так и, быть может, по трансцендентному (не особенно и сознаваемому) стремлению самого человека? Что в итоге? Феномен нового человека! Если так, то что он такое, этот новый человек, да и кто он на самом деле?

15 марта 2016 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

* * *

Ломоносовские чтения — 2016

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ
**«Экономическая наука и развитие университетских научных
школ (к 75-летию экономического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова)»**

Секция лаборатории философии хозяйства

**«Неоэкономика как высшая форма экономики
(осмысление в русле научной школы философии хозяйства)»**

Неоэкономика — не часть, не особая черта и не частная особенность экономики, это новое бытие экономики, ее новая целостная форма, новый обобщающий образ, новое фундаментальное качество экономики.

Здесь не так обретение новых характеристик, как целостная качественная мутация, вполне адекватная переходу от эпохи Модер-

на к эпохе Постмодерна. «Нео» — новизна, но вот какая, причем не внешняя, не чёртовая, не формальная, а глубинная, объемная, суцностная?

Неоэкономика — другая экономика, но вот какая же, чем она отличается от экономики того же XX в., не говоря о XIX-м? Не является ли она уже некой сверхэкономикой с чертами постэкономики?

Секции:

1. Теоретическое осмысление неэкономии.
2. Прикладные аспекты неэкономии.

Апрель 2016 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

Информация о конференции размещена на сайте экономического факультета. Необходимо пройти регистрацию на сайте факультета и прислать заявку на почту лаборатории философии хозяйства <lab.phil.ec@mail.ru>

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Этнонациональное сознание и хозяйственное поведение»

Хозяйство творится человеком, а человек, будучи по преимуществу субъектом этнонациональным (региональным, «локальным»), имеет разное по генезису и типу сознание, а соответственно — и разное хозяйственное поведение. От понимания специфики разных сознаний зависит во многом и понимание ведущихся человеком хозяйств. Экономика и технологика, как и наука, будучи значительно независимыми от «местных» характеристик, обобществляют человеческое сознание, ослабляют и нивелируют различия, но всегда не до конца, не до полной унификации сознаний и человеческого поведения — даже и сами они подвергаются немалой «спецификации». Так или иначе, сколько на земле сознаний, культур и цивилизаций, столько и хозяйственных воплощений.

Россия — большая этнонациональная локация. Еще и разнообразная. Отсюда специфика хозяйственной России. Борьба с российской спецификой или ее использовать, нивелировать различия или их учитывать? Однообразить страну или сохранять «цветущую сложность», сокращаться по поводу разнообразия или им довольствоваться?

Типологическая характеристика российского хозяйственного поведения. Гнаться или не гнаться за внешними образцами, опираться

на свое нажитое или гнать его взапой? Особенности этнонационального управления хозяйственной жизнью: история, современность, перспективы.

Секции:

1. Этнонациональное сознание и специфика реализации хозяйства.
2. Особенности хозяйствования в России: история, современность, перспективы.

Июнь 2016 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

* * *

III ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СИМПОЗИУМ

«Средняя Россия: земля и люди»

на тему:

«Перемены, которые есть, которые нужны и которых нет»

В аграрной сфере России наблюдаются некоторые позитивные перемены: рост производства, увеличение экспорта сельхозпродукции, нарастание импортозамещения, изменение производственной структуры. Что реально происходит в Средней России, на Тамбовщине, на мучкапской земле? Проблем, конечно, хватает, но... может... есть и движение вперед — нарастает надежда, брезжат перспективы? Чего не хватает сейчас в стране, в политике государства, чтобы достичь целей полноценного развития аграрной сферы?

Июль 2016 г.

Совместно с Администрацией Мучкапского района и Тамбовским государственным университетом имени Г.Р. Державина
(Мучкапский район Тамбовской области)

* * *

XI ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ МГУ

Интерактивная лекция

«Экономист как практикующий философ»

Ведущий Ю.М. Осипов

Октябрь 2016

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

**«Российское системное перестроение
как стратегическая неизбежность:
неоэкономика, неоиндустриализация, неодирижизм»**

Предлагаемое мероприятие отвечает как текущему бытию российского общества — прежде всего состоянию и движению национальной экономики, переживающей заметный конъюнктурный и уже хронический структурный кризис, так и потребностям научно-мировоззренческого осмысления протекающей проблемы и турбулентной российской (вкуне с мировой) действительности. Отсюда несомненная актуальность мероприятия, преследующего цель не только всестороннего анализа возникших ситуаций, но и выработки концептуальной картины необходимых (по-своему уже и неизбежных) перестроенческих перемен в России, ее национальном хозяйстве (с учетом новейших мирообусловленных положительных и отрицательных для страны процессов).

Концепт мероприятия носит фундаментальный характер, предполагая наряду с прикладным освещением текущей реальности ее глубокое концептуальное осмысление с учетом новейших онтологических перемен и тенденций, что также предопределяет востребованную временем гносеологическую преобразовательную и функциональную новизну.

Итогом мероприятия станут выдвижение, обоснование и утверждение концепции российского системного перестроения (не перестройки, а именно перестроения), столь потребного России в настоящий исторический момент, полный не одних кризисных явлений, структурных проблем и инерционных препятствий развитию, но и вполне обозначившихся угроз самому бытию России, ее целостности и будущности.

7—9 декабря 2016 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

Заявки с указанием темы и заполненную анкету просим подавать в электронном виде на сайте лаборатории и пересылать (дублировать) по электронной почте до 13 ноября 2016 г.

Информация для иногородних: место в гостинице МГУ необходимо забронировать по e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru> до 13 ноября 2016 г.

Контактный телефон: +7(495)939-4183

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России (*osipov.msu@mail.ru*).

КОРОЛЕВ ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, Институт философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону) (*vkorolev@sfnu.ru*).

КАРА-МУРЗА СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.х.н., профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований РАН (*skaramur@rambler.ru*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, философский факультет МГУ (*shylevsk@mail.ru*).

СЛЕПАКОВ СЕРГЕЙ СЕМЕНОВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра экономики и управления на предприятии, Институт сервиса, туризма и дизайна, Северо-Кавказский федеральный университет, Пятигорский филиал (*sslepakov@yandex.ru*).

УШАНКОВ ВЯЧЕСЛАВ АНАТОЛЬЕВИЧ,

действительный член АФХ, к.э.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (*slawusha@gmail.com*).

ПОРОХОВСКАЯ ТАТЬЯНА ИВАНОВНА,

к.ф.н., доцент, кафедра этики, философский факультет МГУ (*anapor@econ.msu.ru*).

МОЙСЕЙЧИК ГАЛИНА ИВАНОВНА,

действительный член АФХ, к.э.н., главный советник, Главное управление денежной политики и экономического анализа, Национальный банк Республики Беларусь (г. Минск) (*g.mojsejchik@nbrb.by*).

ФОМИНА МАРИНА РИНАЛЬДОВНА,

действительный член АФХ, д.ф.н., доцент, профессор, Донской государственной технической университет (г. Ростов-на-Дону) (*fomina.marina@mail.ru*).

СОКОЛОВ РОМАН ЕВГЕНЬЕВИЧ,

к.э.н., доцент, кафедра экономической теории и мировой экономики, Московский финансово-промышленный университет «Синергия» (*Dr.roman.sokolov@yandex.ru*).

ПОРОХОВСКИЙ АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

д.э.н., профессор, заведующий кафедрой политической экономии, экономический факультет МГУ (*anapor@mail.ru*).

КУЛЬКОВ ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ (*viqta@migmail.ru*).

АХИНОВ ГРИГОР АРТУШЕВИЧ,

д.э.н., профессор, кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ (*gakhinov@mail.ru*).

ЗИМАРИН КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., руководитель структурного подразделения группы ВТБ (*doronina@rcbsu.com*).

ДРАШКОВИЧ ВЕСЕЛИН,

д-р, профессор, Университет Черногории (г. Подгорице) (*vesodraskovic@gmail.com*).

ДУНАЕВ ЭРНЕСТ ПАВЛОВИЧ,

ведущий научный сотрудник, лаборатория по изучению рыночной экономики, экономический факультет МГУ (*mekhontseva@econ.msu.ru*).

КОПТЕЛОВА ТАТЬЯНА ИВАНОВНА,

к.ф.н., доцент, кафедра философии, социологии и политологии, Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия (*koptelova2210@rambler.ru*).

ТРИФОНОВ ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

к.э.н., доцент, Норильский индустриальный институт (*evgeni.trifonov@mail.ru*).

АНТИПОВ ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

аспирант, кафедра философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (*rev-r@mail.ru*).

ГИРЕНОК ФЕДОР ИВАНОВИЧ,

действительный член АФХ, действительный член АГН, д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека, философский факультет МГУ (*girenok@list.ru*).

СИНЯКОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра философии, Национальный транспортный университет (г. Киев, Украина) (*olga_zemtsova@ukr.net*).

МОЛЧАНОВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ,

действительный член АФХ, член-корреспондент АГН, д.ф.н., к.э.н., к.соц.н., старший научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет МГУ (*mailconst@gmail.com*).

РОСТОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА,

к.ф.н., старший преподаватель, кафедра философской антропологии и проблем комплексного изучения человека, философский факультет МГУ (*nnrostova@yandex.ru*).

КОЗИЕНКО НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ,

независимый исследователь (г. Новосибирск) (*kistanovvadim@yandex.ru*).

МЕРЗЛЯКОВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ,

научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет МГУ (*merzlyakovss@mail.ru*).

СМИРНОВ ИГОРЬ ПАВЛОВИЧ,

действительный член АФХ, к.и.н. (*post123_2000@mail.ru*).

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,

академик-секретарь АФХ, член-корреспондент АГН, к.э.н., ведущий научный сотрудник, экономический факультет МГУ; первый заместитель главного редактора журнала «Философия хозяйства» (*eszotova@mail.ru*).

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, экономический факультет МГУ продолжают в 2016 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, экономической и философской, обществоведческой науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира.

Научное направление издания: исследования в области гуманитарных и общественных наук, развитие научного направления философии хозяйства и прилегающих к нему отраслей знаний, создание условий для свободного научного творчества, выражения различных мнений, дискуссий, способствующих развитию фундаментального и прикладного знания.

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 12 страниц, т. е. не более 20 000 знаков (без пробелов). К статье должны прилагаться: сведения об авторах (имя и отчество полностью — без сокращений, научная степень, место работы, должность, контактный телефон, адрес, e-mail); аннотация и список ключевых слов (на русском и английском языках), а также название на английском языке. Прикрепленный файл — неархивированный. Формат doc.

Требования к электронной версии: текст статьи в формате Word for Windows шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через 1,5 интервала.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Источники представляются в порядке цитирования в тексте. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]).

Таблицы должны выполняться табличными ячейками Word. Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Графики должны быть построены с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word.

Редакция плату за публикацию не взимает, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 20 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331. Контактный тел. (495)939-4183. По вопросам распространения журнала обращаться к Ирине Анатольевне Ольховой (пн., чт., 14.00—18.00).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Представленные к опубликованию материалы должны соответствовать профилю журнала и формальным требованиям, пройти процедуру рецензирования и получить рекомендацию к публикации от редколлегии журнала.
2. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам редакционно-издательского совета.
3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.
4. Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то она направляется автору на доработку.
5. Окончательное решение относительно публикации материалов принимается главным редактором.
6. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет. При поступлении запроса в Министерство образования и науки Российской Федерации могут быть предоставлены копии рецензий.
7. Отклоненные статьи не возвращаются авторам. В случае отказа в публикации статьи автору направляется мотивированный отказ, основанный на результатах рецензирования.
8. По запросам авторов рукописей и экспертных советов ВАК редакция предоставляет соответствующие рецензии по статье без указания имен рецензентов.
9. Автор дает согласие на воспроизведение статьи на безвозмездной основе в сети Интернет.
10. Журнал является открытым — любой автор, независимо от гражданства, места работы и наличия ученой степени, имеет возможность опубликовать статью при соблюдении требований редакции.